

Михаил Кликин
Идеальный враг

«Автор»

2009

Кликин М.

Идеальный враг / М. Кликин — «Автор», 2009

Армады свирепых инопланетных агрессоров обрушиваются на Землю. Чудовищные создания, пожирающие живую плоть, захватывают все новые территории. Противостоять безжалостному противнику способны лишь Международные оборонные силы, на оснащение и поддержку которых брошены все земные ресурсы. Однако инопланетяне стремительно мутируют, после каждого нового столкновения с вооруженными силами Земли становясь все более неуязвимыми и беспощадными. Рядовому международного армейского корпуса Павлу Голованову предстоит принять участие в самых тяжелых боях с чудовищным противником.

© Кликин М., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	9
1	10
2	11
3	13
4	14
Глава 2	15
1	17
2	20
3	23
Глава 3	25
1	27
2	29
3	31
4	32
Глава 4	33
1	34
2	36
3	40
Глава 5	41
1	42
2	43
3	45
4	47
5	51
6	52
Глава 6	56
1	57
2	58
3	59
4	61
5	63
Глава 7	65
1	66
2	67
3	69
4	70
5	72
6	74
7	79
8	81
Глава 8	84
1	86
2	88
3	89
4	90
5	92

6	93
Глава 9	94
1	95
2	96
3	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Михаил Кликин

Идеальный враг

избранные места из книги

«НАШЕСТВИЕ – история затянувшейся войны»

профессора Санфилда и профессора Эйзермана

(адаптированное для России издание на английском языке)

...Мы и сейчас не знаем, откуда они пришли. Нам не удалось понять логику их действий. За тридцать два года войны мы выяснили многое, но все, что нам известно – это лишь надводная часть айсберга. И только одно не подлежит сомнению – в лице экстерров человечество нашло беспощадного врага. Врага, с которым невозможно договориться. Врага, которого невозможно уничтожить. Врага, у которого нет лица.

Мы можем лишь защищаться.

(...)

Точных свидетельств, когда произошло вторжение экстерров, мы не имеем. Скорей всего, космические пришельцы посещали Землю уже в первой половине двадцатого столетия. По крайней мере, достоверно известно, что именно в это время в воздушном пространстве Земли замечены летающие дискообразные объекты, похожие на корабли экстерров. Тогда действия пришельцев не носили агрессивный характер. Хотя случалось всякое.

В 1946 г. в штате Сан-Паулу (Бразилия) неопознанный летающий объект направил луч света на 40-летнего фермера Престоса, лишив его сознания. На теле Престоса не было видно никаких ожогов, но в течение часа его мягкие ткани стали отваливаться от костей, зубы и кости обнажились. Все это происходило на глазах у свидетелей. Через 6 часов фермер скончался.

Подобные случаи были зафиксированы в 1967 г. в Криксасе (Бразилия) и в 1968 г. около города Окленда.

(...)

По всей видимости, пришельцы проводили разведку, собирали информацию о человечестве и планете. Известно несколько документально подтвержденных случаев похищения людей инопланетянами. Какие эксперименты проводились на космических орбитах – мы не знаем. Что получилось в результате – мы видим сейчас.

(...)

Поначалу пришельцы старались не проявлять своего присутствия. Их корабли были неуловимы. Но остаться совсем незамеченными они не могли.

В 1957 г. венесуэльский ученый Корралес сфотографировал пролет русского «Спутника-2» и обнаружил, что рядом со спутником летел еще какой-то объект.

30 июня 1973 г. во время испытательного полета французского самолета «Конкорд» на высоте 17000 метров экипажем и командой ученых был замечен двигающийся дискообразный объект.

22 мая 1969 г. во время пребывания «Аполлона-10» на высоте 110 км над поверхностью Луны в 324 км восточнее моря Смита американские астронавты Стаффорд и Сернан, находившиеся на отделившемся от корабля посадочном модуле, сняли на кинолентку быстрый пролет по вертикальной траектории белого объекта.

В августе 1971 г. член экипажа «Аполлона-15» Уорден наблюдал огромный объект, летевший над поверхностью Луны.

Армстронг и Олдрин – первые люди, высадившиеся на Луну, наблюдали на ее поверхности большие неизвестные сооружения, явно искусственного происхождения. Что это было – тогда не понимал никто. Сейчас мы можем утверждать наверняка, что уже в то время у инопланетян имелись базы на спутнике Земли.

(...)

В 2011 году над территорией Соединенных Штатов был сбит корабль экстерров. Он рухнул на землю и выгорел почти полностью. Но на месте катастрофы был обнаружен уцелевший контейнер с останками существа, которое журналисты окрестили Рочестерской Тварью.

(...)

В 2022 году о деятельности пришельцев стало известно широкой общественности. Правительство США решило обнародовать часть секретных документов, касающихся контактов с инопланетянами. Именно тогда был снят нашумевший фильм «Нас изучают!», почти предугадавший дальнейшее развитие событий. А в 2024 году вышла полудокументальная книга Анри Роуфа «Друзья не прячутся», где автор впервые назвал инопланетян экстеррами (ExTerг – сокращение от «ExtraTerrestrial»).

(...)

Первое нападение экстерров на земное поселение произошло в 2029 году, 21 февраля. Пришельцы атаковали безымянную деревушку к югу-западу от города Охинага (Мексика). Немногие выжившие свидетели впоследствии рассказывали, что непонятно откуда взявшиеся, размножившиеся в считанные часы экстерры разгромили деревню и двинулись в сторону границы, где и были уничтожены ракетно-бомбовыми ударами авиации США.

(...)

Война была объявлена, но еще не началась.

Пришельцы, получив отпор возле Охинаги, словно затаились на время. Как и прежде, их корабли показывались в воздушном пространстве Земли; время от времени при загадочных обстоятельствах пропадали люди; периодически информационные агентства сообщали о случайных столкновениях с небольшими группами экстерров, но целенаправленных инопланетных атак больше не было. Пришельцы выжидали. Возможно, они анализировали информацию, полученную при первом нападении.

Анализом занимались и земные ученые.

(...)

США выступили с инициативой создания на базе НАТО новой организации, предназначенной для отражения новой угрозы. На основе полученных от ученых данных разрабатывалась новая стратегия, строились планы защитных мероприятий.

(...)

Цивилизованный мир готовился к войне, но не все верили в реальность новой угрозы. Лидеры ряда государств, в том числе и России, проявили преступную недальновидность, посчитав опасность надуманной.

(...)

Экстерры вернулись в 2034 году. Массированная атака инопланетян на города Мексики, Колумбии, Кубы и ряда других латиноамериканских стран получила название «Первой Волны». Благодаря своевременной помощи США и стран – членов НАТО жертв оказалось не так много, как могло быть.

Крупнейшее сражение этого периода произошло в Колумбии близ города Пасто. В ходе операции были уничтожены две колонии экстерров общей площадью 60 квадратных километров.

(...)

В 2037 году по странам Ближнего Востока и Африки ударила «Вторая Волна». Но у нас уже был опыт по ведению боевых действий против плодящихся полчищ экстерров. Ровно год потребовался для того, чтобы справиться с новым вторжением.

(...)

В 2041 году накатил «Третья Волна» нашествия экстерров. На этот раз атаке подверглись государства Восточной Европы, Азии и Океании. (...) Но к тому времени человечество

уже имело надежных защитников в лице UDF (United Defense Force) – международных оборонных сил. Мощная организация, гигантская инфраструктура, в 2038 году созданная США при поддержке ряда дружеских стран, оказалась единственной силой на планете, способной противостоять пришедшим из космоса ордам экстерров...

Глава 1

14.06.2068

Идем на посадку. Трясет, писать сложно. Сам не знаю, разберу ли потом собственный почерк. Но пишу, так как больше делать нечего. Карябаю на бумаге карандашом.

Обзора нет никакого, стены глухие. Куда летим? Ясно только, что вниз. Трясет мелко, то и дело включаются корректирующие двигатели и тогда под ногами что-то жутко скрипит. Надеюсь, так и должно быть. Страшиновато. Стараюсь не думать, что будет, если столкнемся с чем-нибудь.

Ребята в большинстве своем спят. Они привычные. Это я – новичок. Салага.

Сержант наш – парень тертый, – чувствуется – смотрит сейчас на меня. Интересно, о чем он думает?

Гнутый – долговязый, сутулый (потому и «Гнутый») – подрезает ножом ногти. Обкусывает, сплевывает. Губы шевелятся, должно быть, он поет, но его не слышно: шумят двигатели, пол вибрирует.

Рыжий – крутит головой, разглядывает стены, пол, потолок. Ему действительно интересно или только вид делает? Что тут может заинтересовать? – кругом железо, пара приборов – давление воздуха и температура, пластиковые кресла, ремни.

Ухо (правое ухо у него оторвано, говорят, кто-то откусил в драке) – шлифует пряжку ремня. Это его гордость – офицерская пряжка на солдатском ремне. Говорят, кого-то из большого начальства спас, а тот ему подарил в благодарность свою портупею.

Остальные спят. Подняли рано. Вот они и досыпают. Привычка. Я так не могу.

Здесь у всех клички. Имена остались на гражданке. Так легче, понятней – вот Гнутый, вот Рыжий, вот Ухо. А почему Цеце? Надо будет уточнить у ребят.

Сколько прошло времени? Часы есть только у сержанта. Ну и в кабине пилотов, конечно же. Перед погрузкой в корабль у нас у всех зачем-то отобрали часы. Думаю, летим уже час. Сколько осталось?

Температура растет. Наверное из-за атмосферы снаружи.

Наверное, скоро приземлимся.

Трясет так, что желудок выпрыгивает.

Все, заканчиваю.

1

Огромный плоскобрюхий корабль завис над бетонной площадкой. Сопла выключенных маршевых двигателей еще дышали жаром – раскаленный воздух над ними струился словно тюлевые полотнища. Мелко дрожала земля, и с ревом плескали в бетон тугие факелы рыжего пламени, удерживая корабль в воздухе. Лениво покачивались короткие широкие крылья, сверкая серебряными голограммами – «U.D.F.».

А потом монолитный корпус словно лопнул – черные трещины побежали по изъеденному ржавчиной металлу, посыпалась на бетон чешуя окалины. Медленно вывернулись из стальной утробы корявые лапы, повернулись на скрежещущих шарнирах, напружинили рессоры, готовясь принять на себя многотонную тушу корабля. И рев стал глохнуть, укоротились языки упругого пламени. Неторопливо, величественно, уверенно, встал корабль на свои ноги, и бетонные плиты, казалось, просели под его тяжестью.

Хлопнув, погасли дюзы. Скрипнули, словно вздохнули, пружины рессор. А по корпусу корабля змеились новые трещины – раскрывались глухие трюмы, поднимались двери-гильотины, переборки превращались в трапы, гремели цепи подъемников – космическое судно выворачивалось наизнанку.

Со стороны ангаров уже катились к приземлившемуся кораблю роботы-погрузчики, словно для приветственных объятий разведя в стороны руки-манипуляторы. За ними ползли три неповоротливых буксира на широченных гусеницах. От складов тянулась к месту разгрузки черная лента механического транспортера, громокая роликами на неровных стыках рельсов.

Три человека с высоты следили за прибытием и начинающейся разгрузкой корабля. Они находились в просторной, похожей на аквариум комнате, венчающей смотровую башню, стоящую на краю посадочной площадки. Первый из них – высокий, улыбчивый, подвижный – главный инженер Форпоста, – с профессиональным интересом наблюдал за деловитой суетой оживших механизмов. Он гордился четкостью и слаженностью их работы, хотя его заслуги в том не было. Он сам прибыл на Форпост неделю назад и не успел даже толком ознакомиться с технической документацией.

Второй человек – в гражданском костюме, неестественно аккуратный, холеный, словно бы даже лоснящийся – начальник отдела информации – хищно всматривался в раскрывающуюся громаду корабля. Он с нетерпением ждал, когда оттуда появятся люди. Роботы его не интересовали.

Третий человек на вознесенном к небу наблюдательном пункте – коренастый, сутуловатый, небритый, сонный и хмурый, в мундире с полковничьими знаками различия – командир Форпоста – откровенно скучал. Последние несколько лет он жил в ожидании пенсии, и потому с большим неудовольствием принял новое назначение в этот дикий, Богом забытый край.

– Ну вот и пополнение, – удовлетворенно сказал начальник отдела информации. Теперь забот нам прибавится.

– Наконец-то людей здесь станет больше, чем роботов, – буркнул командир, подавляя зевок.

– Не забудьте, – живо повернулся к нему главный инженер, – вы обещали мне двух человек!

– Помню. Обещал.

– У меня некомплект кадров!

– А у меня пока ни единого бойца... Поглядим, кого нам прислали...

2

Словно комар сердито заныл пробудившийся зуммер. По потолку бегущей волной прокатилась к выходу линия красных огней.

– Приготовились! – рявкнул сержант.

Бойцы отстегнули ремни, удерживающие их в креслах. Кто-то чуть приподнялся, массируя затекшие от долгого сидения ноги.

– Я не давал команды двигаться! – сержант разевал пасть так широко, что, казалось, можно было увидеть, как в его глотке рождаются звуки. – Гнутый, сядь на место! Цеце, подбери свои ходули! Кто там щерится? Пасть закрой!..

Щелкнув соленоидами, разблокировались замки. С лязгом отошли запирающие стержни. Чавкнув, ушла вверх гильотинная дверь, и в тесное помещение потек дым, воняющий горелой изоляцией. Взыла сирена, заглушая зуммер, и бегущая дорожка огней сменила цвет на зеленый.

– Вперед! Быстро! Марш!

Вразнобой застучали по металлическому полу окованные ботинки. Запрыгали по стенам взбалмошные тени.

– Взять ногу! – сержант ярился. –левой!левой!

Зеленые огни ручьем катились в открытую дверь и убегали вглубь темного извилистого коридора, направляя людей к выходу, задавая им темп движения.

– Шире шаг, черти! – ни на миг не смолкал сержант, стоя возле двери и по одному пропуская мимо себя бойцов. – Не растягиваться! – Он с силой подталкивал в спину бегущих солдат, словно впихивал их в овальную дыру дверного проема. Рыжий, получив увесистый шлепок по лопаткам, приостановился, повернул к сержанту рябое лицо, осклабился:

– Может не надо так рьяно, сэр?

– Двигай, Рыжий! – сержант мутным взглядом исподлобья смотрел сквозь бойца. Неприличного человека такой взгляд испугал бы, но сержант и Рыжий давно знали друг друга.

– Новое место, сержант, – Рыжий ухмылялся. – Новое начальство. Понимаю.

– Еще одно слово, и три наряда я тебе обещаю!

– Понял, сэр!

В коридоре громыхали громом сотни окованных подошв. Из открывшихся отсеков выбегали бойцы, на ходу перестраивались и спешили к выходам, следуя за волнами зеленых огней, подгоняемые воем сирены и тычками одинаково сердитых сержантов.

Павел покидал душный отсек последним. Он выронил карандаш, когда убирал записную книжку, и замешкался, доставая его из-под сиденья. Сержант с издевкой следил, как новичок, путаясь в болтающейся амуниции и тихо поругиваясь, ползает на коленях, отыскивая закатившийся карандаш.

– Что, писатель, тяжело начинается служба?

Света было мало, только зеленые всполохи пробежали по потолку.

– Давай, давай! – сержант шагнул от двери. – Ну что за раззява в моем взводе?

Павел наконец-то отыскал карандаш, подхватил его и выпрямился, оказавшись лицом к лицу с рассерженным взводным.

– После отбоя два часа занятий на плацу!

– Да, сэр! – рявкнул Павел, вытаращив глаза.

– Что ты там писал? – сержант чуть понизил голос.

– Дневник, сэр!

– У тебя что, много свободного времени? Ладно, сейчас некогда. Но мы еще вернемся к этому разговору. На выход!

– Есть, сэр!

Взвод ждал их в коридоре. Тридцать хмурых лиц одновременно повернулись к двери. Кто-то буркнул что-то недовольное, но сержант уже ругался:

– Что встали? Кого потеряли?

– Вас, сэр! – прогнусавил Ухо.

– Я знаю, что ты потерял! – сержант, оскалившись, навис над излишне разговорчивым бойцом. – Ухо свое ты потерял! А теперь проверь, на месте ли хозяйство! Может тоже кто откусил?!

В тридцать глоток грянул хохот, заглушив сирену.

– Хватить ржать! Последними идем! Марш!

Коридор петлял словно кишка. Вой сирены то глож, отставая, то вновь нарастал, появляясь спереди. Грохотало, лязгало железо под ногами. Волной бежали по потолку огни.

Вскоре пол пошел вниз, под уклон. Стало светлеть, и скачущие по стенам, преследующие бойцов тени побледнели. Потянуло сквозняком, дышать стало значительно легче.

– Подтянуться! Выровняться!

А когда взвод сбежал на горячий бетон посадочной площадки под лучи яркого солнца, недоумевающий, вроде бы даже чуть растерявшийся сержант повернулся к Павлу:

– Это и есть ваша Сибирь?

Чистое без облачка небо. Далекие величественные бугры сопки, на долгих пологих склонах щетина сосновых перелесков – редких и светлых. Веселый проблеск озера в ложбине.

– Да. Это наша Сибирь.

– А где же снег? Как же морозы?

– Сейчас лето, – усмехнулся Павел. И помедлив, добавил негромко: – Еще будет. И снег. И мороз. И медведи с росахами.

3

Все Форпосты строились по одному проекту. Точнее, проектов было несколько, на разные климатические зоны, но различия между ними были заметны лишь самим проектировщикам и строителям. Солдат же, куда бы они ни прибыли, везде ждало знакомое однообразие: взлетно-посадочная площадка для тяжелых кораблей ES-класса, аэродром для гиперзвуковых самолетов класса LT и десантных вертолетов, блок-госпиталь, выкрашенный в белый цвет, буро-зеленые казармы, помывочный пункт с пристройкой сауны, гостиница на двадцать номеров, солдатская столовая, бар, плац, спорткомплекс, открытый стадион с полосой препятствий, ангары, гаражи, склады; в стороне – городок: жилые дома для офицеров и вольнонаемных, гостиница для гражданских лиц, магазинчики, клубы для культурного досуга, двухэтажный ресторан, а вокруг всего этого – широкое кольцо высокого бетонного забора с датчиками движения и видеокамерами, со спиралью колючей проволоки поверху. И один-единственный КПП, за тройными дверьми которого, за шлюзом цельнометаллических ворот, начинается дорога в большой мир.

В мир, который нужно защищать.

4

Ровными коробками выстроились на плацу роты. Замерли, закаменели людские ряды. Вытянулись по швам руки. Крепко сомкнулись пятки. Застыли суровые лица.

– ...Вы прибыли сюда, чтобы защитить свой мир! – Грохочущий голос с разбегу бился о шеренгу бойцов, словно прибой плескал в скалу. Начальник отдела информации, поднявшись на невысокую трибуну, выступал перед солдатами с приветственной речью. – Своих родителей, своих братьев и сестер, своих жен и детей! Враг безжалостен! Значит и мы будем безжалостны к врагу!.. – Отражаясь от стен, рокочущим эхом возвращалось сказанное, катилось по плацу, и все слушали не столько слова, сколько их рокот. Не в словах чувствовалась сила, а в том как они звучали. – Вы здесь, а это значит, что вы настоящие сыны своих народов, преданные нашему общему делу! И пока мы вместе, враг не поставит нас на колени!

Оратор замолчал, медленно, словно через силу поднял руку, стиснул кулак над головой, угрожая небу, а пять сотен бойцов – солдат и офицеров – затаив дыхание, зачарованно слушали, как не желают умирать отзвуки усиленного микрофоном голоса.

– А теперь скажу я, – глухо и бесцветно прозвучали чьи-то слова. И ряды бойцов чуть заметно дрогнули. Пятьсот пар глаз обратились на невысокого, невзрачного человека в форме с полковничьими знаками различия, сутулой спиной устало привалившегося к трибуне. – Я хочу, чтобы вы поняли одно, – тихий голос заставлял вслушиваться, – здесь ваш новый дом. А все остальное – поле боя... – Полковник, замолчав, обвел взглядом строй бойцов. Отчего-то поскущнел, ссутулился еще больше. Сказал хрипло, совсем не по-военному, просто, буднично: – Командирам проверить наличие личного состава и доложить.

И строй распался. Командиры отделений и взводов, печатая шаг, выступили вперед, развернулись лицом к подчиненным, начали перекличку. Ротные принимали первые доклады, разворачивались, направлялись к командиру. А тот, все также опираясь спиной на трибуну, словно забыв о воинском приветствии, кивал приближающимся офицерам и совсем не по уставному протягивал им руку.

– Добро пожаловать на новое место. На днях обязательно зайду к вам поговорить.

Смущаясь, ротные жали вялую сухую ладонь, и спешили доложить:

– Сэр, отсутствующих нет!

– Хорошо, – говорил полковник, и было заметно, что его одолевает смертная скука. – Очень хорошо.

Глава 2

15.06.2068

Казармы здесь точно такие же, как и в учебном центре – само здание, вытянутое и оттого похожее на коровник, и спальные комнаты-ячейки, каждая на тридцать пять человек – на взвод. Спортивный уголок, а в нем те же снаряды, и расставлены так же. Комната отдыха со столами, креслами, двумя шкапами и прочей стандартной мебелью. Туалет на восемь посадочных мест, умывальники. Даже постельное белье точно такое же. Не думаю, что это совпадение. Наверное, так и задумано. Наверняка. Чтобы солдат, попав на новое место, сразу во всем ориентировался.

Вчера командиры нас порадовали – дали два выходных на обустройство. Вечером до отбоя ходил с ребятами осматриваться – они взяли меня проводником, сказали, что боятся заблудиться в русской тайге, вроде бы как пошутили. Трое из них поляки, что меня особенно позабавило. Но они так и не поняли юмора, видимо историю свою совсем не помнят.

Осматриваясь, ушли далеко за ангары, подошли к оружейным складам, оттуда нас прогнал часовой – даже разговаривать не стал, все оружием грозил и ругался на иврите, кажется. Непонятно, но обидно.

Плюнув, обошли склады стороной, вышли к самой стене. Высоченная – метра четыре – не меньше. Граница – дальше нельзя! Прогулялись вдоль, потом вернулись – уже темнеть стало. Наткнулись на незнакомого офицера, он нам прочитал целую лекцию о вреде безделья. Цеце, послушав, рассказал ему историю о своем прадеде, который жил припеваючи, ничего не делая, а потом решил отремонтировать крышу и сломал шею, свалившись с лестницы. Офицер вроде бы обиделся и ушел, ничего больше не сказав.

Кстати, я понял почему Цеце так называют. Он сам откуда-то с Украины, и даже когда по-английски говорит, это его «цеканье» здорово режет слух. Сам он своего «акЦЕнта» не замечает.

Сегодня весь день разбирали вещи, рассовывали по тумбочкам и шкапам. У Рыжего личных вещей нет, только то, что положено – зубная щетка, ложка, бритва. И фотография, которую он прячет. Я проходил мимо, когда он ее рассматривал, и он отвернул ее от меня, спрятал за собой и глянул колюче. Впрочем, и другие ездят почти без багажа. Если со мной сравнивать. У меня две сумки и чемодан – ребята посмеивались, когда я их тащил через всю казарму на свое место. Чемодан я так и не разобрал – некуда было выкладывать вещи. Сунул его под кровать.

Оказывается, Гнутый везде возит с собой хота. Вчера он принес клетку со своей животной, поставил ее (в смысле клетку) на окне. Хот здоровый, пушистый, мордастый. Сержант ругается, но не сильно, как бы для очистки совести, по обязанности своей.

Сержант, кажется, до сих пор не верит, что его привезли в Сибирь. Он-то полагал, что попадет в заснеженную тайгу, а здесь сейчас днем 37 градусов жары по Цельсию, да и ночью немногим прохладней. Он родом из Испании, по национальности немец, а фамилия у него, вроде бы, английская. Занятное сочетание.

Едим сухпай. Невкусно. В столовой пока ни разу не были – а так хочется чего-нибудь горячего, наваристого. Говорят, до сих пор не могут найти поваров. Вроде бы сперва хотели отыскать кого-нибудь из местных, из городка, что в тридцати километрах от нас. Но никто не захотел перебираться в Форпост. Ходят слухи, что привезут нам повара от космолетчиков – они дислоцированы неподалеку, в трехстах километрах к югу, в Монголии. Уж скорей бы. Сухпай надоел.

Сейчас вечер. Пишу лежа. Вот-вот выключат свет. А спать совсем не хочется. Переполняют новые впечатления.

Ребята зачем-то зовут.

Все на сегодня!

1

– Эй, дорогой, ты чего все пишешь? – забираясь под одеяло, крикнул Шайтан – маленький араб с огромным носом и с волосатыми, как у джинна, ушами.

– Дневник.

– Зачем это? – неприязненно прогнусавил Ухо.

– Может когда-нибудь напечатаю, разбогатею, – Павел улыбнулся, пожал плечами. Он догадывался, что к «писакам» здесь отношение, мягко говоря, осторожное.

– И про нас пишешь? – спросил Рыжий.

– Про все пишу.

– Разбогатеешь, про меня не забудь! – Цеце, зевая, стягивал через голову майку. На волосатой груди серела татуировка – автомат Калашникова и надпись «СССР». – Иначе через суд потребую свою часть гонорара.

– Будет тебе гонорар, – пропыхтел Зверь – квадратный, бугрящийся мышцами капрал. Он уже третью минуту держал «уголок», приподнявшись на руках над табуретом. – Гонорар от Юдифи. Сто баков в неделю. Домик на природе. И зарезервированное место на кладбище героев. Только доживи. До пенсии.

– С таким командиром, – вздохнул кто-то, – нам не то что до пенсии... До отпуска бы очередного дотянуть.

– Да уж... – хмыкнул Рыжий. – Полковник наш совсем старичок. Интересно, впал он в маразм или еще все впереди?

– Зато брехун у нас молодой и бодрый, – Гнутый пересел к окну и стал сквозь прутья клетки кормить хотя тушенкой из сухпая. – Голосистый. Как он сегодня на весь плац!

– А им положено такими быть, – Цеце обкусывал ногти. – Ты видел когда-нибудь пожилого брехуна?

– Нет.

– То-то и оно, – Цеце щелкнул языком. – Вот я и думаю – может их списывают куда-нибудь, когда они стареть начинают?

– Ага, – хохотнул Зверь, и вытянутые ноги его дрогнули. – Списывают и в расход пускают. Чтобы больше никому кровь не портили.

– Слушай, молодой, – повернулся вдруг Рыжий к примолкшему Павлу. – Ты поаккуратней со своими записями. Не дай бог прочтет кто, о чем мы тут говорим.

Сразу сделалось тихо, и стало слышно, как глухо ворчит хот, дожирая тушенку.

– Да, конечно, – Павлу сделалось неудобно. – Я все понимаю.

– Понимать мало, – с неприязнью в голосе сказал Ухо. – Надо дело делать. Увидит начальство, что ты что-то в блокнотик черкаешь, сразу на дознание поведут.

– Я понимаю. Командиры ничего не видели. Только... – Павел почувствовал, что краснеет. – Только сержант.

Рыжий ухмыльнулся:

– Сержант свой человек, хоть и страшен, конечно, он на вид и голос. Но он с тобой в бой пойдет, ты его спину прикрывать будешь, и он отлично это понимает. Так что его ты не бойся. Ты бойся тех, кто в штабе сидит. У них голоса ласковые, и лица приветливые. А на войне это самое страшное – приветливые лица и ласковые голоса. Вот чего бояться надо. Вот от чего подальше держись.

– Ладно тебе, Рыжий, парня запугивать, – сказал Гнутый, открывая дверцу клетки и вынимая недовольно фыркающего хота.

– А я не запугиваю, – Рыжий холодно улыбался, глядя Павлу в лицо. – Я ему правду рассказываю. То, чего в учебке не говорят. То, о чем брехуны молчат.

Снова стало тихо. Гнутый отпустил хота на пол, и зверь, оказавшись в новой незнакомой обстановке, стал, осторожничая, исследовать казарму, то и дело поглядывая на хозяина. Бойцы с интересом наблюдали за осваивающимся животным.

Через минуту свет в казарме погас. Только по углам горели синим светом маленькие ночники.

– Отбой! – крикнул в коридоре дежурный. И предупредил тоном пониже: – Сержант идет!

– Я иду! – рявкнул через пару секунд знакомый голос, и широкая тень заслонила дверной проем. – Почему еще не спим?

– Ладно тебе, сержант, – буркнул Ухо, расшнуровывая ботинки. – Начальников тут нет, не выделяйся.

– Зверя своего опять выпустил... – Сержант присел на корточки, потянулся к оскалившемуся, зашипевшему хоту. – Гнутый! Я же говорил, чтоб зверюга твоя в клетке сидела!

– А он крысу ловит... – Гнутый, озабоченно хмурясь, заглянул под кровать. – Только что тут пробежала. Вот мы его и выпустили.

– Крысу? – недоверчиво переспросил сержант. – Врешь ведь!

– Вон, русский подтвердит, – Гнутый кивнул в сторону Павла.

– Врет? – с затаенной надеждой спросил сержант у Павла.

– Что-то промелькнуло... И, кажется, не экстерр.

Сержант скривился, пробурчал что-то сердитое, почти наверняка зная, что его дурят.

– Что сказали на совещании, сержант? – Шайтан высунул из-под одеяла нос и зевнул.

– Ничего хорошего. Объявили мне выговор за твои небритые уши.

– Эх, нехорошо так говорить! – обиженный Шайтан отвернулся к стене.

Сержант усмехнулся:

– Ладно, всем спать. Возможно, ночью будет учебная тревога, начальство хочет с вами познакомиться. Так что убирайте своего зверя в клетку, а то наступите еще ненароком... А ты, писатель, обувайся. Я тебе обещал два часа занятий на плацу? Думал, я забыл? Я ничего не забываю! Потому что у меня тоже есть блокнот, и я тоже умею писать! Быстро! Выходи строиться перед казармой!

– Гениально, сэр! – воскликнул вдруг Гнутый, устремляя в потолок указательный палец.

– Что? – С подозрением глянул на него сержант.

– Писатель! Это гениально!

– Да?

Гнутый, шлепая по полу босыми ногами, подбежал к обувающемуся Павлу, хлопнул его по плечу и проговорил нараспев:

– Нарекаю тебя Писателем!

Заскрипели кровати, раздались первые хлопки, зазвучали веселые голоса:

– Писатель! Писатель! С новым именем тебя, молодой!

– Тихо! Тихо, черти! – пытался унять нарастающий шум сержант. – Марш-бросок устрою вам завтра! Заткнитесь!

Но уже почти вся казарма гудела:

– Эй, Писатель! Когда именины? Новое имя полагается обмыть! С первой же выплаты! Писатель, слышишь! Нас не забудь позвать!.. – От других взводов, стуча голыми пятками, прибежали закутанные в простыни послы. Они выстроились в очередь и с серьезными минами, но с веселыми искорками в глазах, подходили к смущенному Павлу, церемонно жали руку, представлялись, витиевато поздравляли с новым именем.

Сержант, выругавшись, махнул рукой на творящийся беспорядок, и присел рядом с Гнутым, с некоторой опаской поглаживая недовольного, но великодушного хота, по кошачьи свернувшегося на коленях у хозяина.

А рота все никак не могла успокоиться. И даже когда сконфуженный именинник в сопровождении надувшегося сержанта ушел на улицу, развеселившиеся бойцы еще долго смеялись, шутили, подначивали друг друга, не обращая внимания на дежурного, жалобно призывающего их к порядку.

Военные люди любят праздники.

2

Ровно два часа, минута в минуту, вышагивал Павел по пустому гулкому плацу под ритмичный счет и отрывистые команды сержанта. Маршировал непрерывно, звонко печатал шаг, высоко поднимая ногу, широко отмахивая руками – как было велено в пособии по строевой подготовке. Лишь один раз ему было позволено немного отдохнуть – на плац вышел дежурный уорент-офицер, подошел к сержанту, небрежно козырнул в ответ на его четкое приветствие.

– Почему не спите, сержант?

– Помощник командира четвертого взвода первой десантной роты, штафф-сержант Хэллер, сэр!

– Я спрашиваю, почему не спите, сержант Хэллер.

– Отрабатываем наложенное взыскание, сэр!

Павел, стоял, вытянувшись по стойке смирно, высоко вздернув подбородок, таращась прямо перед собой, как было предписано уставом.

– Фамилия?

– Рядовой Голованов, сэр! – ответил за своего подчиненного сержант. И словно оправдывая его, чуть тише, добавил: – Он только что из учебного центра.

– Голованов... – медленно проговорил уорент-офицер. – Русский?

– Так точно, сэр! – отозвался сержант.

– Что за фамилии у вас, русских, – пробурчал уорент-офицер, разглядывая застывшего безмолвствующего Павла. Не дождавшись ответа, махнул рукой:

– Ладно, продолжайте... – Он повернулся, намереваясь вернуться в штаб, в каморку дежурного, где остались старший офицер и солдат-посыльный, но вспомнил что-то и снова обратился к сержанту:

– Хэллер!

– Да, сэр!

– Закурить есть?

– Так точно, сэр!

– Дай сигарету.

– Пожалуйста, сэр! – Сержант красиво и четко – словно специально тренировался – выхватил из нагрудного кармана пачку сигарет, протянул уорент-офицеру. Тот вытащил одну сигарету, помедлив, поразмыслив, взял еще одну. Поблагодарил:

– Спасибо. Свои кончились, а ночь длинная.

– Да, сэр.

– Вы тут недолго дадите. Перед рассветом тревога может быть. Отсыпайтесь.

– Ясно, сэр. Скоро закончим.

– Ну-ну...

Уорент-офицер, спрятав трофейные сигареты за обшлаг кителя, ушел. И муштра возобновилась.

Было уже совсем темно. Над черными сопками поднялся в звездное небо месяц – тонкий, словно след от ногтя. Из-за темных казарм, с той стороны посадочной площадки, где стояли ангары, доносилось грохотание, слышалось мерное постукивание, там зарницами вспыхивали отблески электросварки – техники разбирались с новым оборудованием, проверяли его, доводили до ума – времени у них почти не оставалось, и они трудились даже ночами. Главный инженер Форпоста был настоящим фанатиком работы...

– Все на сегодня, – устало сказал сержант через полчаса. – Покурим и пойдем спать. После прогулки на свежем воздухе спиться хорошо, по себе знаю. Сигареты есть?

– Я не курю, сэр.

– Это правильно, – Сержант мял в пальцах сигарету. – Я до армии тоже не курил. А тут начал.

Они присели на ступенях трибуны, с которых не так давно приветствовал их начальник отдела информации – брехун, если говорить проще.

Сержант щелкнул зажигалкой, понес огонек к сигарете, затянулся, выдохнул дым в ночное небо. Долго смотрел на месяц. Сказал тихо:

– На Луне, по последним данным, шесть баз экстерров.

Павел тоже посмотрел в небо. Нашел среди звезд красную искорку – возможно, Марс. Сказал:

– И на Марсе три.

– Да... И, вроде бы, на спутниках Юпитера. А может и еще где-то... Далеко, чертovsky твари. Нам до них не дотянуться.

– Когда-нибудь, сэр, мы очистим от них всю Солнечную систему.

– Когда-нибудь...

Павел смотрел в небо и вспоминал дом. Думал об отце, которого совсем не помнил. О матери и сестре. О Тинке – впечатлительной, смешливой Тинке, веселой девчонке, которая однажды вдруг изменилась, стремительно повзрослела.

А когда-то они тоже вот так смотрели в небо, и он показывал ей Марс, и рассказывал об экстеррах, а она ежилась и прижималась теснее. Тогда ему нравилось пугать ее. Теперь же...

– Ходят слухи, затевается третья экспедиция, – сказал сержант.

– На Луну?

– Нет, на Марс.

– Нанесем удар по логову?

– Может узнаем что-то новое про этих тварей. Вдруг найдем самих хозяев?

– Две экспедиции ничего не дали.

Сержант помолчал. Потом заявил жестко:

– Я буду туда проситься. Я уже готовлю рапорт.

Павел посмотрел на него. Напомнил то, о чем не было надобности напоминать:

– Первые две не вернулись.

– Знаю.

– Все погибли. Весь десант.

– Космолетчики вернулись.

– Они не высаживались на поверхность.

Сержант пожевал губами сигарету. Повторил тихо:

– Я буду туда проситься.

Они помолчали, задумавшись каждый о своем.

– Слушай, Писатель, – всем телом повернулся к Павлу сержант. – Ты на меня не обижайся, ладно? Я иногда кричу, ору, могу и кулаком двинуть, но ты не обижайся.

– Нет, сэр.

– Ты пойми, я ведь совсем не такой, каким кажусь. Я не настолько туп, и не так груб, как выгляжу. Это роль. Погоны – это как маска. Я надеваю форму, и начинаю играть роль. Такие уж правила. Иначе нельзя.

– Понимаю, сэр.

– Понимать не надо. Главное – не обижайся. Обид на войне быть не должно.

– Да, сэр.

– Думаешь, мне доставляет удовольствие гонять тебя тут два часа? Да я сам спать хочу. Просто уж роль у меня такая. У каждого своя роль... – Сержант затянулся в последний раз, щелчком выбросил окурок – алая стрелка рассекла ночь, ударилась о бетон и рассыпалась мелкими искрами.

– А знаешь, какое самое страшное наказание было у нас в учебке? – Сержант встал, потянулся, кряхтя. – Не марш-бросок, не шагистика на плацу. Это для настоящего солдата на пользу и в удовольствие. А нас заставляли учить стихи. Запирали в карцере с книгой, и пока не вызубришь, не расскажешь наизусть отрывок, из карцера не выйдешь. Чем больше провинность – тем больше учить. Я Шекспира читал, и Гёте, и Шиллера. Гомер – это настоящее мучение. И ваших тоже знаю – Пушкина, Чехова.

– Чехов прозаик, сэр, – заметил Павел, поднимаясь и отряхиваясь.

– Да, – кивнул сержант. – Мне он тоже никогда не нравился. Пошли спать, а то как бы не устроили нам тревогу за три часа до подъема...

Когда они уже поднялись на освещенное крыльцо своей казармы, сержант придержал Павла за руку:

– Слушай, Писатель... – казалось, он чего-то смущался.

– Да, сэр.

– Ты забудь, что я там тебе говорил. На плацу. Забудь, слышишь! Это я так... Ерунду всякую нес...

– Да, сэр. Понял, сэр.

Сержант секунду смотрел Павлу в глаза, потом отвел взгляд и пробормотал:

– Зря... Это все чертовы звезды...

3

Тревогу устроили за полтора часа до подъема.

Взвыла сирена над штабом, в казармах вспыхнул свет, замигал нервно. Загудели вызовами матюгальники громкоговорящей связи, и вялые дежурные, встрепенувшись, закричали, срывая голоса:

– Тревога!

Одновременно во всех казармах взметнулись крыльями отброшенные одеяла. Заскрипели, раскачиваясь, двухъярусные койки, сбрасывая с себя людей. Многоголосая, многоязычная ругань заглушила рев сирены.

Павел скатился с кровати, еще ничего не понимая, еще толком не проснувшись. Кинулся к своей тумбочке, на которой была сложена форма, с кем-то столкнулся, чуть не упал.

– Быстрей! Быстрей, черти! – орал сержант Хэллер, уже когда-то успевший одеться. Или он не раздевался на ночь? – Три минуты до построения!

Павел наклонился к своим ботинкам и невольно охнул от резкой боли, пронзившей одеревеневшие после ночных упражнений икры.

– Сколько вас можно ждать! – бесновался сержант, раздавая подзатыльники бегущим мимо него, застегивающимся, заправляющимся на ходу бойцам. – Сказано было, что планируется тревога! Ну что за идиоты!

Стучали по полу окованные подошвы форменных ботинок, царапали пластик покрытия. Старшие групп и командиры отделений выкрикивали имена подчиненных, проверяли, все ли на месте. Бойцы выбегали на улицу, строились в шеренгу на площадке перед казармой.

Павел, запутавшись в шнурках, никак не мог обуться и с горьким отчаянием понимал, что снова он в числе последних.

– Быстрей, Писатель! – надевая штаны, мимо на одной ноге пропрыгал к выходу Шайтан.

– Полторы минуты до общего построения! – сержант с ненавистью смотрел на мешкающего Павла. В казарме они остались вдвоем. Все остальные ждали их на улице.

Павел зло выругался, досадуя на себя, пеняя на невезение. Ну почему так получается? Он же не хуже других был в учебке. Укладывался во все нормативы. Никогда никуда не опаздывал. А здесь! Как нарочно!

Он выпрямился, подхватил ремень, бросился к двери. Сержант отвесил ему подзатыльник, едва не сбив с ног, придав ускорение.

Они выбежали на крыльцо и рота приветствовала их свистом.

– Нале-во! Бегом, марш! – рявкнул сержант, не дожидаясь, пока Павел займет свое место в строю. – Ускориться! Быстрей, черти! Быстрей! Минута до построения!

Ритмично гроыхая ботинками по бетону, они идеально ровной колонной мчались на плац. А небо над темными сопками светилось розовым, и алели акварельные мазки растянувшихся на полнеба облаков – это было настолько красиво и величественно, что у Павла перехватило дыхание.

– Левой! Левой! – голос сержанта словно отдалился. – Шевелитесь, черти!

Павел сбился с ноги, его тут же толкнули в плечо, ударили по пяткам, и он, очнувшись, негромко выругавшись, опустил голову, уставился в серый бетон.

Они выбежали на плац в последние мгновения. Офицеры уже стояли на своих местах. Командир роты, капитан, глянул на свой хронометр, недовольно покрутил лысой головой, надел фуражку. Командиры взводов, лейтенанты второго класса, молодые, только что из офицерской школы, дружно погрозили кулаками сержантам, своим заместителям.

– Становись! – прозвучала команда.

Бойцы рассыпались, перестроились в шеренгу повзводно.

– Командирам проверить наличие личного состава и доложить!

Началась осточертевшая переключка, и Павел, заскучав, вновь посмотрел на застывшее небо.

– Эй, русский, – прошептал кто-то справа. – Ты часто дрался?

– Что? – Павел повернул голову, встретился взглядом с незнакомым солдатом из второй роты.

– Ты дрался когда-нибудь, спрашиваю?

– Ну... Да... А что?

– Заткнитесь там! – сержант Хэллер, не оборачиваясь, дернул плечом.

И Павел заткнулся. Но боец из второй роты не успокоился:

– У нас два молодых, такие же дохлые, как и ты. А вот в четвертой роте, говорят, есть один здоровый. Но я его еще не видел...

– Я видел, – шепнул сзади кто-то из своих. – Здоровее, чем наш Зверь. Убийца!

– А? Чего надо? – это Зверь, услышав свое имя, заинтересовался разговором.

– Русский ваш суховат.

– Он писатель, – со смешком сказал Рыжий и осекся, получив тычок локтем от стоящего рядом сержанта.

– А в четвертой роте, говорят, есть один здоровяк...

Павел, высоко задрав подбородок, смотрел в небо и старался не обращать внимания на осторожные шепотки, гуляющие по строю.

С трибуны брехун вещал что-то патетическое, знакомое и оттого совсем неинтересное. Помятый старик-полковник, зевая, поглядывал на часы.

– Зачем подняли? – буркнул Цеце. – Дурь эту, сто раз слышанную, слушать?..

Закончив речь, начальник отдела информации совсем другим тоном – потише, без надрыва в голосе – зачитал годовой давности распоряжение восточно-европейского штаба UDF о создании Форпоста номер 863. Объявил, что Форпост начнет выполнять свои боевые задачи согласно плану, с первого июля две тысячи шестьдесят восьмого года.

Вздых недовольства прокатился над строем.

– Две недели без дела торчать, – фыркнул Ухо.

– Сгнием тут! – возмутился Зверь.

– Тоска, – протянул Рыжий.

– Молчать! – тут же одернул расшумевшихся бойцов сержант.

Заглушив нарастающий шум, грянули вдруг мощные аккорды гимна UDF. Из ревущих динамиков прозвучала команда перестроиться для прохождения торжественным маршем.

– Тьфу! – Цеце выругался. – Теперь так и будем две недели маршами ходить, плац подметать. Занять-то нас больше нечем...

Четко и слаженно перегруппировались подразделения, сомкнулись, разбившись на ровные коробки – словно большая головоломка собралась в новую конфигурацию.

– Ма-арш! – пророкотала команда.

И сотни ног синхронно ударили в бетон.

Павел шел в самой середине строя. Он, как было велено уставом, крепко прижимал руки к телу, но, следуя негласным правилам, чуть растопырил локти, касаясь ими локтей соседей и таким образом контролируя свое положение в шеренге.

Бойцы, уставшие стоять в строю, маршировали с показным удовольствием. Звонко печатали шаг, дружно выкрикивали приветствие. Никому не хотелось заходить на второй круг.

Полковник, перестав зевать, по-обыкновению хмурил густые брови, но было видно, что он сдержанно улыбается, глядя на проходящие мимо подразделения.

– На этом всё, – сказал в микрофон брехун. – Идите, досыпайте... – Это звучало как издевка. До подъема оставалось чуть больше полчаса.

Глава 3

17.06.2068

Надоело валять дурака! Это общее настроение – и офицеров, и сержантов, и солдат.

Мы облазили весь Форпост, побывали везде, где разрешено. За забор нас пока не выпускают, да там, собственно, ничего нет – сопки. Сообщение с миром еще не налажено. Но обещают, что вот-вот до ближайшего города (до него 30 км) начнет ходить бус. Три раза в день. По выходным, кроме того, два дополнительных рейса – рано утром и поздно ночью.

Поскольку заняться нам нечем (бар все еще не работает, тир закрыт, доступа в Сеть нет. Открылась библиотека, но она пустует, кроме меня и молодых лейтенантов туда никто не заглядывает. Лейтенанты, надо заметить, идут туда не за книгами, а только ради того, чтобы пообщаться с симпатичной библиотекаришей)... Так вот, поскольку заняться нам нечем, и чтобы мы не слонялись, нас занимают всевозможной муштрой. Каждый день три часа строевой подготовки – это не считая ежедневных разводов. Разбираем-собираем оружие – видим его только на занятиях, да и то – старые образцы или вовсе тренировочные муляжи. Слушаем лекции брехуна и его помощников. Смотрим одни и те же учебные фильмы про экстреров. зубрим уставы и пособия. На складах таскаем с места на место какие-то ящики, кажется, все одни и те же – выполняем работу грузовых роботов. А еще метлами подметаем чистый бетон – за этим занятием хорошо думается.

Вчера, к слову сказать, орудуя метлой, пришел к мысли, что все это правильно. Если солдату нечего делать, необходимо придумать ему занятие. Иначе он обязательно что-нибудь натворит.

Кстати, вчера вечером видел, как наш сержант брал в библиотеке книгу. Кажется, Чехова.

Послезавтра должны открыть спорткомплекс. Все с нетерпением этого ждут, но особо на эту тему не распространяются. Как я понял, будет что-то вроде солдатского праздника. И, кажется, вечером там состоится «посвящение» молодых бойцов. Меня в том числе. Пока не совсем ясно, что надо будет делать, но, кажется, придется драться.

Драться я не люблю.

Наконец-то я познакомился со всеми в своей роте. Не всех помню по именам-прозвищам, но в лицо узнаю каждого. Здравуюсь. Они называют меня Писателем. Не самое худшее прозвище. В третьем взводе одного товарища зовут Глистом. А во втором взводе есть Задница. Забавно слышать порой что-нибудь вроде:

– Задница, подтянись!

Недавно было собрание. С нами знакомились офицеры – ротный и взводные. Беседовали сначала со всей ротой, потом уже вызывали по-одному. Малоприятное ощущение – сидеть перед сборищем офицеров, и смотреть, как они неспешно листают твое толстенное личное дело и о чем-то шепотом, чтобы ты не слышал, переговариваются. Мне задали лишь один вопрос – хорошо ли я знаю эти места. Я ответил, что плохо, поскольку никогда раньше здесь не был.

Наш капитан-ротный – заметный мужик. Здоров, подтянут, громогласен, лыс. Подавляет одним своим видом.

Лейтенант – командир нашего взвода – напротив, молод, тих, высок, худ, бледен. Но, если верить слухам, он ударом кулака разбивает два кирпича, а ударом ноги потрошит боксерский насыпной мешок. Говорят, что по прибытии кто-то из сержантов стал с ним пререкаться, и этот двадцатипятилетний парнишка несильным, вроде бы, шлепком отбросил верзилу-сержанта на пару метров.

Очень много негласных правил и неписаных обычаев. Узнаю их постепенно, никто ничего не говорит, не объясняет. Поэтому, порой, оказываешься в дураках.

Буквально вчера, перед тем как лечь спать, я перестелил постельное белье, потряс его. А утром Гнутый, ухмыляясь, сказал, что белой тряпкой в казарме не машут. Примета плохая.

Гнутый мне нравится. Он поляк по национальности. Часто юморит с серьезным видом. Неглуп. Постоянно возится со своим хотом...

Надоело валять дурака!

Зачем мы здесь? Бетон подметать? Сейчас экстерры где-то кого-то жрут, а мы тут... дурью маемся.

Июль не скоро.

1

В казарме было тихо. До отбоя оставалась еще почти минута, а большая часть бойцов уже спала. День выдался тяжелый – подъем на полчаса раньше, пробежка в противогазах, потом сразу строевой смотр, а после обеда до самой ночи – тяжелая работа в ангарах вместе с промасленными измученными механиками.

Павел уже практически заснул, когда его тронули за плечо:

– Эй, Писатель... Не спишь?

– Уже нет, – Павел открыл глаза и приподнялся на локте. – Что надо?

– Разговор есть, – негромко сказал Рыжий.

– Серьезный разговор, – кивнул Цеце.

Павел внимательно оглядел двух своих собеседников, в данный момент очень похожих на заговорщиков, пожал плечами, сказал осторожно:

– Я слушаю.

– Ты у нас один молодой... – сказал Рыжий. – Выбирать нам не из чего...

– Что делать... – чуть развел руками Цеце.

– О чем это вы? – спросил Павел, наморщив лоб.

Они разговаривали вполголоса, чтобы не мешать спящим.

– Отбой! – донесся из-за двери голос дежурного, и свет в казарме померк.

– Ты драться умеешь? – спросил Цеце, немного помолчав.

– Ну, рукопашный бой? Бокс? Каратэ? Кун-фу, может быть? – перечислил Рыжий, с надеждой заглядывая Павлу в глаза.

– А-а... – Павел зевнул, разом потеряв интерес к разговору. – Вы все о том же... Я не люблю драться.

Цеце чертыхнулся, потер кулаком переносицу:

– Драться придется.

– Зачем?

– Таковы правила, – ответил Рыжий.

– С кем?

– С молодыми из других взводов.

– Но зачем?

– Традиция, – вздохнул Цеце, оценивающе разглядывая Павла и покачивая головой.

– А если я не буду?

– Так нельзя.

– Почему?

– Потому что ты весь взвод опозоришь. А тебе с нами со всеми еще воевать, – в голосе Цеце не было угрозы – только констатация.

– Ну, если надо, – Павел, решив, что разговор окончен, взбил кулаками подушку, – значит попробую.

– Ты погоди, – придержал его за руку Рыжий.

– Выспаться ты успеешь... – Цеце огляделся, зашептал еще тише. – Ты скажи, тебе активацию делали?

– Нет еще.

– Плохо! – Рыжий раздосадовано потер переносицу. – И где только тебя готовили? Сейчас же всех рекрутов сразу прививают!

– Нам не кололи, – Павел зевнул, на этот раз нарочито широко, долго, демонстративно.

– Слушай, – совсем тихо зашептал Цеце, подавшись к Павлу. – Вот, значит, какое дело. Есть у меня пара чудо-таблеток. Одну ты выпьешь сейчас, а другую перед самым боем. Смекаешь?

– Зачем? – Павел продолжал изображать унылое непонимание.

– Вот заладил! – Цеце ругнулся. – Таблетки – первый сорт. Для себя доставал. Через проверенных людей. Съешь – и ни боли, ни страха. Сразу сильнее станешь, выносливей. И быстрее. Я на себе пробовал – такая вещь!

– Да я как-нибудь без этого обойдусь, – Павел, не желая дальше продолжать разговор, лег, закрыл глаза. Но Цеце и Рыжий отступаться не собирались. Они стояли, держась за кровать, и смотрели на притворяющегося спящим Павла, на его подрагивающие веки.

– Ты что, боишься? – спросил Рыжий. В голосе его слышалось презрение.

– Может у тебя аллергия на химию? – недоумевая, предположил Цеце.

– Ага, – откликнулся Павел, не открывая глаз. И повернулся лицом к стене.

– Врешь же, – неуверенно пробормотал Цеце. – Тебя бы не взяли, если б какие-то болезни были.

– Он боится, – подвел итог Рыжий...

Они замолчали надолго. Павел лежал и чувствовал на затылке их взгляды. Это было неприятно. Нестерпимо неприятно. Не выдержав, он резко к ним повернулся:

– А вам-то что? Чего вы-то переживаете? Ну, подумаешь, побьют меня, так не в первый раз. Я привычный.

– Нам надо, чтобы ты победил, – сказал Цеце и глянул на Рыжего, словно ища у того поддержки.

– Зачем? – вздохнул Павел, понимая, что теперь долго не уснет.

Цеце снова посмотрел на Рыжего. Тот, помедлив, кивнул осторожно, словно нехотя.

– Проигрались мы, – признался Цеце. – Вчера. Продулись в карты. Вчистую. В четвертой роте играли, дружок у меня там старый, давно не виделись. Заглянули мы к нему в гости, и вот... Не повезло... Долг большой, так просто не расплатиться. Но нам обещали его списать, если ты их здоровяка одолеешь... Видели мы его мельком... – совсем упавшим голосом проговорил Цеце. – Машина для убийства. Здоровый, как дьявол. Кулаки, что твоя голова... Эх!.. Куда уж тебе...

– Таблетки я глотать не буду, – немного поразмыслив, твердо сказал Павел. – А драться, раз надо, выйду.

– Ты хотя бы две минуты продержишься, – просительно проговорил Цеце. – Тогда нам половину долга спишут. Уговор у нас такой был... А насчет таблеток все же подумай.

– Слушай, а может тебе с нашим лейтенантом поговорить? – предложил Рыжий. – Он хлипкий на вид, но говорят удар у него неслабый. Может чего посоветует? Прием какой покажет.

– Да какой прием! – досадливо отмахнулся Цеце. – Тут уж ничего не поможет... – Он горько вздохнул и покачал головой.

Глянув на его кислую физиономию, Павел невольно улыбнулся.

Впрочем, особого веселья он не испытывал.

2

Посреди ночи его разбудили.

– Опять вы! – простонал Павел. – Ну что еще? – Он разлепил веки, прищурился, пытаясь разглядеть, чей это силуэт – Рыжего или Цеце – заслоняет свет, льющийся из-за полуоткрытой двери.

– Не шуми, – сказала фигура голосом сержанта Хэллера. – Все спят. – Сам он разговаривал почти в полный голос.

– А, это вы, сэр, – зевнул Павел, заподозрив, что видит сон. – И наверное, тоже насчет драки?

Сержант хмыкнул:

– Не я первый?

– Да уж.

– Так и должно быть.

– И вы тоже продулись в карты?

Сержант ответил не сразу. Спросил с подозрением:

– О чем это ты?

– Да так... – Павел понял, что оплошал. Подумал, не слышит ли сейчас их разговор Цеце, спящий внизу, на первой ярусе койки.

– Рыжий и Цеце снова играли? – сержанту объяснения не требовались.

Павел счел за лучшее промолчать.

– Ладно, с ними я еще поговорю! – с угрозой в голосе проговорил сержант. Сказал это так, словно хотел, чтобы Цеце и Рыжий его услышали.

– Не шумите, сэр. Все спят, – напомнил Павел.

– Их пушкой не разбудишь, – буркнул сержант. И перешел к делу: – Ты когда-нибудь дрался?

Павлу уже стал надоедать этот вопрос, и он слегка пожал плечами:

– Все когда-нибудь дрались.

– Ты понял, о чем я, – сержант не любил, когда на прямо поставленный вопрос отвечали так уклончиво.

– Да, сэр, – ответил Павел. – Дрался, сэр.

– И хорошо дрался?

– Не очень.

– Знаешь, что тебе предстоит?

– Да, сэр.

– Я тоже знаю, – мрачно сказал сержант. – И мне это не нравится.

– А у вас-то какой интерес? – полюбопытствовал Павел.

– Что? – не понял сержант.

– Вы хотите чтобы победил я? Так? Зачем это вам?

– Не мне, – хмыкнул Хэллер, – а взводу. И роте.

– Да? – теперь уже Павел не понимал, о чем речь.

– Ты что, не слышал об Игре?

– Нет, – осторожно сказал Павел. – Кажется, не слышал.

– Игра начнется послезавтра. И бои новичков – это старт. Было бы неплохо сразу взять хотя бы десяток очков.

– Игра? – заинтересовался Павел. – Что за Игра? В чем смысл? Какие очки?

Сержант не ответил ни на один вопрос. Он секунд пять разглядывал приподнявшегося Павла, потом вздохнул:

– Да, хоть бы пару очков... Было бы неплохо.

– А от меня что требуется?

– Выдержи пару боев. И главное – не умирай.

– Всего то?

– Большого от тебя никто не требует, – хмуро отозвался сержант.

Павел вспомнил Рыжего и Цеце, что именно они от него хотели, но подумал, что сержанту не следует этого знать.

Продержаться пару минут против главного претендента на победу. Хотя бы.

Сделать невозможное.

Как они все полагают...

Павел хмыкнул:

– Постараюсь.

– Я говорил с нашим лейтенантом, – сказал сержант Хэллер, – и он согласился показать тебе пару приемов. Ты наверное не слышал, но он с пяти лет занимался боевыми искусствами. Хотя по нему и не скажешь. Говорит, что бойца из тебя за один день не сделать, но при определенных обстоятельствах... Если повезет... Кто знает, вдруг дойдешь до полуфинального боя?

– Хорошо, сэр. Обязательно к нему обращусь. Завтра?

– Он сам к тебе подойдет, он тоже заинтересован. Ведь это наш взвод. Мы все участвуем в игре.

– Так что это за игра, сэр?

Ответа Павел не получил – сержант, сказав все, что собирался, уже уходил. Он был сегодня в наряде – обходил казармы и прилегающие территории.

– Игра... – пробормотал Павел, опуская голову на жесткую подушку. – Первый раз об этом слышу.

3

Рано утром перед рассветом, часа за полтора до пробудки, когда сон крепок и особенно сладок, Павла опять разбудили:

– Писатель! Писатель! – звал громкий шепот. Чьи-то руки тормозили плечо: – Просыпайся! Разговор есть!

– Убирайтесь! – прорычал Павел и сунул голову под подушку. Но шепот был слышен и там, а чужие жесткие пальцы еще больней впились в плечо:

– Да проснись ты! Слышишь?

– Ну что? Что еще надо? – промычал Павел в подушку. – Дайте поспать человеку!

– Успеешь отоспаться! Скажи, ты когда-нибудь дрался?

– О, господи! – взмолился Павел, чувствуя, что закипает. – Ну, когда это кончится? Да, я дрался! Я профессиональный боец! До службы я только тем и занимался, что дрался! Я был чемпионом мира по уличным дракам! Я непобедим! Раньше меня называли Свирепым Медведем!

– Шутишь? – неуверенно спросил голос.

– Правда! – Павел на подушку сверху натянул одеяло. – Все до единого слова – правда!

– Ну ладно, – успокоено сказал незнакомец, наконец-то перестав трясти Павла за плечо. – Тогда я поставлю на тебя.

– Ставь на кого хочешь, – пробормотал Павел, зажимая ладонями уши. Хмыкнул, передразнивая себя, посмеиваясь на собой: – «Свирепый Медведь... Чемпион по уличным дракам...».

Он так и не понял, с кем только что разговаривал.

Он снова спал.

4

Павлу снился сон.

Он видел постаревшую мать и повзрослевшую сестру. Видел необычайно серьезную, суровую Тину. И хмурого отца.

Отца, которого знал только по фотографиям и скудным рассказам матери.

Они вчетвером стояли перед ним. Выстроились в ряд. Молчали. Смотрели на него, словно чего-то ждали.

А потом Тинка сдержано улыбнулась и спросила:

– Ты когда-нибудь дрался? Дрался из-за меня? Ради меня?

И Павел почувствовал вдруг, что сейчас расплачется. К горлу подступил горячий горький ком, запульсировал, мешая дышать. Но Павел сдержался, не дал слезам пролиться, стиснул челюсти, сжал кулаки. И сказал твердо:

– Я дерусь. Я буду драться. Ради тебя, Тинка. Ради всех вас. Ради тебя, отец.

Глава 4

18.06.2068

Жизнь налаживается!

Сегодня первый раз ходили в столовую. Ели наваристый борщ, жареное мясо, картофельные котлеты со сметаной, тушеную капусту и кисель. Давно так вкусно не обедал! Повара русские, пища для меня привычная. А вот сержант борщ есть не стал – попробовал, ему не понравилось. Шайтан тоже отказался, но по другой причине – он не употребляет свинину. Обещают, что скоро у нас будет «русский стол» – большой выбор блюд, неограниченные порции, самообслуживание. Пока же едим что дают.

Утром на складах выдавали обмундирование. До этого все ходили в старой форме, с нашивками частей, где раньше проходили службу. У кого-то одежда была потрепанная, потертая, выгоревшая. У кого-то – как у меня – совсем новая – новая до неприличности. Строй выглядел пестро. Теперь же все смотримся одинаково – небесного цвета х/б, на правом рукаве которого стандартная золотая вышивка «U.D.F.», а на левом – шеврон нашего Форпоста: щит, на его фоне средневековая крепостная башня и внизу номер 863. На высокой фуражке, называемой цилиндром, те же буквы – «U.D.F.» – металлом под золото. Выдали ботинки, но почти все ходят в старой обуви – новую разносить непросто – всю ногу сотрешь. А старые ремни, как оказалось, никто не меняет в принципе – плохая примета – еще одно неписаное правило.

Утром же пришло пополнение, но бойцов среди них нет – все вольнонаемные, инженеры, служащие, компьютерщики. Их, в отличие от нас, доставили на обычных вертолетах. Нас же, предварительно напичкав таблетками от радиации, забрасывали сюда на «Пеликане» – это тяжелый транспортный корабль ES-класса («Earth-Space» – «Земля-Космос»).

Среди вольнонаемных много женщин. Наконец-то наша библиотекаря отдохнет от бесчисленных ухажеров (сейчас сижу в пустом читальном зале, пишу, для вида обложившись книгами, а она сидит за своей стойкой одна. Читает что-то с компьютера). Прибыли офицерские жены с детьми, мужья их быстро разобрали и развезли по квартирам – было шумно и весело.

Завтра откроют спортзал и тир.

Буду драться с другими молодыми солдатами. Придется – традиция, черт бы ее побрал!

По части пошел слух, что я хорошо дерусь. Забавно! Уже несколько человек подходили ко мне, интересовались, правда ли, что я чемпион по боям без правил. Говорю, что это неправда. Но они, кажется, не верят. Думают, что я хитрю, делаю свою игру. Ставки на меня поднимаются – тотализатор действует почти в открытую – несколько уорент-офицеров ходят по казармам, принимают ставки, собирают деньги. Старшие офицеры стараются держаться в стороне от этого, но у них плохо получается – азарт заразителен.

Специально ходил в четвертую роту, смотрел здоровяка, про которого все говорят. Действительно – здоров! Выше меня на голову, в плечах шире раза в два, и ни единой жиринки – одни мускулы. Голова бритая, лоб низкий. Нос кривой, видимо, был сломан. Возможно не раз.

Такие обычно прут напролом.

Главное – не попасть под удар. Иначе унесут в госпиталь. А то и вовсе в местный крематорий...

1

Зал библиотеки был рассчитан ровно на сотню мест. Откуда взялась в проекте Форпоста эта цифра – никто точно не знал. Но каждому было известно другое – нигде и никогда библиотечный зал не наполнялся людьми хотя бы наполовину. Чаще всего посетители этого тихого заведения сидели за планшетными компьютерами – писали письма домой, читали новости. Изредка кто-нибудь выбирал карту памяти с электронной книгой – какое-либо чтиво про монстров из космоса и бравых земных вояк, с легкостью разбивающих орды злобных пришельцев. Совсем редко брали настоящие книги – бумажные, в пластиковых переплетах – немые, неинтересные, с мертвыми неподвижными иллюстрациями, с немасштабируемыми шрифтами.

Но Павел любил такие книги. Ему нравился их запах, нравилось шуршание страниц, шероховатая текстура бумаги. Он приходил в библиотеку, здоровался с симпатичной библиотечаршей, спрашивал у нее разрешения и, получив его, уходил в фонды. Долго бродил среди полок, рассматривая совсем не по-армейски разномастные корешки книг. Находил что-нибудь совсем незнакомое, брал под мышку, выбирался из книжного лабиринта в читальный зал. Садился за самым дальним столом, доставал блокнот, карандаш и писал свой дневник, отрываясь порой и подолгу о чем-нибудь размышляя...

Когда стеклянную дверь библиотеки открыл командир четвертого взвода первой десантной роты лейтенант второго класса Гил Уотерхилл, Павел как раз думал о том, что рукопашный бой, как военная дисциплина, не имеет прикладного значения в боевых действиях против экстерров. И странно, что рукопашный бой, как и прежде, занимает немалое место в системе подготовки десантников. Это же своего рода атавизм. Анахронизм.

Лейтенант Уотерхилл, кивнув оторвавшейся от компьютера библиотечарше, направился напрямик к своему солдату. И Павел, приветствуя взводного, поспешно встал, вытянулся по стойке смирно, козырнул.

– Вольно, рядовой, – лейтенант неловко и небрежно козырнул в ответ. – Садись. – Он посмотрел на стол, на разложенные книги, на раскрытый блокнот.

– Конспектирую, сэр, – поспешил пояснить Павел, надеясь, что англичанин взводный по-русски читать не умеет.

– Что именно? – Лейтенант подвинул к себе книги, разложил их, словно пасьянс, пробежал взглядом по обложкам. Спросил:

– Историей интересуешься?

– Да, сэр. Немного.

– Нечасто можно встретить солдата, читающего книги.

– Нечасто можно встретить офицера в библиотеке... Сэр... – Павел хотел добавить что-нибудь про симпатичных библиотечарш, но сдержался, решив, что и без того наговорил на два внеочередных наряда. Но взводный расплылся в улыбке:

– Думаю, ты знаешь, для чего я здесь.

– Догадываюсь, сэр. Видимо, вы расскажете мне, что я должен буду сделать, чтобы победить рядового Некко из четвертой роты, сэр.

– Ну, что-то вроде того... Но ты, наверное, догадываешься также и о том, что за один день научить тебя чему-то невозможно... – Лейтенант выжидающе смотрел на Павла.

– Да, сэр. Но тогда я не понимаю, для чего вы здесь.

– Сержант просил поговорить с тобой. Вот я и пришел.

– Понятно, сэр.

– Не знаю, что там тебе понятно... Я сам-то никак не могу разобраться... – Лейтенант подался вперед, понизил голос. – Я ведь такой же как и ты – новичок. Новый, чужой, незнако-

мый человек во взводе сержанта Хэллера. И пусть я старше его по званию, я командир – но это ничего не меняет.

– Вам не надо будет завтра драться, сэр, – заметил Павел.

– А я уже дерусь... Меня уже испытывают на прочность. Сержанты и солдаты, уорент-офицеры и офицеры. Давят, ищут во мне слабинку. И если я чуть поддамся, они тут же используют это. Против меня. В своих целях... Командиром стать несложно, гораздо сложнее оставаться им постоянно... Впрочем, я пришел не для того, чтобы рассказывать тебе об этом. Я хотел дать тебе один совет... – Лейтенант выпрямился, откинулся на спинку кресла. – Ты когда-нибудь задумывался, почему люди опасаются рычащих собак?

Павел пожал плечами:

– Потому что собака может укусить.

– Поверхностный ответ... Представь – маленькая собачка кружит вокруг человека, насккивает яростно, лает с надрывом, хрипит от ярости, скаля зубы. И человек предпочитает с ней не связываться. Он отступает, повернувшись к ней лицом, хотя мог бы пинком отшвырнуть ее на несколько метров, сломав ей ребра. Почему?

– Почему, сэр?

– Потому что собака может вернуться, разъярившись еще больше. Собака не знает страха. Она не понимает, что человек сильнее. Для нее это не имеет значения. Она вцепится мертвой хваткой – и ей все равно куда вцепиться – она повиснет на человеке и будет держаться, пока не околеет. Человек это чувствует, он понимает, что с разъяренной собакой лучше не связываться, какой бы маленькой она ни была. Ведь неизвестно, что у нее на уме.

– Но человек может взять камень или палку, – возразил Павел. – Он может намотать на руку одежду, дать собаке вцепиться в нее, а потом сломать ей шею или задушить.

– Видимо, ты не понимаешь, о чем я говорю, – вздохнул лейтенант. – Подумай о моих словах. – Он встал, одернул форму, поправил портупею. Павел, блюдя субординацию, также поднялся.

– Это все, что я хотел тебе сказать... – Лейтенант не торопился уходить, он осматривал библиотечный зал. – Стань псом... – медленно проговорил он, не глядя на Павла. – Стань разъяренным псом, и тогда победа будет твоя.

2

Личное время солдата всегда коротко. И потому опытный солдат ценит каждую свободную минуту. И, как умеет, с пользой ее использует: кто-то спит, кто-то играет в карты или в кости, кто-то мастерит что-нибудь, чинит.

Личное время солдата неприкосновенно. Даже сержант не может отнять его у своих подчиненных. Разве только в качестве наказания...

– Скажи, Писатель... – Зверь одной рукой отжимался от пола. Было видно, что это занятие доставляет ему немалое удовольствие. – Ты кем был до того, как попал сюда?

– Я учился. – Павел только что вернулся из библиотеки. Убрав дневник глубоко под матрац, он решил немного размяться, и направился в спортивный уголок казармы, где и встретил упражняющегося Зверя.

– И на кого ты учился?

– На журналиста.

Зверь хмыкнул. Поинтересовался:

– А зачем пошел служить?

Павлу уже не раз приходилось слышать этот вопрос, и ответ был заготовлен:

– Из-за денег, – просто сказал он. Неправдой это не было. Но это была лишь часть правды.

Зверь хмыкнул снова.

– На учебу не хватило?

– Да, – кивнул Павел и, подпрыгнув, повис на турнике. Медленно подтянулся, коснулся перекладины подбородком, застыл.

– Контракт у тебя на пять лет? Или на десять? – Зверь разговаривал спокойно, ровно, словно не отжимался сейчас, а в шахматы играл.

– На пять, – пропыхтел Павел.

– Потом думаешь вернуться и продолжить обучение?

– Не знаю. Как получится.

– Из твоих записей может выйти что-нибудь действительно неплохое. Если там будет правда.

– Я пишу для себя, – Павел спрыгнул с турника, подошел к набивному мешку, несильно ударил его раскрытой ладонью. – Только для себя.

– А мы все делаем для себя. Но если что-то получается хорошо, значит этим надо делиться с другими людьми.

– У тебя хорошо получается отжиматься.

– Не могу того же сказать о тебе.

Павел подумал, что Зверь совсем не глуп. Подумал с уважением, и даже с некоторым удивлением. Не ожидал он такой рассудительной речи от накачанного здоровяка.

– Что сказал лейтенант? – поинтересовался Зверь, закончив отжиматься и взяв штангу.

– Советовал стать псом.

– Псом войны?

– Скорей бойцовым псом... – Павел, уклонившись от воображаемой атаки, провел серию стремительных коротких ударов. Тяжелый мешок дрогнул, звякнув цепью.

– Слабо бьешь, – сказал Зверь. Он опустил штангу, шагнул к боксерскому мешку, долго примеривался, раскачиваясь корпусом из стороны в сторону, перебирая ногами мелко и неторопливо, словно пританцовывая. Потом подался вперед, выбросив перед собой угловатый, похожий на обломок бетонного блока, кулак. Мешок всхлипнул, отпрыгнув назад. Загремела звеньями цепь.

– Вот так надо, – довольно сказал Зверь, поймав в ладони раскачивающийся, крутящийся мешок. – Все тело в удар надо вкладывать, весь вес.

– Сравнил тоже, – хмыкнул Павел, – свой вес и мой...

Стоя спиной к неприкрытой двери, они не заметили, как та открылась еще шире, и как в нее, пригнувшись, протиснулся боком еще один человек. Он встал, едва перешагнув порог, загородил широченной спиной дверной проем. Окинул взглядом тесное помещение, заставленное спортивными снарядами и тренажерами. Прищурясь, словно прицелясь, осмотрел беседующих товарищей. И сказал сипло, глядя на Зверя:

– Это ты чемпион? – в голосе здоровяка слышались угроза и неприязнь.

Павел обернулся, выглянул из-за набивного мешка. Зверь словно не услышал обращенного к нему вопроса, но плечи его напряглись, и кулаки сжались.

– Ты чемпион, спрашиваю? – Сиплый здоровяк шагнул вперед, привалился боком к стене.

– Ты ко мне обращаешься? – нахмурившийся Зверь наконец-то чуть повернул голову.

– А к кому же еще?

– Ты кто, горилла? Откуда здесь? Я тебя не знаю.

– Это Некко, – негромко сказал Павел. – Из четвертой роты.

– И что ему надо? – Зверь смотрел сквозь чужака.

Павел пожал плечами:

– Наверное, пришел посмотреть на меня.

– А говорит со мной, – без тени улыбки хмыкнул Зверь.

– Так который из вас? – Некко с сомнением глянул на Павла. – Кто чемпион?

– Ты чемпион, Писатель? – спросил Зверь.

– Да вроде бы нет еще.

– Я тоже.

– Не валяйте дурака! – Некко хмурил брови. – Я все равно узнаю, который из вас!

– Вроде бы, он нам угрожает, – Зверь задумчиво потер переносицу. – Или мне это кажется?

Дверь широко распахнулась, ударившись о стену. Один за одним в тренажерную вошли Гнутый, Цеце, Ухо и Рыжий. Разошлись, встали возле спортивных снарядов, скучающе уставились на незваного гостя, лениво позевывая, почесывая кулаки. Через секунду в дверной проем заглянул Шайтан – он сегодня дежурил в казарме. Именно он заметил чужака из четвертой роты, догадался, зачем тот пришел, кликнул товарищей...

– Что? – Некко стушевался под перекрестными взглядами.

Шайтан, не входя в комнату, тихо прикрыл дверь, щелкнул замком. И гость, вздрогнув, обернулся, почувствовал себя в ловушке. Спросил еще раз, тише:

– Что?

– Ты кто? – Ухо повернул голову так, что стал виден его жуткий шрам.

– Кажется, неопытный боец заблудился в незнакомом месте, – рассудительно сказал Гнутый.

– Зашел не туда, – продолжил Цеце.

– И не знает, как теперь отсюда выйти, – добавил Рыжий.

– Может стоит показать ему прямую дорогу? – спросил у товарищей Зверь, поигрывая десятикилограммовой гантелью.

– А это как? – спросил Гнутый.

– Через окно, – ответил Зверь.

– Здесь же нет окна.

– Так будет.

– Ребята, послушайте... – здоровяк Некко слегка побледнел. – Я же ничего... Никого...

– Так и мы никого ничего, – усмехнулся Зверь.

Павел не знал, как себя вести. На него не обращали внимания, и он, стоя в стороне, остро чувствовал свою ненужность и чуждость. Зверь, Гнутый, Рыжий, Ухо, Цеце – они были старыми боевыми товарищами, все из одного отделения, они, наверное, не раз спасали друг другу жизни, и вот сейчас они сплотились, встали единой командой – один за всех, все за одного. А он? Зеленый салага, неумеха-новичок. Чужой человек во взводе сержанта Хэллера.

Писатель!

Совсем некстати вспомнилось наставление лейтенанта: «Стань разъяренным псом!»

Сейчас, глядя на перетрусившего Некко, становиться псом как-то не хотелось.

Да если бы и хотелось, все равно бы не вышло.

– Вот что, переросток, – надвинулся Зверь на чужака. – Слушай сюда... Внимательно слушай. Если ты еще раз покажешься здесь без разрешения, я лично проломлю тебе череп, и скажу, что так и было. А мои друзья это подтвердят. Если ты когда-нибудь подойдешь ко мне без моего позволения ближе чем на три шага, то, клянусь, я сломаю твой кривой нос. А если когда-нибудь мне доведется прикрывать твою задницу в бою, то можешь быть уверен, я отвернусь совсем в другую сторону, когда оголодавшие в космосе экстерры будут жрать тебя живьем. Ты все понял?

– Да, – Некко вжался спиной в стену. Он не решался поднять глаза на обступивших его бойцов.

– Громче!

– Да!

– Что да? Отвечай, как положено!

– Понял! – Некко тяжело сглотнул. – Все понял, сэр!

– Так-то, – умиротворенно сказал Зверь. – А что касается нашего чемпиона... – Он выразительно посмотрел в сторону Павла. – Если тебе доведется с ним когда-нибудь сойтись в рукопашной – то я советую сдаться сразу. Иначе он так тебя отделает, что твою рожу будут показывать в шоу «самый уродливый человек на свете». И вот что еще я тебе скажу о нашем Писателе... – Зверь, брезгливо морщась, двумя пальцами взял Некко за ухо, притянул к себе и шепнул так громко, что все слышали: – Я сам его боюсь! Я никогда никого не боялся, разве только сержанта Хэллера, но Писателя я боюсь больше. И знаешь почему? Потому что сержант Хэллер изуродует тебя на всю жизнь, но не более, а Писатель может изуродовать тебя на долгие века. Понятно тебе, горилла? – Зверь за ухо повернул голову Некко, заглянул ему в глаза. Вздохнул: – Вижу, что ни черта тебе не понятно...

– Ну ты загнул, – уважительно сказал Цеце.

– Порой я становлюсь довольно словоохотливым, – отозвался Зверь. И снова обратился к съезжившемуся Некко: – Даю тебе ровно двадцать секунд, чтобы ты убрался из нашей казармы. Время пошло... Раз! Два!..

– Но дверь! – Некко дернулся к выходу. – Дверь заперта!

– Три... – продолжал счет Зверь. – Четыре...

Некко из всех сил рванул ручку на себя. Треснул деревянный косяк, лопнул язычок замка – дверь распахнулась. Стоящий за ней Шайтан шарахнулся в сторону. Заругался по-арабски, вращая глазами и размахивая руками. Здоровяк Некко пронесся мимо араба, в данный момент похожего на взбешенного гнома, и вылетел на улицу, едва не сбив с ног сержанта Хэллера, поднимающегося по ступеням.

– А он глуп, этот Некко, – сказал Зверь, хмурясь. – И значит опасен.

– Ты здорово его напугал, – усмехнулся Цеце. – О какой опасности ты говоришь?

– Поживем, увидим... Надо бы присматривать за ним.

– Я его запомнил, – сказал Рыжий.

– Трудно будет не заметить эту тушу, – хмыкнул Гнутый.

– Ты держись настороже, Писатель, – посоветовал Зверь. – Я чувствую, он захочет на тебе отыграться.

– Если что, всегда обращайся, – сказал Цеце. – Поможем, чем можем.

Пять друзей, пять боевых товарищей открыто смотрели на него. И Павел, глядя на них, твердо решил, что сделает все возможное, чтобы эти люди признали его за своего.

– Смирно! – крикнул в коридоре Шайтан.

– Сержант идет, – сказал Зверь.

– А дверь сломана.

– Ругани будет!

– Что-нибудь придумаем.

– Отоვремся!

– Но замок новый все же кому-то придется вставлять, – сказал Ухо. И все снова посмотрели на Павла.

3

Рядовой Некко до самого вечера бродил по пустырю за складами, бормоча под нос ругательства. Он вспоминал свое недавнее унижение, и чувствовал, как вскипает в крови злоба и клокочет в горле ненависть. Тяжелые кулаки сжимались и разжимались, оставляя на ладонях полукруглые отпечатки ногтей. Скулы закаменели желваками. Маленькие кабаньи глазки совсем спрятались под выпирающими надбровными дугами.

Рядовой Некко подбирал обломки булыжников и швырял их в небо.

Сейчас он чувствовал свою силу, свою мощь и ярость, и не понимал, как так получилось, что там, в чужой казарме, он вдруг ощутил себя слабым, испуганным и беспомощным.

Это было ненавистное, почти уже забытое ощущение из страшно далекого детства.

Глава 5

19.06.2068

Интересно получается – я приобретаю друзей и одновременно наживаю врагов.

Враги на войне – непозволительная роскошь. Не знаю, то ли это сказал кто-то из великих, то ли это я сам только что придумал...

Вчера был странный день. Я перестал ощущать себя гражданским человеком и вдруг превратился в солдата, в военного. А все, что происходило со мной раньше, отдалилось, словно бы подернулось дымкой. Конечно, я хорошо помню всех своих, помню город, помню старых друзей. Но все это где-то в прошлом, в другой жизни. Я как-то переменялся, точнее поменялась точка зрения, и свою жизнь на гражданке я вижу сейчас словно бы со стороны.

Я не знаю, хорошо это или плохо. Но это очень необычно. Даже не могу толком описать свои чувства.

Моя жизнь изменилась – я понял, ощутил это только сейчас. Не на сборном пункте, куда прибыл с вещами и документами, не в учебном центре, где нас муштровали непрерывно восемь месяцев, вдавливая то, что я почувствовал лишь вчера.

У солдата нет прошлого и нет будущего. У него есть только настоящее. Короткий миг, где-то на полпути между рождением и смертью. Причем, скорей всего, ближе к смерти. Намного ближе.

Вчера я лег спать и не мог заснуть. Все думал об этом. Не мог понять, почему этот сдвиг произошел в моем сознании. Почему именно сейчас.

Теперь я знаю – дело в моих новых товарищах. Они защищали меня, потому что не видели разницы между собой и мной. Я был одним из них.

И я стал одним из них – я изменился.

Жизнь переменялась.

Сегодня я буду драться.

И я сделаю все возможное, чтобы победить.

1

Едва только прозвучала команда приступить к приему пищи, как у Павла за спиной вырос сержант Хэллер и негромко сказал, глядя в потолок:

– Не ешь много. После ужина тебе на ринг.

Обычно после ужина, с половины седьмого до самого отбоя, начиналось личное время солдат. Сегодня же вечером открывался спортивный комплекс Форпоста. На этом событии, официально именуемом спортивным праздником, должен был присутствовать весь личный состав гарнизона. В том числе офицеры с женами и детьми. Впрочем, предполагалось, что дети и особо впечатлительные женщины, прослушав вступительную речь и посмотрев показательные выступления опытных бойцов, уйдут домой до того, как начнутся рукопашные бои новичков.

– Хорошо, сэр, – Павел надеялся, что никто не замечает легкую дрожь ожидания, с которой он боролся на протяжении всего дня.

– Волнуешься? – спросил Хэллер.

– Нет, сэр, – Павел не вставал из-за стола, разговаривал сидя, поскольку в уставе это позволялось.

– А зря, – сержант покосился в сторону четвертой роты. Там, в одиночестве сидя за крайним столом, чавкая и рыгая в кулак, набивал свое брюхо рядовой Некко.

– Уже начинаю волноваться, сэр.

Сержант опустил голову, внимательно посмотрел на Павла. Хмыкнул то ли издевательски, то ли одобрительно. Посоветовал:

– Съешь мясо и фрукты. Выпей компот. Больше ни к чему не притрагивайся.

– Да, сэр! Понял, сэр!

– До чего вы, русские, понятливы, – помолчав, проговорил холодно сержант Хэллер. И вновь непонятно было, одобряет он поведение Павла, или же, напротив, осуждает.

2

Им не дали даже заскочить в казармы, оправиться и умыться. Сразу после ужина командиры построили их и повели к спортивному комплексу – цилиндрическому бетонному зданию с полукруглой крышей из небьющегося, армированного волокнами стали стекла.

Возле главного входа уже толпились люди. Офицеры с семьями, вольнонаемные в штатском ждали открытия комплекса. Позолоченные ручки широкой двустворчатой двери были связаны алой лентой, и начальник отдела информации, с фальшивой улыбкой отпуская дежурные шутки, раскланиваясь с дамами, уже в нетерпении пощелкивал изогнутыми медицинскими ножницами – других, видимо, в спешке не нашли.

Солдат построили в стороне, так, что им почти ничего не было видно.

Потом брехун, размахивая ножницами, стал говорить. Он обходился без микрофона, и потому стоящие в отдалении бойцы почти ничего не слышали. Впрочем, они и не слушали, им было чем заняться. Громким шепотом делались последние ставки, шуршали передаваемые бумажные лоскутки. Сержанты, которые должны были поддерживать порядок, шумели не меньше своих бойцов. Впрочем, строй держался ровно, не распадался, не разваливался, и потому взводные офицеры старались не обращать внимания на гул за спиной. Они знали и помнили – с половины седьмого у солдат начинается личное время.

Один только Павел, стараясь отвлечься от мыслей о предстоящих боях, слушал речь. До него доносились обрывки фраз и отдельные слова, из которых, Впрочем, можно было понять, о чем так долго и пространно рассказывает брехун.

– ...Бассейн, залы для баскетбола и волейбола, модуль для любителей бега... Доступны по выходным... Купив абонемент, вы сможете посетить... Цена символическая... Душевые кабины... Пригласим артистов... Просторные залы... Могли только мечтать... Добро пожаловать...

Прочная атласная лента мялась, жевалась кривыми ножницами. Резаться она не хотела. С немалым трудом начальник отдела информации все-таки справился с возникшей трудностью, надорвал ленточку, перетер ее. Распахнул дверь, первым шагнул в здание. Следом за ним хлынула пестрая толпа. Возникла небольшая давка, испуганно вскрикнул ребенок, визгливо заругалась прижатая к стене женщина. Люди чуть отхлынули, сдали назад. Кто-то из старших офицеров уже командовал громко, призывал к порядку, требовал построиться. На него почти не обращали внимания, но в толпе стало свободней, и людской ручеек спокойно потек в распахнутые стеклянные двери.

Солдат стали запускать лишь после того, как все прочие расселись на местах. Без суеты, в строгом порядке бойцы входили в здание спорткомплекса, поднимались по широкой лестнице, громыхая ботинками, с любопытством оглядываясь, и заполняли задние ряды трибун.

– Продержись хотя бы две минуты, – шепнул Цеце, усаживаясь у Павла за спиной.

– Ему бы в первых боях не вылететь, – сказал кто-то из соседей.

– А ты не каркай! – вскинулся Цеце.

– Ты азиата видел во второй роте? Готов поспорить, что в финале встретятся этот азиат и здоровяк Некко.

– Азиат заморыш!

– У него сложение такое. Кость узкая. А мускулатура – дай Бог каждому.

– Ты его щупал что ли?

– Тихо! – одернул расшумевшихся бойцов сержант Хэллер.

На просторный восьмиугольный ринг, поднырнув под канаты, поднялся брехун. Поймал спустившийся сверху микрофон, негромко прокашлялся в него, пробуя звук. Кивнул кому-то

в стеклянной будке, возвышающейся над трибунами. И тотчас свет в зале погас, под потолком вспыхнули цветные прожекторы, скрестили лучи, высветив ринг.

– Я рад сегодня приветствовать вас! – прозвучал многократно усиленный голос.

– Черт возьми, – буркнул Рыжий. – Неужели опять говорить будет?

Но на этот раз брехун оказался на удивление краток. Еще раз поздравив всех с открытием спортивного комплекса, он в нескольких словах рассказал о программе вечера и, выпустив микрофон, поспешил убираться с ринга. А под канаты уже лезли бойцы в камуфляже. Начинались показательные выступления.

– Ну вот, балет начался, – пренебрежительно фыркнул Зверь. Тем не менее, на ринг он смотрел внимательно и с интересом.

Выступающие бойцы, построившись квадратом, демонстрировали основы рукопашного боя – удары и блоки. Громкий четкий голос из невидимых динамиков комментировал их движения. Потом бойцы разбились на пары. Показали приемы защиты от ножа и палки, захваты и броски. Когда завершилась эта часть выступления, бойцы разбежались по углам ринга, сели, скрестив ноги. Только один человек остался стоять. Выждав какое-то время, он вдруг выхватил из-за спины нунчаки, и закрутил их так, что воздух вокруг него словно вскипел...

– Посмотрел? – сержант Хэллер положил тяжелую руку Павлу на плечо. – Налюбовался? И хватит. Пошли за мной.

– Куда?

– Готовиться к бою. Или ты забыл?..

Трибуны ожили. Все громче гомонили голоса, в основном женские и детские. Хрустели открываемые пакетики чипсов. Яркими искрами влетали в лучи прожекторов бумажные комочки.

На ринг выскочили девушки в коротких юбочках и стали танцевать под ритмичную музыку, высоко вскидывая загорелые стройные ноги и задорно при этом взвизгивая.

Хэллер остановился, оглянулся на девчонок. Тяжело вздохнул, отвернулся неохотно и, ухватив Павла за одежду, потащил за собой по проходу.

– Меня подождите! – поднялся со своего места Зверь.

– Продержись хотя бы две минуты! – крикнул вдогонку Цеце, пытаясь отобрать бинокль у кого-то из соседей.

3

В раздевалке было многолюдно, хотя самих бойцов, которым предстояло сегодня драться, было всего восемь человек. Они вели себя тихо, незаметно, а вот остальные – болельщики и советчики – шумели вовсю.

Расталкивая толпящихся людей, сержант Хэллер провел Павла на место. В отгороженном лавками закутке было относительно спокойно, здесь никто не толкался, не ругался, не норовил схватить за руку или хлопнуть по спине. Но Павел то и дело ловил на себе любопытствующие взгляды, и от них ему делалось очень неуютно.

– Не тушуйся! – шепнул сержант Хэллер. – Плечи разверни! Голову выше! Драка уже началась!

Возле открытого железного шкафчика стоял лейтенант Уотерхилл. Рядом с ним, сильно ссутулившись, сидел на лавке новобранец из второго взвода. Он, как и Павел, тоже выступал за первую роту, но никто не надеялся, что этот хлипкий новичок сможет дать кому-то отпор на ринге. Говорили, что он очень неплохо стреляет, и только благодаря этому попал в десантную роту, а не в инженерные войска.

Лейтенант, чуть помешкав, протянул руку сержанту Хэллеру. Кивнул Павлу и Зверю. Спросил:

– Все в порядке?

– На ногах пока держимся, сэр, – усмехнулся сержант.

– Бои начнутся минут через двадцать, – лейтенант глянул на циферблат наручных часов. – Сейчас там девочки закончат свое выступление, потом выступят специально приглашенные циркачи, а после пойдете вы.

Павел, пытаясь сдержать нервную дрожь, опустил на лавку рядом с пареньком из второго взвода. Оглядел помещение – высокие потолки, чистые стены, ряд душевых кабин. Увидел вдруг возвышающегося над толпой рядового Некко и поспешно, пока тот не перехватил взгляд, отвел глаза. Зверь заметил это, нахмурился:

– Ты боишься его?

– Не его... – Павел не сразу нашелся, что ответить. – Я боюсь проиграть...

– Страшного ничего не случится, – сказал сержант Хэллер. Лейтенант кивнул.

– Я хочу победить, – сказал Павел.

– Мы тоже.

– Пойду попробую узнать результаты жеребьевки, – сказал лейтенант. Он перешагнул через скамью, встал за спиной у Павла, помедлил, собираясь что-то добавить, но, видимо, не подобрал нужные слова. Махнул рукой:

– Ладно, потом, – и ушел.

Зверь присел рядом с Павлом, стал инструктировать:

– Слушай внимательно, Писатель. Удар у тебя слабый, я видел, но быстрый. Так что кулаком бей в переносицу или в челюсть, открытой ладонью – по уху. Пинай аккуратней, высоко ногу не задирай – равновесие потеряешь. Бей в голень или в колено...

Сержант Хэллер внимательно слушал, кивал одобрительно. Съездившегося на краю скамьи солдата они словно не замечали – надежды на него никакой, да и не из их он взвода.

– ... В лоб кулаком не бей – костяшки разобьешь. Бей основанием ладони, только смотри, запястье не повреди. В пах не бей – запрещено, дисквалифицируют. Уши, рот и ноздри противнику не рви – нельзя. Все остальное можно.

– Болевые приемы можно проводить? – спросил Павел.

– Да.

– А удушения?

– Можно, – Зверь внимательно посмотрел на Павла. Поинтересовался: – Ты что, дзюдо занимался?

– Нет. Не совсем.

– В конце-концов это не важно. Правил почти никаких нет, только те, о которых я уже сказал. Победа присуждается, либо если противник сдается, либо если он не может продолжать бой. Это тебе ясно?

– Да.

– Как оденешься?

– Что?

– Что на себя оденешь? Кимоно? Боксерские трусы и майку?

– А можно остаться в хэбэ?

– Конечно.

– Я разуюсь только. Можно?

– Да хоть совсем разденсья! Порадуешь офицерских женушек.

Павел расстегнул ремень, снял, положил рядом с собой. Наклонившись, стал расшнуровать ботинки.

– Я все-таки посоветовал бы тебе их оставить, – сказал сержант. – Остальные, наверняка, разуваться не будут. А армейский ботинок он получше кастета будет.

– Мы так удобней, сэр, – Павел снял обувь, поставил под лавку.

– Ну, смотри сам, – пробурчал Хэллер...

Минут через десять вернулся лейтенант. Сразу же стал делиться полученной информацией:

– Никакой жеребьевки не было. Бойцов просто разделили по ротам: первая рота бьется со второй, третья с четвертой. Потом встречаются победители. Опять же из разных подразделений. В финал выходят два сильнейших бойца... Так что первый бой наш. Во второй роте два бойца – китаец и ирландец. Выбирайте себе противников.

Новобранец, сидящий рядом с Павлом, впервые поднял голову:

– Я бы взял на себя китайца, – голос его не дрожал, как все подсознательно ожидали. Напротив, он звучал твердо и холодно. – Если вы не против.

– Китаец, наверняка, знает какое-нибудь хитрое искусство, – предостерег лейтенант.

– Тогда он просто вырубит меня с одного удара, а не станет превращать мое лицо в кровавое месиво.

– Разумно, Курт, – один только лейтенант знал, как зовут новичка. – Что скажешь, Голованов?

– Пусть будет ирландец, – пожал Павел плечами. – Мне все равно.

– Договорились! – подытожил сержант Хэллер. – Теперь слушайте: за победу дается три очка. За ничью – одно. Но ничьи бывают очень редко. Счет записывается на роту, но заработанные очки принадлежать будут вашему взводу и лично вам. Это ваш реальный шанс начать игру не с нуля.

Павел повернулся к сержанту:

– Так что это за игра, сэр?

Но тут под потолком зазвенел гонг, и искаженный перегруженным усилителем голос велел бойцам проследовать к рингу для представления.

– Пошли! – сержант Хэллер сгреб своих подчиненных, рывком приподнял их и поволок сквозь плотную толпу к светящейся иллюминацией арке выхода.

4

Они выскочили под яркий свет прожекторов и зажмурились. Трибуны ревели, что-то рычали динамики, гремела музыка. Павел услышал свою фамилию и почувствовал, как сержант Хэллер дергает его за руки, заставляя поднять над головой сжатые кулаки.

– ... и рядовой Курт! Вторая рота: рядовые Хань и Лонгвилл! Третья рота: рядовые Ниецки и Свенсон! Четвертая рота: рядовой Барош! И основной претендент на победу, национальный чемпион по армрестлингу, неоднократный призер всевозможных соревнований по рукопашному бою рядовой Некко!

– Черт возьми! – сержант Хэллер, разжав стальные пальцы, отпустил руки Павла. – Оказывается, он не так прост. И почему я узнаю это только сейчас? – Он озибался с таким видом, словно искал виноватых.

– Первый бой! – вещал крутящийся на возвышающемся ринге коротышка, одеждой и повадками похожий на клоуна. Возможно он и был клоуном из приглашенной труппы циркачей. – Встречаются первая и вторая рота! Бойцы – на ринг!

Павел дернулся было к канатам, но сержант придержал его:

– Не спеши. Поглядим, кого они выставят. Ты же хотел ирландца?

На ринг, по-обезьяньи цепляясь за канаты, взобрался рядовой Хань. Он был в синих тренировочных штанах и просторной майке, на груди которой красовался свившийся кольцами китайский дракон. Вскинув руки над головой, Хань запрыгал на месте, улыбаясь и часто кивая болельщикам на трибунах. Он не производил впечатления. Он был сух, невысок и легок. Но он отлично двигался.

– Ты первый, – сказал сержант, обращаясь к молчаливому Курту. Тот кивнул. Прищурясь, он разглядывал выплясывающего на ринге китайца. Налюбовавшись, шагнул к канатам ограждения, обернулся – посмотрел на Павла, а не на сержанта – и сказал спокойно и уверенно:

– Я справлюсь.

Сержант хмыкнул.

Курту на вид можно было дать лет двадцать пять, не больше. Худой и нескладный, неловкий в каждом движении – он словно чего-то стеснялся или опасался. Он был тих и неприметен.

А китаец все прыгал на гулком пружинящем помосте ринга, выколачивая ногами чечетку.

– Рядовой Хань! – объявил ведущий, посматривая на черную доску за спинами зрителей, на которой два техника в брезентовых комбинезонах усердно выводили мелом огромные буквы – электронное цифровое табло еще не работало. – И рядовой Курт! Встречайте! – Он выпустил микрофон, и тот мгновенно скользнул вверх. Не менее стремительно коротышка с повадками клоуна скатился с ринга.

Болельщики на трибунах орали, свистели, топали. Просто удивительно, насколько быстро они раскрепостились, подумал Павел. Должно быть это зажигательное выступление длинноногих девушек так на них подействовало.

Под рев зрителей китаец Хань и немец Курт пожали друг другу руки. Разошлись, даже отвернулись друг от друга, высматривая на трибунах своих товарищей, в общем гомоне пытаясь услышать их голоса.

И когда рывкнул гонг, они не спешили. Они еще помахали болельщикам: Хань – улыбаясь и пританцовывая, Курт – смущенно и неуверенно. И только после стали сходитьсь: китаец – стремительно и уверенно, немец – семеня и зажимаясь.

А через мгновение случилось такое, что даже трибуны заткнулись от изумления.

Когда азиат был совсем рядом, Курт вдруг словно потерял равновесие. Он подался вперед – неловко и нескладно, но удивительно быстро – и его кулак врезался точно в подбородок китайца.

Что-то отчетливо хрустнуло. Танцующие ноги остановились. Закатались узкие глаза.

Китаец всхрипнул, дернул головой и осел на помост ринга.

– Черт возьми! – у сержанта Хэллера отпала челюсть.

– Да, сэр, – только и мог сказать Павел.

Пять секунд стояла абсолютная тишина. Китаец не шевелился.

И трибуны опомнились. Завопили:

– Курт! Курт! – откуда-то они уже знали его имя.

А победитель, смутившись, опустил голову, ссутулился, махнул рукой, то ли отмахнулся, то ли попытался сделать победный жест.

– Рррррядовой Куррррт! – выскочил на ринг коротышка-клоун, подскочив и поймав спускающийся микрофон. – Первая рота получает... – он посмотрел в сторону доски, дожидаясь, пока техники нарисуют мелом цифры. – Первые три очка!

– Черт возьми! – повторил сержант Хэллер, но теперь в его голосе слышалось совсем другое – не безмерное удивление, а веселье и торжество. – Черт возьми, Курт! Как же это так? Случайность? Случайность! Тебе повезло! Надо же! Ты видел, а?! – он повернулся к Павлу. И тот повторил:

– Да, сэр.

Китаец шевельнулся. Приподнял голову. По мутным глазам его было видно, что он ничего не соображает.

Раскрасневшийся Курт полез с ринга и запутался в канатах. Запрыгал на одной ноге под нарастающий смех трибун, пытаясь высвободиться. Сержант Хэллер бросился к нему, придержал, помог вытащить ногу. Хлопнул по плечу, рывкнув свое:

– Черт возьми! – это можно было расценить как искреннее поздравление.

– А теперь бой номер два! – объявил ведущий, с опаской глядя, как нокаутированный китаец ползет к своему краю ринга. – И будем надеяться, что он закончится не так быстро. Ведь мы все хотим посмотреть хорошую драку! Не так ли?..

– Заткнись! – дружно проорали несколько глоток из задних рядов. – Заткнись, коротышка, лопнешь!

В сторону ринга полетели полосы туалетной бумаги. Но они не долетали даже до канатов, опускались на головы сидящих в первых рядах офицеров и их жен. Тотчас же по рядам побежали сержанты и лейтенанты, руганью, угрозами и затрещинами утихомиривая чересчур разошедшихся подчиненных.

– И снова первая рота против второй! – надрывался в фoniaщий микрофон ведущий. Он не обращал внимания на оскорбительные выкрики в свой адрес, на порхающую туалетную бумагу и прочие мелочи. Возможно, будучи посредственным клоуном, он давно привык ко всему этому. – На ринге встречаются рядовой Голованов и рядовой Лонгвилл!

– Держись, парень, – сержант Хэллер довольно сильно пихнул Павла в бок. Должно быть таким образом он выразил свою поддержку. – С Богом!

Ирландец больше походил на какого-нибудь скандинава – он был белобрыс и голубоглаз. Выглядел он лет на тридцать пять – солидный возраст для рекрута – и мышцы его уже заплывли жирком. Впрочем, расслабляться не следовало, отметил про себя Павел. На костяшках правой руки были заметны следы старой, наполовину выведенной татуировки. Вполне вероятно, в свое время ирландец состоял членом какой-нибудь молодежной банды. Занимался боксом в полулегальных клубах. Время от времени участвовал в сомнительных акциях, продавая свои кулаки различным политическим движениям. Ирландия всегда была беспокойной страной.

Они сошлись в центре восьмиугольного ринга. Павел первым протянул руку. Ирландец ухмыльнулся и крепко – будто хотел раздавить – сжал ее. Они долго смотрели друг другу в глаза. И Павел вдруг понял, ощутил, что победит.

В этом ирландце словно что-то было надломлено. Несмотря на кривую хулиганскую ухмылку, на вызывающее рукопожатие, на хищный прищур глаз, в нем чувствовалась слабость.

Рядовой Лонгвилл не хотел драться!

Павел выдернул ладонь из руки противника. Отступил, прижался спиной к канатам, дожидаясь, когда ударит гонг. Совсем некстати нахлынули воспоминания – университетский спортзал, стены, обшитые матами, разминающиеся борцы, ругающийся тренер. Запах пота и пыли.

Сделалось совсем спокойно. Унялось дыхание. Мир за пределами ринга исчез.

Павел усмехнулся. И увидел, как полиняла нагловатая ухмылка ирландца.

Гонг прозвенел, словно стекло разбилось. Отмахнув рукой, отбросив микрофон, скамился с ринга ведущий, оставив бойцов наедине.

Ирландец приподнял руки, кулаками закрывая лицо, локтями прикрывая корпус – «стойка труса».

Павел, низко пригнувшись, шагнул вперед, выставил руки перед собой.

Ирландец, коротко выдохнув, провел прямой правой – но слишком медленно. Павел, чуть отклонившись, шлепком раскрытой ладони легко погасил удар. Тут же зацепил запястье противника, резко потянул на себя, выводя его из равновесия. Попытался подсечкой свалить ирландца.

Не получилось. Противник успел вырваться, увел ногу, отскочил. Павел бросился было за ним, и едва не нарвался на удар – ирландец контратаковал быстро и решительно.

Разорвав дистанцию, они закружились, следя друг за другом, выжидая удобного момента для нападения. Они представляли разные стили единоборств, и потому пока осторожничали, не зная, как вести поединок, какую тактику выбрать. Впрочем, у Павла было преимущество – занимаясь самбо в университете, интереса ради он спарринговал и с боксерами, и с каратистами, и с айкидоками.

Главное не попасть под прямой удар!..

Сержант Хэллер подобрался к самому ограждению ринга. Он уже понял – он видел – что Павел не так прост, как ему представлялось раньше. Очевидно, рядовой Голованов занимался какой-то спортивной борьбой, и сейчас он грамотно вел поединок – не лез на рожон, выманивал противника, заставлял его открыться, изучал. Сержант Хэллер был удивлен: сперва неожиданная победа нескладного немца – как его там? – Курта, а теперь еще вдруг оказалось, что русский из его взвода не так уж и плох на ринге...

Ирландец, устав от монотонного кружения, перешел в стремительное наступление. Видимо, он решил все свои силы вложить в эту отчаянную единственную атаку, он хотел смять сопротивление противника, налететь на него, опрокинуть, раздавить.

Но все вышло не так, как он задумал.

Едва только ирландец кинулся на него с кулаками, Павел шагнул навстречу противнику, присел, пригнулся, прошел в ноги, чуть развернул корпус. Не глядя, одной рукой поймал запястье соперника, другой обхватил бедро. Рванул вверх, взваливая на плечи тяжелое тело спарринг-партнера. Повернулся, распрямился, бросил потерявшего ориентацию соперника под ноги, удерживая его руку. Быстро присел рядом, несильно ударил в ключицу, взял на болевой – безжалостно, жестко, как учил тренер. Ирландец зарычал, задержался, забился. Павел почувствовал, что противник вот-вот вырвется, и еще сильнее нажал на пойманную в узел руку противника.

– Держи его! – мелькнула за канатами морда сержанта Хэллера. – Дави! Молодец, парень! Дожимай!

Павел жал.

Стонущий от боли ирландец не собирался сдаваться. Он был упрям.

Павел мог бы вывихнуть ему плечо, а, быть может, и вовсе сломать руку. Надо только нажать чуть сильнее. И сустав не выдержит, вывернется, лопнут связки. Но так нельзя. Неправильно это...

– Дожимай! – требовал сержант Хэллер.

– Пи-са-тель! – скандировали трибуны. Больше всех старалась, конечно же, первая рота. Павлу казалось, что он слышит отдельные голоса: голоса Зверя, Рыжего, Цеце, голос лейтенанта Уотерхилла. Он поднял голову, осмотрелся.

Кругом лица. Глаза. Рты.

Свет прожекторов.

Блещущие зубы. Женские губы – яркие, накрашенные, искривленные гримасой то ли безразличия, то ли извращенного удовольствия.

– Я победил! – закричал Павел, из последних сил борясь с пойманной конечностью противника. Влажная кожа выскальзывала из пальцев. Ирландец, ослепнув от боли, все еще сопротивлялся. – Я победил! – Павел знал, что он победил. Это было в правилах.

Но здесь, на этом восьмиугольном ринге правила были другие – намного проще. Противник либо не мог продолжать бой, либо сдавался – только тогда он считался проигравшим.

Ирландец сдаваться не хотел. Он и в безвыходном положении продолжал биться.

– Я победил! – Павел тряхнул головой. Пот ел глаза. В висках стучала кровь. Руки гудели от напряжения. – Я победил!

– Дожимай! – прыгал вокруг ринга сержант Хэллер.

– Дожимай! – вопили на трибунах Цеце и Рыжий.

– Дожимай! – требовал лейтенант.

Что-то хрустнуло. Кто-то взвыл возле самого уха.

Конечности расплелись.

Ирландец наконец-то вырвался, вывернулся. Отполз, попытался встать на ноги, но смог лишь подняться на колени.

Сломанная рука висела словно переваренная макаронина.

– Он победил! – рявкнул сержант Хэллер.

– Победил! – откликнулись трибуны.

– Я победил, – сквозь сцепленные зубы повторил за ними Павел.

«Стань псом» – вспомнились слова лейтенанта.

«Стань разъяренным псом, и победа будет твоя».

– Перед нами победитель! – выскочивший на ринг коротышка схватился за микрофон. – Рядовой Голованов! Блистательно!

Побелевший лицом ирландец, похоже, ничего не понимал. В глазах его была боль, он стонал, здоровой рукой придерживая руку сломанную. И раскачивался. Раскачивался, стоя на коленях. Раскачивался, словно раскланивался.

Павел нашел глазами своего главного противника. Рядовой Некко, раздувая ноздри и презрительно кривя рот, смотрел на побежденного ирландца. Потом он перевел тяжелый взгляд на победителя. И Павел вздрогнул, увидев эти глаза.

Рядовой Некко был словно бешеный пес.

Рядовой Некко собирался убить Павла.

5

После был перерыв, и ринг заняли цирковые жонглеры. Стройные, условно одетые девушки прошлись по рядам зрителей, одаривая дешевым пивом в пластиковых бутылках, чипсами и улыбками.

Ирландца со сломанной рукой унесли на носилках в медицинский модуль – первый раненый поступил в распоряжение только что прибывших врачей.

А Павел ушел в раздевалку. Сержант Хэллер следовал за ним, покачивая головой и приговаривая:

– Не ожидал! Никак не ожидал! Даже не предполагал!..

В раздевалке было пусто и тихо. Только молчаливый Курт, сгорбившись, сидел на своем месте возле шкафчиков. Павел присел рядом, опустил руки, расслабил их, чувствуя, как дрожат пальцы, как толчками бежит по набухшим венам кровь.

Сержант Хэллер присел на корточки перед солдатами.

– Шесть очков! Парни, вы только что заработали шесть очков для нашей роты! Просто отлично! – Он был восхищен. Он был просто влюблен в них. – Я переговорю с лейтенантом, он оформит вам увольнительные. Пойдете в город, отдохнете. Может быть найдете девчонок... Ну что молчите? Вы меня слышите?

– Да, сэр, – отозвался Павел.

Курт повел плечом.

– Что это с вами? – забеспокоился сержант. – Бои еще не закончились. Вам надо будет идти на ринг.

– Мы выйдем, – ответил Павел. – Устали немного. Отдохнем и выйдем. Да, Курт?

– Я не устал, – поднял голову немец. – Но драться больше я не хочу.

– Почему? – сержант нахмурился.

– Я чувствую, там что-то случится. Что-то нехорошее. Не хочу туда идти.

– Ты что это вбил себе в голову? – сержантская любовь бесследно улетучилась, и голос его зазвучал привычно и знакомо. – Ты должен выйти на ринг. Если хочешь, сразу же ляг там, как проститутка! Но выйти ты должен! Слышишь, доннерветтер чертов?!

– Не хочу, – Курт снова устался себе под ноги.

– Посмотри на меня! – все повышал голос сержант. – Ты что, хочешь всю роту подставить? Дураками нас выставить?!

– Там будет кровь, – отрешенно и обыденно констатировал Курт. – Будет много крови. И кто-то умрет. Я не хочу туда.

– Ты это о чем? – Павел почувствовал, как в душе рождается нечто, похожее на страх. Вспомнились ненавидящие глаза Некко – глаза пса, затаившего злобу.

– Я чувствую... – Курт отвечал нехотя, словно сожалея о том, что уже было произнесено: – Я не знаю, как... Не знаю, кто... Но я предчувствую... И я туда не пойду... я не пойду, но победа будет моя...

Сержант, похоже, несколько растерялся. Поразмыслив, почесав затылок, пожевав губу, он махнул рукой:

– Ну и черт с тобой, прорицатель! Счастье твое, что не из моего ты взвода! Но я обо всем доложу твоему непосредственному начальнику!

– Как будет угодно... – Курт помолчал. Добавил, словно кашлянул: – Сэр...

А Павел все смотрел на худого нескладного немца. И почему-то ледяные мурашки бежали по его спине.

6

В последующих двух схватках встречались бойцы третьей и четвертой роты.

– Рядовой Свенсон против рядового Бароша, – торопливо объявил ведущий. Кажется, ему переставало нравиться его занятие. С трибун в сторону ринга летели пустые пластиковые бутылки. Младшие офицеры уже не старались наводить порядок среди своих подчиненных. Они просто внимательно следили за всеми и демонстративно громко наговаривали в микрофоны наладонных компьютеров фамилии провинившихся. Определить наказание каждому они собирались позднее.

Швед Свенсон и чех Барош во многом были похожи друг на друга: одного роста, одинакового телосложения. Похожие лица, мимика; оба блондины. Лишь одно отличие сразу бросалось в глаза – Барош был кривоног...

Гонг прозвучал, когда бойцы еще только карабкались на ринг. И они, оттолкнувшись от канатов, сразу же бросились друг на друга.

Кулак Свенсона рассек Барошу бровь. Чех разбил шведу нос. Кровь залила лица бойцов, превратила их в одинаковые жуткие маски. Густые капли упали на дерматиновое покрытие ринга, разбились черными кляксами.

Трибуны взревели. Они наконец-то дождались настоящего кулачного боя.

Силы противников были равны.

И поединок они вели в одинаковой – наступательной – манере. Они мало заботились о защите – или просто не умели защищаться – они месили друг друга кулаками, то сближаясь, то разрывая дистанцию.

Явного преимущества не было ни у кого.

Все решала выносливость.

И случай...

Барош, получив сильный удар в челюсть, повис на плечах у противника, не давая тому двигаться. Через мгновение, немного прийдя в себя, отскочил, мгновенно собрался, неожиданно перешел в наступление – показал удар в корпус левой, заставил шведа опустить руки, открыться, и тут же мощно ударил правой в лицо.

Свенсон покачнулся. Глаза его закатились на секунду, но это увидел лишь Барош. И чех остановился, испугавшись – красная бесформенная маска лица, белки глаз, дрожащие веки – жуткая картина.

Они были соперниками на ринге, но не врагами.

Их настоящий враг на ринг никогда не выходил. С ним можно было встретиться лишь на поле боя...

Чех подхватил падающего шведа, придержал.

Плохо соображающий Свенсон попытался боднуть противника в лицо, но Барош легко увернулся. Сказал что-то почти ласковое на своем языке – выругался, должно быть. Отпустил сопротивляющегося соперника, не собираясь его добивать. Отскочил, встал, дожидаясь, пока швед очухается.

Трибуны требовали продолжения поединка.

И несколько секунд бой продолжился.

Полуослепший швед широко размахивал руками, пытаясь зацепить скачущего вокруг чеха. Один удар достиг цели – Барош, охнув, схватился за ухо. Разозлился, совершенно забыв об осторожности, бросился на противника. И нарвался на второй удар – точно в солнечное сплетение. Задохнувшись, согнулся. А швед, вдруг прозрев, накинута на него, ударил кулаком по затылку, свалил с ног, пнул жестким мыском десантного ботинка в ребра, и еще раз, и еще...

Болельщики на трибунах засвистели. Кто-то из солдат, привстав, швырнул недопитую бутылку в разошедшегося не на шутку шведа – и попал. Дешевое пиво попутно окропило головы зрителей и расплескалось на ринге.

– Стой, мясник! – вопила вся четвертая рота. – Прекрати!

– Мясник! Мясник! – победно подхватила третья рота.

– Мясник! – прокатилось по залу. Еще один боец из молодых приобрел новое имя.

– Третья рота побеждает! – прокричал в микрофон ведущий, избегая смотреть под ноги.

Его подташнивало от вида крови. – Рядовой Свенсон оказывается сильнее!

– Некко! Некко! – скандировала четвертая рота, требуя отмщения.

– А теперь четвертый бой сегодняшнего вечера! Снова на ринге встречаются третья и четвертая рота. Бойцы Ниецки и Некко! Вы хотите реванша?! А вы хотите закрепить победу?! – коротышка на ринге обращался к зрительским рядам, но его никто не слушал.

На ринг уже взбирался здоровяк Некко: в одних шортах, с голым торсом; ручищи – словно обрубки толстенных сучьев, ноги – узловатые стволы, шея – короткий широкий чурбак. Несмотря на свои гипертрофированные мускулы, двигался он легко, почти грациозно.

Ниецки тоже был крупным мужчиной, но рядом с противником он выглядел подростком. Исход поединка был ясен с самого начала. На чьей стороне сила понимали и сами бойцы, и зрители.

– Раздави его, титан! – прозвучал восхищенный женский голос в офицерских рядах. И новое прозвище понравилось трибунам.

– Титан! Титан! – покатила волна голосов.

Некко ухмылялся.

Ниецки с опаской разглядывал противника.

Гонг, как всегда, прозвучал неожиданно.

И Некко, не мешкая, не тратя время на разведку и прочие хитрости рукопашного боя, навалился на соперника, словно и не заметив серию сильных ударов в грудь и живот. Он прижал противника к канатам, придавил всем телом. Высоко вскинул кулачище, словно приветствуя зрителей. И, немного помедлив, будто специально привлекая к себе внимание, обрушил его вниз, на голову беспомощного Ниецки.

Павел в это время находился в четырех шагах от бойцов. Он стоял возле ринга, зная, что следующий бой будет его. Он видел, как искривилась шея Ниецки, как подогнулись его ноги. Ему показалось, что он слышал, как смялись кости.

Из ушей, носа и горла Ниецки хлынула кровь. Но боец стоял, прижатый к канатам тушей противника.

– Титан! Титан!

Некко вновь вскинул руку. И снова уронил ее, словно кувалду.

– Титан!

Казалось, Ниецки сам держится на ногах. Но Павел видел то, чего не замечали другие. И он закричал:

– Остановите его! Остановите бой! Стойте!

– Титан!.. – возбужденно гудел человеческий рой.

Некко опустил глаза, уставился на Павла. Глаза его сузились, губы шевельнулись.

«Я убью тебя, – выразительную мимику можно было прочесть без труда. – Я убью тебя, чемпион».

Ринг был залит кровью бойцов. И Павел ясно вспомнил слова Курта: «Будет много крови. И кто-то умрет...»

Некко отступил.

Освобожденный Ниецки повалился на ринг. Голова его упала в кровавую лужу и вывернулась. Мутные мертвые глаза смотрели прямо на Павла.

И Павел видел в них свое отражение.

К рингу спешила бригада медиков, на ходу разворачивая носилки.

– Победил рядовой Некко! – восторженно прохрипел в микрофон клоун. Его белые башмаки и низ брючин были измазаны кровью.

– Титан! Титан!..

– Чистая победа!

Медики вытягивали тело Ниецки из-под канатов. Кровь пачкала их белые комбинезоны.

– Жив, – негромко сказал один.

– Давление низкое, – сказал второй. – Пульс неровный.

– Срочно госпитализируем, – принял решение третий.

Павел смотрел на них, и ему казалось, что кругом происходит что-то до невозможности иррациональное.

Убийца стоял на ринге, упиваясь победой.

У его ног копошились медики, собирались уносить полумертвого солдата, пострадавшего не в схватке с космическими чудовищами, а в спарринге со своим товарищем.

А следующий бой вот-вот должен начаться.

Праздник продолжается.

«И кто-то умрет...»

– Ты следующий!

Павел вздрогнул, вскинул голову. Сержант Хэллер свысока смотрел на него.

– Вы видели, сэр? – Павел почувствовал, что его голос дрожит. И закашлялся, надеясь это скрыть.

– Что именно?

– Вы видели? Некко чуть было его не убил!

– Нарушений правил не было, – холодно сказал сержант, комкая в руках белое полотенце. – Следующий бой твой.

Возникла какая-то пауза. Ведущий, перегнувшись через канаты, разговаривал о чем-то с какими-то людьми в военной форме. Кивнул несколько раз, потом схватился за микрофон, огласил:

– Победитель третьего боя рядовой Свенсон не может участвовать в следующем поединке!

Представитель третьей роты бросил на ринг белое полотенце, измазанное кровью.

– И поэтому победа присуждается первой роте!

– Черт возьми! – Сержант Хэллер, осознав услышанное, даже подпрыгнул. Спрятал свое полотенце за спиной. – Еще три очка!

«И я туда не пойду... я не пойду, но победа будет моя...»

Павел покачал головой, вспомнив пророчество Курта.

«И кто-то умрет...»

– А сейчас на ринге встречаются победитель второго боя рядовой Голованов и победитель четвертого боя, рядовой Некко! Итак, финальный бой! Первая рота против роты четвертой!..

Они встретились взглядами. Павел хотел отвести глаза, но не смог. Не смог, потому что не хотел показывать свою слабость, свою неуверенность. Не мог, потому что ненавидящий взгляд Некко притягивал и уже не отпускал...

– За что ты так на меня въелся? – прошептал Павел. – Я не враг тебе, не соперник. Что я такого тебе сделал?..

– Я лучший! – искривились губы Некко. – Я первый!

Их объявили еще раз. Сержант Хэллер легонько подталкивал Павла к рингу. Рядовому Некко что-то втолковывали. Болельщики пытались перекричать друг друга:

– Ти-тан!! Ти-тан!!

– Пи-са-тель!!..

А они не двигались и все смотрели в глаза друг другу: один ненавидя, другой вопрошая.

Некко первым отвел взгляд и, ухватившись за упругие канаты, рывком поднялся на ринг. Вскинул руки, сжал тяжелые кулаки.

– Ты что, голову потерял от страха? – прошипел в самое ухо сержант Хэллер. И Павел, очнувшись, тряхнул головой и шагнул вперед, подумав мельком, что этот залитый кровью ринг очень похож на эшафот.

И вдруг случилось то, чего никто никак не ожидал.

Трибуны зазвенели – словно сработали одновременно сотни будильников. Разом смолкли голоса. Зашевелились, задвигались встревоженные люди.

Офицеры, недоумевая, досадуя, смотрели на сработавшие персональные коммуникаторы – небольшие устройства связи в виде браслета. По несколько раз перечитывали короткое сообщение:

«Боевая тревога! Ситуация номер один. Старт через восемнадцать минут.»

Праздник был испорчен.

В динамиках щелкнуло. И холодный голос дежурного офицера четко и раздельно проговорил:

– Боевая тревога. Ситуация номер один. Старт через восемнадцать минут.

Этот голос звучал сейчас везде – в казармах, в столовых, в тире, в сауне, на складах, в ангарах и на улице. Сейчас в сотнях квартир затрезвонили телефоны, и трубках тоже был этот голос.

– ... Ситуация номер один. Старт через семнадцать минут...

Зал стремительно пустел. Сержанты, слушая четкие распоряжения взводных, без суеты выводили личный состав. Старшие офицеры, хмурясь и переглядываясь, уходили через запасный выход.

Офицерские жены, вдруг оставшись одни, хлопали глазами. На ринге стоял растерявшийся коротышка-клоун и рассеяно стучал ладонью по микрофону, словно пытаясь выколотить из него пропавший звук.

Глава 6

19.06.2068 (примерно 21:00 по местному времени)

Никто ничего не понимает. Сержанты на любой вопрос огрызаются. Офицеры отмалчиваются. Видимо, им, как и нам, ничего не известно.

Кто-то утверждает, что это очередная учебная тревога. Своего рода шутка внашившего в старческий маразм полковника. Кто-то говорит, что нас срочно эвакуируют, поскольку ожидается некий катаклизм – землетрясение, смерч, или что-то подобное. Самое разумное – нападение экстерров, – в качестве объяснения почему-то никто не предлагает...

Когда объявили тревогу, меня, можно сказать, сняли с ринга. Я успел только заскочить в раздевалку, подхватить оставленные ботинки. Даже обуться мне на дали – так и бежал в строю: босой с ботинками в руках. Повезло, что на ногу никто не наступил.

Пробежали мимо казарм, направились к оружейным складам. Впервые (!) получили боевое оружие – итурмовые винтовки старого образца «Скат», три магазина в подсумке, патроны россыпью – хватали горстями, кто сколько успеет. Вся рота снарядилась минут за пять. Другие роты получали оружие по-соседству.

Потом нас всем скопом привели к взлетно-посадочной полосе. Здесь уже включена иллюминация, крутятся решетки радаров.

Сейчас сидим на краю ВПП, чего-то ждем. Немного поуспокоились. Надеемся, что на этом все и кончится. Объявят, что тревога была учебная, норматив выполнен, и все могут разойтись.

Это не может быть боевая тревога! Нам же сказали, что официально Форпост начнет действовать с первого июля. Насколько я знаю, мы на 60% недоукомплектованы техникой и оружием. Транспорт ожидается дня через три. Не раньше... Еще толком не отлажена система спутниковой связи, половина систем коммуникации не работает.

Какая уж тут война?

1

– Затянули... – жаловался Цеце, посматривая на садящееся солнце. – Что мы тут, всю ночь сидеть будем?.. Затянули...

– Начальства никого не видать, – заметил Зверь. – Должно быть совещаются.

– А может действительно случилось что-то? – Павел, закончив писать, закрыл блокнот, убрал карандаш.

– Что может случиться? – фыркнул Рыжий.

– Экстерры, – коротко ответил Павел.

– Разговоры там! – вскинул голову сержант Хэллер, оглядел свой взвод. – Сидеть тихо, ждать приказа!

– И винтовки зачем-то выдали, – отметил Гнутый.

– Винтовки... – пренебрежительно пробормотал Рыжий. – Я из таких еще в школе стрелял...

Они, скрестив ноги, положив оружие на колени, сидели на теплом бетоне и смотрели в небо.

Четыре десантные роты. Шестнадцать взводов. Сорок восемь отделений. Без малого четыре сотни бойцов.

Все они ждали...

– Никуда мы не полетим, – сказал, улыбаясь, Шайтан.

– Откуда такая уверенность?

– Говорили что? Старт через восемнадцать минут. А прошло уже не меньше получаса... Эй, сержант! Сколько сейчас времени?

– Заткните свои рты! – сержант Хэллер угрожающе приподнялся.

– Почему у нас забрали часы? – шепотом спросил Павел, наклонившись к Зверю. – Почему в полет мы всегда отправляемся без часов?

Тот пожал плечами:

– Потому что сейчас нашим временем распоряжаются другие. – Непонятно было, отшутился он, или сказал это серьезно.

– Я что, неясно выражаюсь? – сержант Хэллер закипал. Видимо, и на него давила неизвестность.

– Помолчим, – сказал Зверь негромко, но прозвучало это как команда...

Почти четыре сотни бойцов, сидя на бетоне взлетно-посадочной полосы, молчали и смотрели в вечернее небо.

2

Связь была отвратительная – то ли спутник уходил, то ли барахлила новая, не настроенная толком аппаратура, то ли просто-напросто сбилась антенна. Полковник Грейн, командир Форпоста номер восемьсот шестьдесят три, через каждые три слова поминая черта и его сородичей, на повышенных тонах разговаривал с региональным штабом:

– Вы сообщаете, что за приказы отдаете?! Вы понимаете, что личный состав не готов к выполнению боевых задач?! У нас даже оружия нет! Нет оборудования, техники! Ничего нет! Ваше управление затягивает поставку, а вот теперь вы отдаете такие приказы!..

Сейчас полковник мало походил на усталого пенсионера. Он был зол, разъярен. Он грозил кулаком монитору, в котором отображались сразу два спокойных лица. Полковник не боялся этих штабных управленцев. Он никогда ничего не боялся, и всегда говорил то, что считал нужным сказать. Потому-то и был сослан в таежную глушь.

– Потихонечко, полковник, – медленно проговорил один из штабистов, тот что был помоложе. Звук несколько запаздывал, изображение дрожало, порой совсем расплываясь. – Мы не требуем ничего особенного от ваших людей. Перед вами поставлена простая задача – прочесать местность. Помочь вашим же соседям. Ведь вы не хуже меня знаете обстановку: наши западные части заняты сейчас Албанией. Юго-восточные проводят операцию на Тибете. Все резервы исчерпаны, людей не хватает. Мы бы не трогали вас Форпост, если была бы такая возможность. Но возможности такой нет.

– Я говорю вам еще раз – у нас нет оружия, нет техники!

– Я повторяю – ваши люди просто должны обследовать одиннадцатый, двенадцатый и тринадцатый квадраты. Зона вероятного падения слишком велика, мы не можем рисковать, надо срочно действовать всеми силами...

– Силами! – фыркнул полковник, слюной забрызгав глазок камеры и не заметив этого. Лица в мониторе pokrивились, переглянулись. – У нас нет сил! У нас есть только люди. Почти голые люди! Мясо! Мясо для экстерров! А вы их посылаете в ночь! И где сейчас ваши чертовы спутники? Вы что, совсем слепые, сами не можете отыскать место падения? Вы же, кажется, контролируете каждый квадратный метр поверхности!

– Так вы отказываетесь выполнять приказ? – деловито спросил штабист. Он склонил голову, и во взгляде его мелькнуло что-то хищное.

– Нет, – отчеканил полковник. – Я солдат и никогда не отказывался выполнять приказы. Мои люди уже ждут прибытия транспортов. Но я хочу, чтобы видеозапись этого разговора была запротоколирована.

– Хорошо, полковник. Если вам так угодно. Как мне сообщают, транспортные вертолеты уже на подходе. Ждите.

– И я в очередной раз требую, чтобы... – полковник не успел договорить: монитор погас – видимо в штабе решили, что с них достаточно.

– Ах вы черти! – глухо сказал полковник и разом сник. Плечи его опустились, руки ослабились, лицо смягчилось, и он снова превратился в усталого старика предпенсионного возраста.

3

– Вроде бы идут, – сказал Зверь, медленно поворачивая голову, словно наводясь локатором. – Точно идут!

Павел не сразу понял, о чем тот говорит. Но через пару секунд и сам услышал далекий гул, похожий на басовитое гудение шмелей.

– Транспортники. Геликоптеры... НТ-1500, «Лебеди»... – по звуку двигателей определил Ухо. И Павел подумал, что, возможно, прозвище свое Ухо получил не только за уродство.

– Повезут словно туристов на такси, – сказал Рыжий. Он, как любой настоящий десантник, не любил тяжелые транспортные корабли, предназначенные прежде всего для перевозки груза.

– Значит, домой сегодня мы не вернемся, – вздохнул Цеце.

– Знать бы наверняка, что тут назревает, – озабоченно сказал Зверь, покачивая головой. – Что если это не учения?

– Отставить разговоры! – приподнялся со своего места сержант Хэллер. – Все, что вам надо знать, до вас доведут. Так что заткнитесь и слушайте...

Над вершинами дальних сопот появились две темные точки. Они были отчетливо видны на фоне золотящегося предзакатного неба. И они росли, приближаясь. И все усиливался гул.

– Полетим недалеко, – сказал Гнутый. – Иначе подали бы что-нибудь более скоростное.

– Геликоптерами могут просто перекинуть на другую площадку, а уж там пересадить на дальнотойные корабли, – возразил Зверь.

– Тоже верно.

– А вот и командиры, – сказал, обернувшись, Хэллер. И в голосе сержанта всем послышалось облегчение.

Офицеры бежали неровной цепью, придерживая планшетные компьютеры, болтающиеся на портупеях, поглядывая на часы, на коммуникаторы. Спешили.

Лица их были слишком серьезные.

– Построиться! – издадека прозвучали отрывистые команды. – Доложить о наличии личного состава! Всем готовиться к погрузке!..

Бойцы поднимались, заправлялись, занимали свои места в строю. Лейтенанты, выслушав короткие доклады сержантов, сами торопились с докладами к ротным офицерам. Подходили к командирам строевым шагом, печатая шаг, козыряли молодцевато, точно как велел устав, а старшие офицеры словно отмахивались в ответ, небрежно, будто через силу – сейчас им было плевать на уставы. Негромко, но четко ротные обрисовывали ситуацию и ставили боевые задачи своим подразделениям:

– Сегодня в девятнадцать часов двадцать минут в верхних слоях атмосферы был сбит корабль экстерров. Наша задача – обследовать зону предполагаемого падения, а именно квадраты одиннадцать, двенадцать и тринадцать. Девять других квадратов обследуют наши соседи: Форпосты семьсот восьмой и шестьсот восемьдесят девятый. В случае обнаружения экстерров в бой не вступать, немедленно связаться со штабом, вызвать подкрепление. Приказываю...

Со стороны складов катились припозднившиеся грузовые роботы, похожие на огромные трехколесные тачки, везли в своих кузовах пирамиды парашютов.

Шмелиный гул превратился в рев. Толстотрухие, словно беременные, геликоптеры заходили на посадку. Бешено вращающиеся винты взбивали воздух. Чтобы быть услышанным, приходилось кричать во весь голос:

– ...Эвакуация будет проведена из квадрата тринадцать, сектор восемь! Место будет отмечено на ваших картах!..

Зависшие вертолеты медленно опускались на бетон аэродрома. От рева винтов и воя турбин закладывало уши, ветер выжимал слезы из глаз.

– ...Вопросы есть?

– Нет, сэр!

– Ну, тогда с Богом!

Лейтенанты, совсем не по уставному придерживая головные уборы, бегом возвращались к своим подразделениям, немо разевали рты, захлебываясь упругим воздухом, бурно жестикулировали, отдавая приказы сержантам.

С лязгом сдвинулась железная челюсть, открывая вход в темную утробу транспортного вертолета. Ударились о бетон колеса, заскрежетали рессоры.

– Первый взвод, справа по одному! Второй взвод!..

Тонкой ниточкой потянулись люди в разверстную пасть транспортника. Бежали, все еще не понимая, что происходит, теряясь в догадках. И даже перекинуться с кем-нибудь парой слов было невозможно – плотный густой рев забивал уши, заставлял пригибать голову и жмуриться.

– Торопитесь, черти! – орали сержанты, но их совсем не было слышно.

Цепляясь за специальные направляющие, по рельсам взобрались в железное чрево грузовых роботов. Боком заехали с специальные ниши, остановились, выпустили когти фиксаторов, укрепились и сразу же отключились – умерли.

Последними, еще раз все проверив, забежали в транспорты офицеры. Наклеили на горло таблетки ларингофонов, включили компьютеры, глянули на коммуникаторы. Доложились по радио:

– Первый взвод на месте! Второй взвод на месте! Третий взвод...

– Первая рота готова! Вторая рота готова!..

И через несколько секунд слышали в наушниках взволнованный голос:

– Удачи!

«Удачи!» – мгновением позже прочли они на светящихся панелях коммуникаторов.

Качнулся под ногами пол. Железная пасть стала закрываться. Взыли турбины двигателей, набирая обороты.

Два металлических чудища медленно поднялись в воздух, зависли на мгновение, разворачиваясь, ложась на курс, потом накренились вперед и, кромсая винтами спокойный вечерний воздух, понесли проглоченных людей за сопки к золотящемуся закатом горизонту.

Форпост номер восемьсот шестьдесят три уходил на свое первое задание.

4

Парашютов было с избытком.

– Купол, – сказал Ухо, словно выругался, затягивая широкие лямки. – Чертов купол! С такими в начале прошлого века прыгали! Я уж и забыл, как с ними обращаться!

– Неудивительно, что забыл, – усмехнулся Гнутый. – С начала-то прошлого века сколько времени прошло!

– Могли бы нормальные крылья дать!

– Могли бы – дали бы! – резко повернулся к разговаривающим сержант Хэллер. – А если парашют не нравится, прыгай без него!

– Может и не будем прыгать? – предположил Ухо. – Отработаем заход на выброску, и сразу назад.

– Тебе сказано – задача боевая, а не учебная! – заметно было, что сержанта раздражают подобные разговоры.

– Ну и что? Первый раз, что ли, вместо учебной тревоги объявляют боевую? Чтобы мы не расслаблялись.

– Для того, чтобы ты не расслаблялся, есть я! – грозно объявил сержант...

Едва только вертолеты оторвались от земли, командиры взводов обрисовали своим бойцам общее положение дел. Распределили секторы квадратов между подразделениями, выдали старшим компьютерные планшеты с загруженными картами, с подключенной системой позиционирования и модулем УКВ-связи. Потом, отозвав командиров сформированных групп, еще раз подробнейшим образом проинструктировали их – времени в полете было предостаточно. Лишь убедившись, что поставленную задачу поняли все, поняли правильно, до малейших нюансов, отпустили командиров к людям...

– Эй, Писатель! – окликнул Павла Рыжий. – А ты, наверное, страшно рад, что с тем верзилкой драться не пришлось. Рад? Признайся!

Павел пожал плечами, решив отмолчатся. Но Рыжий не успокоился:

– Ты видел, как он того... как его?... Зажал – и два удара. Вырубил с первого – я видел... Он бы и тебя так. Любого из нас. Любого, кто бы на ринг вышел. Ты его глаза видел? Видел? Знаю, что видел. Человека с такими глазами надо бояться. Ты боишься? – Рыжий с усмешкой ждал реакции Павла.

– Отстань ты от него, – сказал Гнутый. И добавил тише, словно не хотел обидеть Павла: – Хоть какая-то польза от этой тревоги.

– А ведь драться придется... – Рыжий заерзал на месте, посмотрел в сторону сержанта, встретился глазами с Цеце, зашептал торопливо: – Придется вам еще встретиться! Что поделывать? Спор-то наш в силе остался. Драку мы организуем. Продержишься хоть две минуты? Выстоишь?

– Да отстань ты от него! – повторил Гнутый с нажимом.

– А что? – Рыжий повернулся к нему. – Сам знаешь, что драка будет. Все знают. Ведь ставки сделаны, и деньги никто не вернет. Бой будет, отменить его нельзя.

– Будет... – нехотя признал Гнутый. – Только чего ты тут душу травишь человеку? – Он помолчал, разглядывая поникшего Павла. Потом, вспомнив что-то, хлопнул себя по лбу: – Черт! Я ведь хотя не покормил!

– Ничего, – хмыкнул Рыжий, – не помрет твой зверюга, только здоровее будет. Может повезет, накормишь ее свежим мясом, когда вернешься.

– Думаешь, без стрельбы не обойдется? – спросил Ухо.

– Не знаю, – Рыжий достал патрон, покрутил его в пальцах. – Но сдастся мне, это тревога вовсе не учебная.

Сержант Хэллер кивнул одобрительно и отвернулся. Его люди к бою были готовы.

5

– Квадрат одиннадцать, сектор три! – прозвучал громовой рык ротного. – Первый взвод – пошел! Второй взвод – на исходную!..

Выброска шла на полном ходу. Геликоптеры даже не снизили скорость, они словно спешили куда-то – возможно так и было. Возле широкого овального люка, крепко держась за поручень, стоял выпускающий. Он смотрел в километровую пропасть, отрывисто и неразборчиво командовал очередному десантирующемуся:

– Пошел!.. – И это его короткое «пошел» звучало так часто, что казалось, будто выпускающий зашелся в приступе кашля.

– Валимся, словно дерьмо из задницы, – негромко сказал Зверь. И Павел хмыкнул, оценив образность этого сравнения. Подумал, что надо бы оставить его где-нибудь в своих записях.

Бойцы, кому еще не подошло время прыгать, жались к стенам и сосредоточенно, раз за разом, проверяли амуницию. Все разговоры смолкли, сейчас каждый остался наедине с собой.

– Квадрат одиннадцать, сектор пять! – капитанский голос заставлял вздрагивать. – Второй взвод – пошел! Третий – на исходную!..

Геликоптеры то и дело меняли курс, выходя на заданные координаты. Завывали двигатели. Металлические стены вибрировали, ребристый пол качался, так и норовя уйти из-под ног. Мигали в сумрачных углах красные фонари, предупреждая, что один из выходов сейчас открыт.

– Квадрат одиннадцать, сектор семь! Третий – пошел! Четвертый – на исходную!

– Двинулись, ребята! – прозвенел голос лейтенанта Уотерхилла. Он прыгал вместе со своим взводом. После приземления он должен был определить путевые точки для боевых групп подразделения и дальше действовать по обстановке, выполняя поставленную задачу.

Это была первая боевая задача Гиля Уотерхилла, это был его первый взвод, и лейтенант понимал, что вся его дальнейшая служба во многом зависит от того, как он поведет себя сейчас. Потому он несколько волновался. И надеялся, что этого никто не замечает.

Сержант Хэллер украдкой следил за взводным. Он представлял, что сейчас чувствует молодой лейтенант, и пытался разглядеть хоть что-то в его холодных глазах. Странное дело – верзиле сержанту почему-то нравился этот парнишка с офицерскими погонами. И Хэллер не хотел бы, чтобы это кто-то заметил.

Сосредоточенный Зверь посматривал на свое отделение. Слишком давно они не были в настоящем бою – готовы ли сейчас к возможной схватке? Не растеряли ли злость? Не позабыли ли ненависть? Не заплыли ли жирком их мускулы?.. И как себя поведет новичок? Именно это интересовало Зверя больше всего.

А Павел смотрел прямо перед собой, не замечая ничего вокруг. Он думал об отце. И он чувствовал сейчас родство, близость как никогда ранее.

– Квадрат двенадцать, сектор один! – пророкотал капитан. – Четвертый взвод – пошел!

– Пошел! Пошел! Пошел! – снова закашлялся выпускающий уорент-офицер, хлопая бойцов по спинам.

Люди, скрестив руки на груди, шагали в люк, валились лицом в бездну и мгновенно исчезали из вида, подхваченные встречным ураганом. И только через несколько секунд далеко позади геликоптера, внизу стали распускаться шелковые пузыри первых парашютов.

– Пошел! – Павел, получив толчок в спину, провалился в люк. Воздух мягко ударил его в лицо, подхватил, закружил. Сразу же пропали все звуки и стало так тихо, что захотелось кричать во весь голос. Далеко внизу кружилась земля – редкие перелески на темных склонах сопков, извилистая речушка, озеро в долине.

Земля вдруг резко качнулась, и одновременно какая-то сила рванула Павла вверх. Переждав болтанку, он плюнул перед собой, чтобы проверить скорость падения – плевок ушел вниз – значит, все в порядке. После этого он задрал голову – над ним колыхался белый купол парашюта.

И Павел, уже не сдерживаясь, закричал в полный голос что-то веселое, восхищенное и матерное.

Глава 7

19.06.2068 (21:52 по местному времени)

День все никак не кончится.

Мы десантировались последними. В вертолете остался ротный со своей командой. Они будут ждать нас в тринадцатом квадрате, там, вроде бы, есть какая-то подходящая площадка – с нее нас и подберут потом. Конечно, ротный не просто так будет нас ждать. Он продолжает следить за нами, мы держим с ним постоянную связь. Наши компьютер и компьютеры других подразделений передают ему все необходимые данные.

Приземлились мы удачно, на голую вершину пологой сопки. Лишь меня одного отнесло на деревья. Пал через крону, закрыв локтями лицо, как когда-то учили. Повис на стропе в трех метрах от земли. Отстегнулся, свалился, немного зашиб палец на ноге. Ребята подбежали, помогли подняться. Никто ничего не сказал, но я и так понял, о чем они думают. Единственная сосна в радиусе ста метров, и я не сумел пролететь мимо...

Сразу после приземления лейтенант объявил состав групп. Наша группа – почти все отделение: Цеце, Рыжий, Ухо, Гнутый, Шайтан, я. Зверь пойдет с другой командой. Нашим командиром назначен сержант Хэллер. Я подозреваю, что он специально попросил об этом взводного, чтобы иметь возможность наблюдать за мной.

Сейчас выдалась свободная минутка, пишу на прикладе иштурмовой винтовки. Лейтенант Уотерхилл, сидя на земле, собрав вокруг себя командиров групп, заводит данные в их компьютеры.

Наша задача – прочесать местность, отыскивая останки сбитого корабля экстерров. Обломки, конечно же, никому так срочно не нужны. Необходимо отыскать яйца. Как можно скорей. Пока они не открылись.

Цеце, кажется, и сейчас не совсем верит, что это боевая задача, а не учения. Остальным все ясно – все собраны, сосредоточены, мрачны. Такими я их еще не видел.

Вот-вот прозвучит команда, и мы разойдемся по своим маршрутам.

Честно говоря, я побаиваюсь. Мы идем без спецзащиты, в обычном хэбэ, с простыми иштурмовыми винтовками, без нормальной связи, без дозиметров – с одним только компьютером на целую группу. Не хотелось бы в таком виде наткнуться на вылупившихся из яйца тварей.

А день уже кончился. Скоро станет совсем темно. Что тогда будем делать?

1

Пять групп – в каждой пять-семь бойцов – сбежали по склону сопки и потеряли друг друга из вида. У каждой был свой маршрут, свои вэй-поинты. Сбиться с пути было невозможно, компьютерная карта-планшет показывала все: местность, ориентиры, требуемое и реальное направления движения, скорость перемещения, положение группы с точностью до метра, положение других групп. Карта подсказывала оптимальный маршрут, синтезированным голосом комментировала движение подразделения, прогнозировала, анализировала. Карта могла все...

Проблема заключалась лишь в том, что спутники связи время от времени бесследно пропадали. И случалось это довольно часто – околоземное космическое пространство было настолько замусорено, что срок жизни нового спутника обычно исчислялся месяцами – столкнувшись с каким-нибудь куском железа, он и сам превращался в космический мусор.

Случалось и такое, что чудо-карта по непонятным причинам вдруг выходила из строя. Или просто сходила с ума и начинала показывать нечто несуществующее.

Поэтому у командира подразделения всегда были с собой бумажная распечатка схемы местности и примитивный магнитный компас. И время от времени он в обязательном порядке должен был сверять с ними показания всезнающего, но склонного к сумасшествию компьютера.

2

Бежать было тяжело – ноги вязли в песке. Далеко впереди тянулась полоса густого кустарника, там, наверное, была твердая земля, но неизвестно еще, что лучше – бежать по песку или же продираться сквозь плотные кусты, крепко сплетшие свои ветви.

– Здесь вообще есть дороги? – выдохнул Рыжий.

– Нет, – сержант Хэллер минуту назад сверялся с компьютерной картой. – Миль на сто вокруг нет ни одной нормальной дороги.

– Здесь что, у каждого жителя свой вертолет?

– Здесь нет жителей...

Они почти не разговаривали, берегли дыхание. Они хотели пройти как можно больше до наступления полной темноты. До последней точки маршрута оставалось еще километров двадцать.

– Справа, сорок пять градусов, метров двести! – выкрикнул Ухо. Все синхронно повернули головы.

– Вижу, – сказал сержант и вскинул руку, приказывая остановиться: – Рассыпаться! Занять оборону! Гнутый, Цеце – со мной!

Павел растянулся на песке, широко разбросав ноги, выставил перед собой винтовку, снял с предохранителя, прижался щекой к холодному прикладу. Почувствовал всю глупость положения – кругом на сотни метров открытое пространство, все видно, все отлично просматривается. Никакой самый мелкий экстерр не подберется незамеченным. Но по команде сержанта приходится утыкаться носом в песок, словно играющий в войну мальчишка. А все потому, что кто-то что-то углядел в стороне: может выросший в землю валун, может полусгнивший пенёк причудливой формы.

Они уже час двигались по этой долине, с юга и с севера зажатой сопками. И уже третий раз занимали оборону – сначала противником оказался обломок скалы, похожий на скифскую бабу, потом насквозь проржавевший корпус неведь откуда здесь взявшегося танка, потом здоровенный пенёк-выворотень, хищно растопыривший свои корни. Становилось все темней, солнце село, и в полумраке среди теней чудилось всякое...

Сержант Хэллер под прикрытием Гнутого и Цеце направлялся в сторону подозрительного предмета, чернеющего на фоне серого песка.

– Здесь воронка! – крикнул Цеце с левого фланга. Сержант сразу же повернул к нему.

Кажется, на этот раз они нашли нечто более существенное, чем развороченный древний танк.

– Стоять! – крикнул сержант своим сопровождающим и встал сам. Осмотрелся.

Все правильно. Здоровенный обломок свалился с неба, ударился о землю, расплескав вокруг себя песок, перемешав его с окалиной, кое-где даже расплавив. От удара сам выскочил из образовавшейся глубокой воронки, пролетел еще пятьдесят метров и зарылся там, где его и заметил Ухо.

Сержант Хэллер включил передатчик. Сообщил в эфир:

– В пятидесяти метрах от себя вижу крупный металлический предмет, похожий на обломок корабля. Опасности не представляет... – Сержант отключил голосовую связь, зная, что его сообщение получено, а место, где найден подозрительный обломок, зафиксировано. Когда придет время и если будет необходимость, сюда придут чистильщики.

Остановившись шагах в двадцати от куска железа, сержант еще раз внимательно осмотрел его. Убедился, что это просто груда искореженного металлолома. Подходить ближе он не собирался. Сержант Хэллер хорошо знал, что корабли экстерров пропитаны радиацией. Конечно, большого вреда не будет, фон не так уж и велик, но зачем лишний раз рисковать?

Он вновь включил передатчик, доложил, хотя в этом не было необходимости:

– Продолжаю движение по маршруту, – и побежал назад, к бойцам, держащим оборону. Было слишком темно, уже и звезды показались.

Сержант мог бы обшарить все вокруг, он и должен был бы так сделать, но он не собирался тратить драгоценное время на заведомо бесполезные действия.

Ровно через минуту группа из семи человек продолжила свое движение.

3

Деревня не была отмечена на карте – и это казалось невероятным. Сержант Хэллер даже подумал сперва, что новенький компьютер отказал, и сверился с распечаткой – все верно, деревни здесь быть не должно.

И все же она была там, впереди: три домика, вросшие в землю; щербатые пьяные изгороди; крохотные, потерявшиеся в зарослях бурьяна огороды, две скирды темного прошлогоднего сена и спящая на привязи лошадь.

Ничего этого на плоском мониторе компьютера не было.

– Черт возьми! – сержант озадаченно почесал затылок. Он привык доверять картам. Но и глаза никогда его не обманывали.

– Предлагаю здесь и остановиться, – прошептал Цеце. И добавил еще тише: – Сэр...

Луна, похожая на засиженный мухами светильник, медленно плыла среди кисейных облаков. Было тихо, только звенела в ночном воздухе льнущая к людям мошकारа.

– Осталось всего восемь километров, – сержант еще раз сверился с картой. – Есть ли смысл сейчас останавливаться?

– Есть сэр, – негромко сказал Гнутый, украдкой показывая на Павла.

Павел зевал. Павел тер глаза. Павел покачивался. Руки его висели, ноги дрожали. Он мало что видел и почти ничего не слышал. Он был слишком измотан.

– А он неплохо держится, – с легкой усмешкой сказал сержант.

– Да, сэр, – сказал Гнутый. – Вы нас всех загоняли. Но мы-то умеем это не показывать, а он еще не научился. Кроме того, ему не делали биоактивацию.

– Значит, ты тоже хочешь передохнуть?

– И я, сэр! – выдвинулся Шайтан.

– Поддерживаю, – сказал Рыжий.

– Устроили тут демократию, – поморщился сержант. – Сейчас переизбирать меня будете?

– Если б только было возможно, – буркнул Ухо.

– Ладно, – сержант не привык долго раздумывать. – Останемся здесь до рассвета. Первое дежурство – Цеце и Рыжий. Дальше сами делитесь. Русского не трогайте – пусть как следует отдохнет. Огонь не разводить. Расположимся прямо здесь. Поскольку деревня на карте не отмечена, туда не пойдем.

– Разумно, сэр, – ухмыльнулся Гнутый. – Я бы тоже не доверял призракам.

Сержант юмора не понял, глянул угрюмо на скалящего зубы бойца, оборвал:

– Завтра будем нагонять упущенное время. Все восемь километров – бегом, без передышки. На месте нужно быть вовремя.

– Будем! – посерьезнел Гнутый.

– Дальше пойдет лес, – продолжал пояснять сержант. – Местность будет не такая открытая, как раньше, так что двигаться будем широкой цепью, чтобы ничего не пропустить.

– Яйцо сложно не заметить, – сказал Рыжий.

– Такое, как у тебя, и с микроскопом не найдешь! – сержант не любил, когда его перебивают. – Всем все ясно?

– Да, сэр, – отозвались бойцы. Только Павел, казалось, ничего не слышал.

Казалось, он уже спит.

4

В ночи что-то двигалось.

Сержант Хэллер приподнялся на локте, нащупал справа от себя штурмовую винтовку, осторожно подтянул ее к себе, и медленно, чтоб не щелкнул рычажок переводчика, снял с предохранителя.

Нечто уже не двигалось. Оно затаилось во тьме. Сержант Хэллер кожей лица чувствовал пристальный взгляд.

Кто там?..

Сержант не спал всю ночь, он смотрел в небо и считал звезды. Он слышал, как бродили вокруг Рыжий и Цеце, негромко переговариваясь. Слышал, как они хрустели сухарями из сухпая. Слышал, как они сменились – на дежурство заступили Шайтан и Гнутый. Тоже захрустели сухарями, позевывая и перешептываясь.

А теперь, под утро, все затихло.

Только минуту назад треснула ветка в недалеких кустах, и чуть слышно зашелестела листва. А потом словно кто-то вздохнул.

И остановился. Притаился, увидев вооруженных людей, расположившихся на отдых.

Прямо на пути...

Зверь? Человек?

Или нечто чуждое этому миру – ночное чудовище, космический монстр?

Экстерр!

Сержант Хэллер навел ствол на кусты, подумав, что разрывные пули не смогут остановить чудовище, если оно бросится на отряд с такого близкого расстояния.

Они смотрели друг друга в глаза: сержант Хэллер чувствовал это, хотя ничего и не видел.

– Просыпайтесь... – чуть слышно проскрежетал севшим голосом сержант. Он не хотел шумом провоцировать неизвестного противника на атаку. – Просыпайтесь же все... – Он медленно протянул руку, коснулся чьей-то ноги, тронул чье-то плечо. – Просыпайтесь...

Нет, это не экстерр. Инопланетное чудовище сразу бросилось бы на людей. Оно не таилось бы в кустах, чего-то выжидая.

Рысь? Медведь? Тигр?

Если существо не нападает, значит оно пребывает в неуверенности. Значит, сомневается в своих силах. Опасается.

– Просыпайтесь! – сержант сел. Потом встал на колени, не опуская ствол штурмовой винтовки.

– Что такое? – встревоженный заботливый голос с сильным акцентом. Шайтан. Значит, не заснул. Просто ничего не замечал, да и сейчас не замечает.

– Там кто-то есть, – мотнул головой сержант в сторону кустов.

– Сейчас проверю.

– Стой!

Проснулись и другие. Почувствовали напряжение, сразу взяли в руки оружие.

– Что?.. Где?..

Только Павел спал.

– Шайтан, Гнутый, прикройте меня, – сержант Хэллер поднялся на ноги. – Рыжий – держи правый фланг, Ухо – левый... – Сержант сделал первый шаг. Остановился, всматриваясь в непроницаемо-черные заросли. Подождал, давая противнику возможность отступить или как-то себя проявить. Потом шагнул снова.

И вдруг кусты качнулись. Зазвенел голос, вполне членораздельный, человеческий. Слова звучали весело и напористо, но были абсолютно непонятны. А через мгновение показался сам

говорящий – невысокий, бурно жестикулирующий, он вышел на открытое место, и остановился в шести шагах от сержанта, показывая пустые руки. За спиной его поблескивал вороненой сталью ствол охотничьего ружья.

– Человек, – выдохнул сержант Хэллер, опуская винтовку, словно она сделалась совершенно неподъемной. – Абориген... – Он обернулся, скользнул взглядом по напряженным лицам бойцов, и приказал: – Будите русского.

5

– ...А я ведь видел ваших, но подходить не стал... – Словоохотливый мужичок сидел в кругу бойцов и разговаривал с Павлом. – Вчера. И как прыгали, видел. Только издалека. С сопки видел. Есть у нас одна – называется Медвежья Лапа. Я там кабаргу обычно бью, вот и этот раз пошел за кабаргой...

Брезжил рассвет. На траву легла роса, было немного зябко.

– Что он говорит? – спросил сержант.

– Рассказывает, что видел, как мы прыгали, и встречал другую нашу группу, – перевел Павел на общепринятый английский.

Мужичок сразу же смолк, закивал, подтверждая все сказанное Павлом, хотя, конечно же, ни слова не понял.

– Спроси, он в этой деревне живет?

Павел перевел вопрос сержанта на русский.

– Да, здесь. Пятеро нас тут. Семейские мы, староверы, если по-вашему. Я один живу, Иваном меня звать. А вон в том доме Варвара живет и муж ее Степан. А там две бабки – Настасья и Анна. Раньше-то больше народу было, почти двадцать дворов было, вон гниют срубы-то, видишь, крапивой все заросли...

– Здесь, – сказал Павел сержанту. – В этой деревне.

– Не видели ли они чего-нибудь странного на днях? Падающих звезд или еще что-нибудь?

– А как же! – кивнул мужичок, внимательно выслушав Павла. – Много чего видели. Звезды сыпались, да только не звезды это были, а спутник упал. Они сейчас часто падают. Небо не держит их, все ж не ангелы, а железяки без крыльев, вот они и сыплются на нас грешных. Падают, и грохочут, словно Илья Пророк на колеснице едет. И красиво так падали – с огнем, с дымом...

– Они видели, – сказал Павел по-английски.

– А куда обломки упали, он может сказать? – озабоченно нахмурился сержант Хэллер.

– Куда упали? – мужичок почесал затылок. – А кто его знает, куда они упали? В тайгу! Может где-то недалеко упало, не знаю... Хотя... Да, громыкнуло тут сильно. Было дело. Земля вздрогнула. Это в первый раз, когда мы еще по домам сидели. А потом мы вышли – глядим – летят. Красиво падали... А куда тот первый упал – не знаю. Но недалеко. А! Вы Степана спросите! Я за кабаргой пошел, а он как раз в лес собирался, спутник искать. Погляжу, говорит, вроде бы недалеко упало. Может и нашел чего, не знаю... – Мужичок весело скалил желтые зубы, посматривал на окруживших его бойцов. Было заметно, что ему нравится пребывать в обществе новых людей. Видно было, что он соскучился по общению.

Выслушав подробный перевод, сержант нахмурился еще больше:

– А где найти этого... Степана?..

– Так я же говорю! – привстал мужичок, показывая на деревню. – Вон в том доме он живет! Который с наличниками...

– Сэр, наша задача – просто идти по маршруту, – напомнил Гнутый.

Сержант покосился в его сторону:

– Твоя задача – слушать меня! – Он снова повернулся к Павлу. – Спроси, сам он не встречал куски железа в тайге?

– Нет, не встречал, – помотал головой мужик. – Я кабаргу искал. Мне железо ни к чему.

– Он проводит нас к Степану?

– Провожу, – с готовностью откликнулся мужичок. – Отчего же не проводить?

– Тогда пойдем прямо сейчас. Времени у нас мало... – Сержант поднялся, и бойцы тоже зашевелились, подхватывая оружие, одергивая форму. – Только вот еще что спроси у него... –

Сержант задумался, формулируя вопрос. – Спроси, почему он прятался? Почему следил за нами, не вышел сразу же, а сидел в кустах, подглядывал.

Павел перевел. Мужичок усмехнулся, хитро глянул на сержанта:

– А потому что странные вы какие-то. Нет бы в дом постучаться, переночевать попроситься по-людски, а вы на голой земле спать улеглись, ну словно собаки какие.

6

Степан не спал. Он вышел навстречу гостям, словно уже ждал их. Шагнул за порог, остановился на крыльце, сдержанным кивком поздоровался со всеми, внимательно осмотрел каждого, потом неторопливо спустился по ступеням, присел на завалинку, показал рукой – присаживайтесь тоже. Он вроде бы даже не удивился, увидев группу вооруженных незнакомцев перед своим домом.

– Здоров, Иван, – перво-наперво приветствовал он соседа.

– И тебе не болеть, – затараторил охотник, усаживаясь рядом и пристраивая ружье на коленях. – Был я, значит, у Медвежьей Лапы, кабаргу искал. Слышу – в небе гудит что-то. Наверх посмотрел, вижу – прыгают. Летят, и много их так, что аж в голове закружилось. В общем, распугали они мне всю охоту, пришлось за ручей идти. Только и там ничего не нашел. Ушла кабарга. Распугали зверя своим спутником...

– О чем это он? – наклонился сержант к Павлу.

– Здороваается, – ответил Павел.

А соседи продолжали разговор, будто позабыв про группу солдат.

– ...Иду назад, гляжу – вроде бы стадо кабанов спит. Я уж и ружье снял, прицелился через кусты, подкрался: ан нет! Люди! Те самые, что прыгали. Лежат на голой земле перед самой деревней, спрятались за кустами, чтоб их от нас не видно было...

– Ты короче можешь говорить? – перебил соседа Степан.

– А куда уж короче? Заметили они меня, расспрашивать стали. Спутник они ищут. Я им и сказал, что ты вроде бы ходил смотреть, куда он упал. Ходил ведь?

– Ну, ходил.

– Видел чего?

– Ну, видел.

– А чего видел-то?

– Да кто ж его разберет, чего я там видел... – Степан говорил с неохотой, выдерживая паузы, словно взвешивая каждое слово.

– Что вы видели? – Павел решил, что пришло время вмешаться в разговор.

Степан глянул на нового собеседника:

– Шар я видел.

Павел подался вперед.

– Шар? Большой?

– Руками не обхватить. В мой рост, наверное.

– Он видел яйцо! – Павел повернулся к сержанту.

– Где?! – вскинулся сержант Хэллер.

– Где? – перевел Павел.

– Там, – неопределенно махнул рукой Степан.

– Пусть он проводит нас!

– Ты покажешь нам это место? – спросил Павел, поднимаясь с завалинки, готовый немедленно идти.

– Могу и показать, – нехотя сказал Степан. – Только там нет уже ничего.

– Как? – Павел похолодел. Рука его сбросила с плеча ремень винтовки. Он оглянулся, будто ожидал за спинами своих товарищей увидеть жутких тварей, вылупившихся из яйца. Сержант Хэллер, сразу – без перевода – догадавшись, что дело нечисто, рывкнул:

– Рассыпаться! Шайтан – северный сектор! Цеце – южный! Гнутый, со мной! Рыжий – запад! Ухо – восток!

Бойцы разбежались в одно мгновение, словно испуганные перепелята. Заняли выгодные для стрельбы позиции, заводили перед собой стволами винтовок, пока еще не видя врага, но понимая, что он может оказаться совсем рядом.

– Что?! – сержант Хэллер схватил Павла за плечо. – Что не так?!

Иван и Степан переглянулись. Спросили одновременно по-русски:

– Что не так?

– Шар! – Павел крепко сжимал в руках штурмовую винтовку. – Что с ним? Он открылся? Ты был, когда это случилось? Ты видел это? Там внутри было что-то?

– Открылся? – Степан нахмурился. – Нет.

– Тогда что случилось?

– Да ничего.

– Но яйцо! Шар! Где оно?

Степан виновато потупился. Искоса глянул на Павла, на сержанта Хэллера. Посмотрел на Ивана. Признался со вздохом:

– У меня.

– Что? – Павел подумал, что неправильно что-то понял.

– О чем вы говорите? – рычал сержант Хэллер.

– Шар у меня... – неохотно повторил Степан. – Во дворе лежит...

– Здесь?! – задохнулся Павел.

– Там, – показал себе за спину Степан.

– Яйцо здесь! – Павел рывкнул не хуже сержанта Хэллера. – Там! В пристройке!

Сержант сориентировался мгновенно. Он заорал на всю деревню:

– Все сюда! – одновременно подхватил компьютерный планшет, открыл его, не глядя ткнул в кнопку голосовой связи: – Обнаружено яйцо! Вызываю подкрепление! – Отключив связь, рывкнул на Ивана и Степана: – Всему гражданскому населению срочно покинуть зону!

Они, конечно, ничего не поняли, а если бы и поняли, выполнять приказ не стали бы. Это была их земля, это были их дома, и никакой самый громкоголосый сержант не сумел бы прогнать их отсюда...

Двор был открыт. За тяжелыми воротами загустела пахнущая сеном и навозом тьма, и в ней смутно вырисовывался силуэт огромного яйца.

– Оно действительно там, – сказал Рыжий, осторожно заглянув в пристройку.

– Закрытое? – спросил сержант, хотя это было ясно и так.

– Да.

– Его надо немедленно оттуда вытащить.

– Но как?

– Так же, как его туда затащили.

– Оно радиоактивно, – заметил Рыжий.

– Вернувшись, получите по бутылке красного вина, – пообещал сержант.

– Почему нам не дали счетчики? – возмутился Цеце.

– Заткнитесь! – рывкнул сержант Хэллер, и тут же добавил чуть мягче, словно извиняясь: – Сейчас не время...

Они стояли перед раскрытыми воротами и не решались войти внутрь. Непонятно было, что же делать.

– Голованов! Спроси у этого чертового Степана, как он затащил туда это чертово яйцо?

Мужики, несмотря на грозную ругань сержанта, никуда не уходили. Они стояли совсем рядом, за спинами бойцов. Иван даже держал перед собой ружье, целил в стальной шар – Павел в двух словах уже объяснил ему, что никакой это не спутник.

– Говорит, обвязал веревкой и приволок лошадьми.

– Зачем оно ему понадобилось?

- Говорит, хотел разобрать. Думал, что в хозяйстве на что-нибудь сгодится.
- Разобрать! – сержант зло глянул на виновато понурившегося Степана. – Эту штуку только атомной бомбой разобрать можно!.. Сгодится!.. Что нам теперь делать, черт возьми?
- Ждать подкрепление, сэр, – сказал Гнутый.
- Тебя не спрашивают, умник! Необходимо срочно эвакуировать всех гражданских!
- Они никуда не уйдут, – сказал Павел.
- Как это? Почему?

Павел пожал плечами. Как объяснить сержанту, что эти люди скорее умрут здесь, чем оставят свои дома? Эвакуировать их можно только силой. Но сейчас нельзя разделяться – яйцо может открыться в любой момент. И тогда потребуется вся огневая мощь маленького подразделения. И даже, возможно, старинное двухствольное ружье окажется кстати.

- Входим внутрь! – решил сержант. – Окружаем яйцо. Ближе не подходить!
- Но, сэр... – хотел что-то возразить Гнутый. Сержант свирепо глянул на него, и боец смолк.

Они ворвались во двор по всем правилам военной науки – двумя группами, прикрывая друг друга – словно штурмовали захваченное противником помещение. Сразу же рассредоточились, нашли себе укрытия – достаточно условные, ненадежные. Только Иван со Степаном по-прежнему стояли в воротах, с искренним, каким-то детским любопытством наблюдая за действиями боевой группы. Глядя на беспечных мужиков, сержант свирепо скрипел зубами и размахивал руками – уходите, уходите прочь! Но они лишь отступили на пару шагов.

Двор у Степана был просторный. Несколько бревен, словно колонны, подпирали крышу. Тусклый свет едва-едва сочился через единственное рубленое оконце. Возле дальней стены располагались клетушки для скотины, там кто-то шевелился – то ли овцы, то ли козы. Поверху на поперечных балках были настелены длинные жерди. Между ними торчали клочья старого сена и соломы. И там тоже кто-то был – шуршал, трепыхался, сыпя трухой. Должно быть куры разгуливали по сеновалу под крышей. А их, в хозяйстве у Степана, видимо, было немало – утрамбованный земляной пол был сплошь в курином помете и пухе.

Сдавленно запищал компьютер. Сержант бросил на него взгляд, объявил всем:

- Подкрепление прибывает через двадцать минут!

Бойцы не отреагировали. Они внимательно и напряженно следили за мертвым яйцом, в котором сейчас, почти наверняка, бурлила жизнь. Цеце спрятался за большим, окованным жестью ларем. Рыжий выглядывал из-за столба, подпирающего крышу. Коротышка Шайтан поднялся на сеновал, улегся там на гнилом сене, высунув ствол винтовки между сухих жердин. Гнутый укрылся за однолемешным плугом. Ухо, опустившись на одно колено, застыл возле ворот.

Павел боролся с искушением выпустить очередь в инопланетное яйцо. Он знал, что даже гранатометный выстрел не сможет повредить сверхпрочную скорлупу. Помнил он и инструкции, которые настрого запрещали открывать огонь по любым «контейнерам, могущим содержать зародыш экстерра». Но палец на курке буквально чесался, так сильно было желание разрядить винтовку в неземной артефакт...

Всего только двадцать минут.

Ровно через двадцать минут придут команда прикрития и специалисты-чистильщики. Они-то знают, как обходиться с такими находками. У них есть и специальное оружие, и особые инструменты. Непонятно только, а почему бы эти спецсредства не выдать десанникам?

Впрочем, как раз с этим все ясно. Инопланетные технологии не должны попасть в нечистые руки.

Иван и Степан, устав стоять, сели на траву. Они не понимали в полной мере, с чем столкнулись. Степан, кажется, до сих пор считал свою находку самым обычным спутником, за которым охотились военные. Глянув на них, Павел подумал, что люди эти живут вне времени. Им

все равно, что творится в большом мире. Они ничего не знают о нашествии, о противостоящей пришельцам организации UDF. Это совсем их не касается – здесь, в диком уголке мира.

– Сержант! – выкрикнул Ухо, и в голосе его звучали страх и предостережение.

– Что!

– Я слышу!

Потрескивание... Теперь и Павел услышал. Словно бы где-то горел костер...

Не где-то! В самом центре двора!

– Оно открывается! – взревел сержант Хэллер, передергивая затвор уже взведенной винтовки.

Яйцо трещало. С его поверхности сыпалась грязь, облетали чешуйки окалины.

Яйцо открывалось, выпуская созревшую в нем неземную жизнь.

– Не стрелять! – Сержант подался вперед. Он не раз видел, как вылупляются из яйца экстерры. И он знал, когда будет удобный для стрельбы момент. Секундой раньше – впустую потратишь патроны. Секундой позже – и мелкие стремительные твари, защищающие самку, уже выберутся из скорлупы. – Не стрелять! Ждать команду! Ждать!

У Павла палец дрожал на курке. И мурашки бегали по коже. Он много раз видел учебные фильмы, сдавал по ним зачеты. Но он впервые вживую, собственным глазами, да еще так близко наблюдал рождение колонии экстерров.

Яйцо мелко задрожало. Раздались несколько громких щелчков. Потом послышался визгливый скрежет, словно железом водили по стеклу.

– Приготовиться! – сержант снова передернул затвор, потеряв еще один патрон.

Напрягшиеся, подобравшиеся бойцы смотрели на яйцо через прорези прицелов. В чью сторону кинутся твари? Удастся ли их опередить? Остановят ли их пули?

На поверхности шара возникли четыре тонкие трещины. Изнутри потекла на земляной пол густая жидкость.

И вдруг – словно взрыв! Всплеск, тяжелые брызги во все стороны – яйцо раскололось, раскрылось, распалось четырьмя лепестками, обнажив выстланное проводами, опутанное трубками слизистое нутро. И еще нечто живое, пульсирующее, пока бесформенное, свернувшееся в комок, но уже разворачивающее лапы, ноги, щупальца, хвосты.

– Огонь!

Гром штурмовых винтовок взметнул в воздух сennую пыль. За дощатой перегородкой ударили копытами в стену перепугавшиеся лошади. Взревели чужими голосами одуревшие овцы. Заметались под потолком сеновала переполошенные куры.

Вспышки рвущегося из дул пламени осветили мрачный двор.

Ожившие винтовки бились в руках бойцов, выплевывая тяжелые смертоносные пули.

Глухо бухнуло два раза охотничье ружье. Не растерявшийся Иван тут же переломил ствол, выбросил дымящиеся гильзы, торопливо сунул в горячий ствол еще два патрона со свинцовыми пулями, способными свалить вставшего на дыбы медведя. Разрядил дуплетом – два хлопка слились в один.

Магазины автоматических винтовок опустели за считанные секунды. Гром прервался лишь на мгновение – перезарядив оружие, бойцы вновь нажали курки, разрывными пулями в ключья разнося дергающуюся, шевелящуюся грудку плоти и слизи.

Степан, открыв рот, тупо смотрел на ад, творящийся под крышей его двора.

Высоко в небе кружили сотни птиц, вспугнутых со своих гнезд. Металось от сопки к сопке взбалмошное эхо...

Боекомплект кончился.

Бойцы опустили оружие. Павел с трудом разогнул сведенный судорогой указательный палец.

Дышать было нечем. Пахло пироксилиновой гарью, раскаленным железом, жженым маслом. И к этом знакомым запахам примешивалось еще что-то: тяжелый запах смерти, аромат чужой крови.

Груда истерзанного мяса еще шевелилась. В ней уже ничего нельзя было разобрать – ни лап, ни щупалец, ни хвостов. Одни лишь обломки костей и лоскуты мышц. Сколько там было существ? Какие? Теперь даже ученым, наверное, не разобрать.

– Справились! – сержант Хэллер обвел всех восторженным взглядом. – Мы сделали это, ребята!

– Ура... – устало сказал Гнутый. И зашипел, обжегшись о ствол винтовки.

Они смотрели, как дрожит, пульсирует живая плоть мертвых монстров. Они ждали, что сейчас что-то произойдет: чавкнув, срastутся куски мяса, и кости с хрустом встанут в суставные сумки, и откроются глаза, распахнутся зубастые пасти. Экстерры обладали невероятной способностью к регенерации. А патронов уже не было, и гранат не было, не было напалма, даже обычных сигнальных ракет, которые можно использовать и в качестве оружия, тоже не было.

Ничего не было.

– Десять минут до прибытия подкрепления! – Сержант, отложив винтовку, что-то делал с компьютером.

Уже прошло десять минут! – поразился Павел. Целых десять минут, слившихся в одно нескончаемое мгновение, они расстреливали только что вылупившихся экстерров. Каждый боец разрядил пять винтовочных магазинов.

И еще один опустошил патронташ...

Павел посмотрел на ворота.

Иван, опустив охотничью двустволку, с любопытством разглядывал груду сочащегося кровью мяса, словно хотел понять, съедобно ли оно. Почувствовав взгляд, он поднял голову, кивнул Павлу. Спросил:

– Что это?

После грохота стрельбы голос его казался тихим и далеким.

– Это дьявол, – сам собой вырвался ответ.

Старовер посерьезнел. Потом усмехнулся, покачал головой:

– Это не дьявол. Дьявол в людях. А это не человек...

За его спиной вытянулся Степан, крепко сжимая в руках двузубые вилы и вглядываясь в задымленную черную утробу своего двора.

7

Бригада зачистки прибыла точно в объявленное время. В небе мелькнули стремительные крылатые тени, опережающие звук, и через пару секунд в воздухе повисли на парашютах-крыльях роботизированные десантные капсулы – обтекаемые герметичные пластиковые контейнеры, вмещающие одного специалиста со спецтехникой, своего рода миниатюрные планеры, управляемые электроникой.

Они все опустились точно перед избой Степана, легли тесно в шахматном порядке – спутник с орбиты управлял их движением, учитывая десятки всевозможных параметров. По пришедшей радио-команде капсулы разгерметизировались, расстегнулись ремни, удерживающие людей и технику, сдулись пневматические подушки, сами открылись полупрозрачные овальные двери.

– Всем отойти! – прозвучала команда.

Люди, похожие на инопланетян, синхронно поднялись из капсул. Все в одинаковых серебристых комбинезонах, вместо лиц – маски с раструбами фильтров. Часть людей вооружена плазменными огнеметами «Дракон», тяжелыми винтовками «Буйвол», портативными гранатометами «Торнадо» – это команда прикрытия, гвардейцы, элита. В руках других – приборы устрашающего вида с не менее устрашающими названиями – это ученые.

– Кто старший?

– Я! – сержант Хэллер выступил вперед.

– Докладывайте! – приказала маска.

– Яйцо открылось двадцать минут назад... – начал отчитываться сержант Хэллер. Он уже доложил наверх обо всем случившемся, и эти люди, конечно же, все знали. Но правила есть правила. – Мы расстреляли его из штурмовых винтовок, когда оно распалось. Расстреляли весь боекомплект. Кажется, из-под огня никто не ушел. – Сержант немного робел перед этими людьми. И ему не нравилось это ощущение. Но он ничего не мог с собой поделать.

– Вы уверены?

– Нет... – Конечно, уверен, подумал сержант Хэллер. Если бы хоть один экстерр вырвался бы из-под обстрела, они бы тут так просто не стояли бы, не разговаривали.

– Хорошо, стафф-сержант. Вы и ваши люди свободны.

– Есть, сэр, – сержант Хэллер, вскинув руку, отдал честь серебряному костюму без знаков различия. – Разрешите идти?

– Да, конечно же. Продолжайте движение по своему маршруту.

– Слушаюсь... – вновь козырнул сержант Хэллер, развернулся, печатая строевой шаг вернулся к своим бойцам.

– Что сказали мусорщики? – спросил Гнутый.

– Ничего, – ответил сержант, не заметив даже отсутствия обращения «сэр».

– Как обычно, – заметил Рыжий.

– Мы свое дело сделали. И сделали хорошо. Теперь двигаем дальше. А они остаются. Все все взяли?

– Да, сэр! – нестройно отозвались бойцы.

– Тогда за мной бегом марш! – сержант снова стал собой, голос его обрел силу, взгляд налился свинцом.

Пробегая мимо хмурых, недовольных новым вторжением Ивана и Степана, Павел улыбнулся им, ободряюще кивнул.

– Будьте здоровы!

Он краем глаза уловил движение в окошке соседней избы. Видно кто-то из встревоженных женщин, прячась за старомодной занавеской, наблюдал за ворвавшимися в деревню чужаками.

Дикий край, подумал Павел, улыбнувшись в окно. Пройдет много-много лет, а в Сибири, наверное, так и будут стоять подобные маленькие деревеньки, не отмеченные ни на каких картах. И люди здесь так и будут жить по своему укладу, словно в стародавние времена: без Сети, с единственным ветхим радиоприемником, уже почти ничего не принимающим, с масляными светильниками-лампадками и слабосильным ветрогенератором, от которого не запитать и электропилу...

Группа бойцов, рассыпавшись широкой цепью, уходила в редкий сосновый лес. Последний восьмикилометровый участок маршрута надо было пройти за час.

Без нормальной связи, без спецзащиты, они, уже почти забыв про недавний бой, искали нового врага.

Теперь у них не было даже патронов.

8

Так никого и не встретив, наткнувшись лишь на несколько искореженных опаленных кусков металла, отметив их положение, они прибыли в зону эвакуации.

– Подтянись! – заорал сержант, не желая, чтобы его бойцы выглядели вконец вымотавшимися слабаками. – Веселей, черти!..

Лейтенант Уотерхилл встретил их на краю старой, уже начинающей зарастать, просеки. За ним, метрах в ста, стояла, сидела, лежала вся первая рота.

Или почти вся...

– Все на месте? – лейтенант выглядел чересчур озабоченным. Переволновался?

– Да, сэр! – сержант Хэллер приветствовал своего командира небрежным взмахом руки. С элитой в серебряных костюмах он вел себя иначе.

– Хорошо... – Лейтенант забрал у сержанта компьютерный планшет, глянул на него, отключил: всю информацию можно будет проанализировать потом, в более спокойной обстановке. Сказал: – Я все знаю. В подробностях расскажете потом. Пока располагайтесь, отдыхайте, приводите себя в порядок.

– Что-то не так, сэр? – поинтересовался из строя Гнутый, нарушая устав и субординацию. Но его никто не одернул.

– Группа Эмберто тоже нашла яйцо, – сказал лейтенант. – Почти одновременно с вами, чуть позже. Они вызвали подкрепление, но потом связь пропала. Видимо, что-то случилось с планшетом. Скорей всего, яйцо открылось. Как и ваше...

– Черт! – сержант скрипнул зубами. И у всех бойцов вдруг сжались кулаки.

Эмберто – это же Зверь! – сообразил Павел.

– Чистильщики вылетели туда? – спросил сержант.

– Нет.

– Почему?

– Они заняты. Так мне было сказано.

– Черт их раздери!

– К ним в усиление были сразу же направлены две другие группы, оказавшиеся неподалеку. Одна из нашей роты. Другая – из второй.

– И что докладывают они?

– Ничего, – лейтенант потемнел лицом. – Планшеты работают, мы их видим, но люди на связь не выходят.

– Это плохо, лейтенант, – лицо сержанта Хэллера наливалось кровью. – Это очень плохо! За каким чертом нас послали на это задание!? – Рот сержанта перекосялся, губы побледнели. – Без нормального оружия, без спецзащиты, без прикрытия, жалкими отрядами...

– Отставить, сержант! – зазвенел голос лейтенанта Уотерхилла. – Прекратить немедленно! – Молодой офицер вытянулся, напрягся, сверля глазами своего заместителя.

Они, сцепив взгляды, тяжело дышали, словно боролись сейчас. Сержант сдался первый:

– Да, сэр, – сказал он, устало опустив плечи. – Есть, сэр. Как скажете, сэр.

Лейтенант целую минуту колюче разглядывал своего сержанта, потом, фальшиво улыбуясь, махнул рукой:

– Отдыхайте, – и торопливо отошел.

– Отдыхайте, – передразнил командира сержант Хэллер. – Какой тут отдых?..

Они расположились на самом краю просеки. Разлеглись, расселись в траве, встревоженные недобрыми новостями. Разговаривать никому не хотелось. То и дело приходили знакомые из других взводов, угощали сигаретами и шоколадом, спрашивали про стычку с вылупивши-

мися экстеррами, просили рассказать, почти требовали. И уходили, так ничего и не услышав, кроме пары ничего не значащих коротких фраз.

Отделение ждало своего командира. Или хотя бы вестей о нем.

– Надо было ему идти с нами, – сказал в никуда Цеце. И прозвучало это как упрек в сторону сержанта Хэллера.

– Или нам с ним, – мрачно хмыкнул Рыжий.

Несколько раз к ним подходил лейтенант. Они вопрошающе смотрели на него, он молча покачивал головой – новостей нет, все по-старому.

Прошло полчаса, и люди на просеке зашевелились, стали подниматься, заправляться. Откуда-то появилась вторая рота, видимо, тоже отдыхали где-то неподалеку.

– Геликоптеры будут через три минуты, – возник перед сержантом лейтенант Уотерхилл. – Приготовьтесь.

– Сэр, может быть, нам стоит отправиться на поиски отставшей группы? – поднявшись, спросил Гнутый.

– Приказ ротного – всем отправляться на базу.

– Ясно, сэр. И все же...

– Нет! – обрубил лейтенант. – Там уже пропали три группы. Чем вы можете помочь?

Они молчали. Угрюмо смотрели на взводного, разумом понимая, что командир прав. Рыжий тербил ремень винтовки. Шайтан пощипывал себя за кончик носа. Гнутый игрался с ножом. Цеце, сунув руку за пазуху, скреб пальцами грудь. Павел жевал травинку.

– Мы свою работу сделали, – негромко сказал лейтенант, будто оправдывался перед бойцами. Или перед собой. – И сделали хорошо. Теперь в работу включились другие. Они лучше вооружены, лучше подготовлены. Они все сделают как надо...

С востока донесся знакомый гул. Чужие геликоптеры спешили за людьми. Незнакомые пилоты никого ждать не станут, у них и так дел по горло. Не хочешь лететь – оставайся. Попробуй потом отсюда выбраться – без карты, без еды. Обреченный дезертир...

– Он справится, сэр, – сказал Гнутый, обращаясь к лейтенанту. – Он выберется. Зверь должен мне сотню, а он всегда отдает долги.

Рыча, едва не задев раздутыми брюхами макушки сосен, вымахнули из-за леса два геликоптера. Один, закрыв солнце, повис над просекой, стал медленно опускаться. Второй, накренившись, изменив курс, пролетел дальше по вырубке, направляясь к месту, где ждали его третья и четвертая роты.

– Все! Времени больше нет! – лейтенант пытался перекричать рев двигателей и гул винтов. – Все на посадку!

– На посадку! – проорал сержант Хэллер, дублируя команду. Он оглянулся, посмотрел в лес, откуда недавно вышел его отряд, и лицо его вдруг расплылось в странной гримасе, которую с некоторой натяжкой можно было принять за улыбку.

– Идут! – сержант Хэллер ткнул рукой в сторону леса. – Идут черти!

Бойцы, кто еще не был на ногах, дружно вскочили.

Винты геликоптера подняли бурю. Трава разбегалась волнами, с кустов летели оборванные листья, пыль бурунами кружилась в воздухе.

– Я же говорил! – прокричал Гнутый. – Я вам всем говорил: Зверь всегда отдает долги!

Из леса, один за одним выбегали бойцы. Первым шел Зверь. Рядом с ним держался неуклюжий, неловкий в каждом движении боец – Павел сразу же его узнал. Узнал его и сержант Хэллер, объявил громогласно:

– Курт!

Следом бежал Пекарь из первого взвода, и еще кто-то незнакомый. Потом еще один человек выбежал, сильно шатаясь, кажется Тубовски из второй роты. И еще кто-то с черным от грязи лицом. И...

И все.

Больше никого.

Шесть человек – все, что осталось от трех групп...

– Это все? – издали прокричал лейтенант. – Где остальные? – Голоса его не было слышно за ревом винтов, но Зверь все понял, догадался. Он на бегу махнул рукой за спину:

– Там, сэр!.. Мертвы! И даже тел нет!

– Экстерры?!

– Яйцо! И два кибера!

– Потом! Все подробности потом! – Лейтенант одной рукой лепил на шею датчик ларингофона, другой включал модуль радиосвязи, собираясь доложить о возвращении людей. – Сейчас на посадку!

Приземлившийся вертолет, утонув по самое брюхо в траве и кустах, уже разинул свою черную пасть и втягивал в себя людей – всасывал колонну бойцов, словно длинную серую макаронину.

– На посадку! – проорал сержант Хэллер, с некоторым удовлетворением думая, что голос у лейтенанта все-таки слабоват.

Глава 8

20.06.2068

...Они нашли сам корабль, точнее то, что он него осталось. Не какие-то куски и обломки, которые встречались нам, а большую его часть. Яйцо лежало немного в стороне. И они, естественно, сразу же направились к нему, не обратив должного внимания на сам искореженный корабль – это и сыграло роковую роль. Два непонятно как уцелевших кибера, прячущиеся в разбитом остове корабля, открыли огонь.

Зверь должен был погибнуть, как и все остальные. Его спас Курт. За мгновение до атаки киберов немец что-то почувствовал и закричал. Зверь среагировал мгновенно, залег, откатился. Остальные – не успели. Зверь и Курт выжили. Несколько человек были ранены, они еще могли отстреливаться. Остальные погибли сразу же...

Один из киберов не мог двигаться. Видимо, удар повредил его ходовую часть. У второго кибера было что-то не в порядке с координацией – он перемещался кругами, словно был к чему-то привязан. Вообще, невероятно, что они уцелели. Нас учили, что максимальная перегрузка, которую выдерживают боевые механизмы экстерров – пятнадцать – восемнадцать g. Возможно, падение смягчили деревья. Не знаю. С этим будут разбираться специалисты.

Зверь и Курт, а так же их раненые товарищи открыли огонь по киберам. Но разрывные пули итурмовых винтовок отскакивали от брони.

Если бы киберы могли нормально перемещаться, бойцы были бы обречены. Машины экстерров предназначены для защиты яйца – это настоящие мобильные крепости, несущие на себе тяжелое вооружение. Они не промахиваются. Их датчики фиксируют каждый шорох. Они замечают все.

Но системы киберов, с которыми столкнулся отряд Зверя, были повреждены падением.

Люди отползли назад, туда, где инопланетные роботы не могли их достать. Зверь к тому времени уже вызвал подмогу. Оказавшись в относительной безопасности, он хотел было связаться со штабом, доложить обстановку во всех подробностях, но обнаружил, что компьютер разбит.

Два отряда десантников прибыли через пару часов. Они одновременно вышли к кораблю совсем с другой стороны, не оттуда, где прятался Зверь с остатками своей команды. И тоже попали под обстрел.

А потом открылось яйцо.

Об остальном Зверь рассказывает очень скупо.

Один из киберов, тот, что ходил кругами, все же двинулся вперед. Вылупившиеся экстерры разбежались по лесу, вынохая добычу для своей шевелящейся в луже слизи самки. И, конечно же, сразу учуяли мясо: свежую мертвечину и еще живую человечину.

Патроны заканчивались.

А стремительные инопланетные твари жрали людей – живых и мертвых. Росли на глазах. Таскали куски тел к самке. Здоровенный покореженный кибер ломился по кустам, расстреливая последних бойцов. Другой прятался где-то среди обломков корабля.

И только тогда, поняв, что подкрепление, если и придет, то слишком поздно, Зверь решил отступать.

Они ушли с боем, издав далеко расстреляв жрицу, уже беременную самку. Их было восемь человек. Потом их стало шестеро – кибер заметил их спины и успел выстрелить дважды...

Это все, что рассказал нам Зверь.

Сейчас он уверен, что его арестуют и будут судить за то, что он оставил поле боя без приказа. Но я считаю, что он все сделал верно...

*Настроение у всех отвратительное. Никто не ждал таких жертв.
А ведь и я мог оказаться там, с ними.
Я начинаю понимать, что это за война...*

1

За Зверем пришли на следующий день после возвращения, вечером, в личное солдатское время.

Три незнакомых человека в гражданской одежде, и брехун, старающийся держаться в стороне, но похожий на незнакомцев повадками и внешностью, вошли в казарму, отточенным привычным движением сунули золотые корочки удостоверений под нос дежурному, целеустремленно проследовали в помещение четвертого взвода.

– Капрал Эмберто? – спросил один из них, остановившись возле койки Зверя.

– Да... – Зверь поднял глаза, медленно отложил книгу, которую он на время взял у Павла, неохотно встал, понимая, кто эти люди и что им надо.

– Следуйте за нами.

– Я обуюсь.

– Да. Ремень можете оставить здесь.

– Хорошо.

Притихшие бойцы смотрели, как неторопливо собирается их товарищ.

– Куда вы его? – осторожно спросил Гнутый.

– Недалеко, – невыразительно ответил один из чужаков.

– Он все сделал правильно, – сказал Рыжий.

– Значит, ему ничего не грозит, – так же бесцветно отозвался другой.

– Присмотрите за вещами, ребята, – сказал Зверь и невесело подмигнул напрягшемуся, прячущему за спиной свои записи Павлу. – Все будет хорошо.

– Возвращайся быстрее, капрал, – сказал Шайтан, впервые назвав командира отделения по званию.

– Сразу, как отпустят...

Они ушли: один человек спереди, два сзади, посредине Зверь со скрещенными на поясе запястьями. И молчаливый брехун, смотрящий себе под ноги.

В казарме надолго установилось молчание. Потом кто-то сказал неуверенно:

– Они разберутся. Поймут, что иначе нельзя было.

– Ага, – хмыкнул мрачный Цеце. – Разберутся...

Гнутый, покачивая головой, вернулся к своему занятию. Он через прутья клетки кормил своего хота кусочками мяса. Мясо это он раздобыл в бою, подобрал его во дворе Степана и тайком увез в кармане, нарушив тем самым десяток строжайших инструкций. Это было мясо экстерра. Самое обычное мясо, как уверял Гнутый. По его словам, он не первый год кормил свою ручную зверюгу этой пищей, рискуя из-за этого оказаться на тюремных нарах.

Павел взял книгу, оставленную Зверем, закрыл ее, провел ладонью по картонной обложке. «Война миров» Герберта Уэллса.

Старый фантаст словно предвидел будущее. Смертоносные машины и кошмарные чудовища. Все так и случилось.

Только вот разума у чудовищ не оказалось. И земным болезням они не подвержены...

– Немца тоже увели, – негромко заметил Шайтан. – Того самого, что со Зверем был.

– Курта, – напомнил Павел.

– Обвинить их не в чем, – сказал Ухо.

– В дезертирстве, – угрюмо отозвался Цеце.

– Они же никуда не сбежали. Вышли в зону эвакуации, как и было предписано.

– Оставив яйцо.

– И расстреляв самку.

– Но, возможно, не уничтожив.

- Так ты на чьей стороне? – возмутился Ухо. – Что-то я не пойму...
 - На чьей бы стороне я не был, это ничего не изменит.
 - Прекратите, – Гнутый дернулся, напугав хотя. – И без вас тошно...
- Снова все замолчали. Занялись своими делами, думая об одном.
До отбоя оставалось три часа.

2

Приказ зачитали на утреннем построении под звуки приглушенного Марша Героев, после того, как на плац с противоположных сторон были вынесены два флага: звездно-полосатый США и сине-золотой UDF. Громко и четко были перечислены поименно все погибшие. Таковых оказалось девятнадцать человек. Каждого наградили Орденом Мужества, троим присвоили новые звания. Посмертно. Объявили, что семьям героев незамедлительно выплатят полагающиеся компенсации, а прах погибших в запаянных цинковых урнах будет передан родным.

Что было в этих урнах на самом деле – никто точно сказать не мог. Экстерры, порой, не оставляли и костей от своих жертв. Только титановые жетоны с выбитыми номерами и с крохотной микросхемой цифровой идентификации.

Когда отзвучала речь, двадцать бойцов с винтовками в руках выступили из строя. Они передернули затворы, вскинули стволы к небу и спустили курки.

Под треск выстрелов солдаты обнажили головы.

Форпост номер восемьсот шестьдесят три понес первые потери.

И никто не сказал ни слова об умершем в госпитале Ниецки; никто не вспомнил о первой жертве рядового Некко.

3

Внеочередное занятие по тактике вел лейтенант Уотерхилл. Впрочем, рассказывать известные, многократно повторенные вещи он не собирался. Он хотел просто поговорить со своими бойцами.

– Капрал Ягич!

– Рядовой, сэр, – напомнил Гнутый, поднимаясь с места, понимая, однако, что лейтенант не ошибся.

– Вам присвоено временное звание капрала. С сегодняшнего дня вы назначаетесь командиром отделения.

– Есть, сэр! – Гнутый щелкнул каблуками. – Извините мое любопытство, но что со Зверем, сэр?

– Не знаю, капрал. Можете сесть.

Гнутый не спешил опуститься на удобное кресло:

– Еще раз прошу извинить меня, сэр, но мы все беспокоимся.

– Я тоже, капрал. Садитесь... – Лейтенант был спокоен. Зато сержант Хэллер пыхтел от сдерживаемого негодования.

Гнутый словно раздумывал. Он уставился в потолок, отделанный белым пластиком.

– Еще какие-то вопросы? – поинтересовался лейтенант, и сержант Хэллер фыркнул, будто разъяренный бык.

– Нет, сэр, – чуть помедлив, ответил Гнутый. Продолжая смотреть в потолок, он медленно опустился на свое место.

– И еще одна новость сегодня, – сказал лейтенант. – Семь человек из нашего взвода, уничтожившие раскрывшееся яйцо, получили благодарность с занесением в личное дело.

– Я так мечтал об этом, – пробормотал Рыжий, и сидящий рядом Цеце хмыкнул.

– А так же, – чуть повысил голос лейтенант, – отмечены денежной премией в размере недельного оклада.

– Вот это уже лучше, – не сдержался Цеце. Сержант Хэллер заскрежетал зубами.

– Кроме того, им предоставлен отпуск на двое суток с возможностью покинуть Форпост.

– Да это же праздник, парни! – Цеце, словно забыв, где он находится, закрутился на месте. – Мы наконец-то можем вдоволь нагуляться в тайге!

Взвод отозвался сдержанными смешками. Разгневанный сержант Хэллер вырос под потолок:

– Молчать! – Он хлопнул тяжелой ладонью по столешнице, словно кирпичом ударил. – Слушать, что говорит командир!

– Успокойтесь, штафф-сержант, – повел перед собой рукой лейтенант, словно делал какой-то магический пасс. И сержант действительно успокоился: кровь отлила от его лица, ноздри сузились, расслабились плечи.

– Извините, сэр, – сказал он вроде бы даже смущенно и сел.

Штафф-сержант Хэллер признал власть молодого офицера. Павел встретился взглядом с лейтенантом, и они сдержанно улыбнулись друг другу, поняв, что подумали об одном.

– Я новый человек среди вас, – сказал лейтенант, обращаясь ко всему взводу. – Недавно мы были на задании, и это было мое первое боевое задание – я не собираюсь скрывать это от вас... И вот сегодня я пришел поговорить с вами. Я хочу услышать ваши вопросы. Думаю, вы хотите получить от меня какие-то ответы. Начнем?

– Начнем, сэр, – сказал Цеце. – Объясните нам, почему нас послали на это чертовое задание? Без нормального вооружения, без защиты...

4

Пришельцы, с которыми столкнулись люди, оказались безмозглыми биомашинами, способными лишь убивать, жрать и плодиться. Первое время отдельные ученые еще пытались достигнуть какого-то взаимопонимания с этими существами, веря в то, что разум может быть нечеловеческим, иным, непознаваемым. Но вскоре сомнений не осталось – твари из космоса были начисто лишены и зачатков интеллекта.

Размножались они с потрясающей скоростью – самка (это было условное название, в действительности существо, рожающее других экстерров, являлось гермафродитом), вылупившаяся из яйца, уже через несколько дней приносила потомство – двенадцать-восемнадцать злобных зверенышей, готовых убивать, жрать и расти. В выводке среди бесполох стремительных хищников обычно была еще одна молодая самка (реже – две), через четыре дня достигающая половозрелости. Таким образом, численность укоренившейся колонии экстерров росла в геометрической прогрессии.

Когда пищи становилось мало – а ели они все, даже древесину и траву, если не было мяса, – колония делилась. Большая часть экстерров, сбившись в стаю, отправлялась искать новое место, где еды хватало бы на всех. Жуткая орда двигалась быстро, и мало кто из людей мог рассказать, как выглядит со стороны мигрирующая колония экстерров. Убежать от голодных тварей было невозможно.

Продолжительность жизни этих существ была невелика – не более трех лет, как утверждали ученые. Экстерры существовали как бы в ином масштабе времени – для них один час, условно говоря, был равен человеческим суткам. Биохимические реакции в организме инопланетных тварей протекали стремительно, метаболизм этих существ был больше похож на горение. Потому вечно голодным экстеррам постоянно требовалась пища. Потому они были быстры, как ни один земной хищник.

Несмотря на отсутствие разума у отдельных особей, разросшаяся колония экстерров жила по определенным правилам. Этим экстерры очень походили на крысиную стаю. Да и во внешности у некоторых из них можно было отыскать что-то общее – длинные хвосты, острые морды. Только вот размерами взрослые особи больше походили на медведей. На стремительных медведей с крысиными хвостами, со страшными тигриными лапами, с жуткими акульими пастями, с бахромой ядовитых щупалец. Впрочем, разновидностей экстерров было немало, и они очень сильно отличались друг от друга. Кроме того, мутации нередко изменяли внешний вид инопланетных тварей до неузнаваемости.

Дискообразные корабли экстерров были насыщены радиацией. Никакой защиты от излучения в максимально упрощенной конструкции космического судна не предусматривалось. И это было понятно – инопланетные корабли выполняли одну-единственную задачу – доставить на Землю несколько яиц и отряд боевых киберов, охраняющих развивающуюся колонию.

Очевидно, что инопланетные агрессоры рассчитывали уничтожить человечество, заселив Землю плодящимися со страшной скоростью монстрами. Возможно, так бы все и вышло. Если бы не Форпосты UDF.

Как показала практика, обычная армия оказалась не способна противостоять чудовищам. Колонии экстерров возникали неожиданно, где попало, они разрастались незаметно, словно раковые опухоли. И уничтожить их было невероятно сложно – даже ковровые бомбардировки не давали эффекта. Остановить множасьихся монстров мог только ядерный удар. Но человечество лишь трижды решилось на эту крайнюю меру. Два раза собственную территорию бомбила Россия. И единожды использовал ядерное оружие Китай.

Только объединившись, можно было сдерживать нового врага. И коалиция спешно создавалась – у США имелись необходимые технологии, а у всех остальных были люди, ресурсы и

территории. Все больше стран вступали в UDF, признавая очевидное: справиться с инопланетной напастью можно лишь всем миром.

По всей планете разворачивалась единая система противовоздушной обороны. Теперь корабли экстерров приземлялись редко, еще реже они уходили назад, в космос. Обычно их сбивали в верхних слоях атмосферы, на подлете. Они горели, падали, но свое предназначение тем не менее выполняли – как и прежде они доставляли яйца на поверхность планеты.

И тогда в работу включались Форпосты. Мобильные отряды бойцов, получив команду, за считанные минуты могли высадиться в любой точке планеты для того, чтобы уничтожить не успевшего еще укорениться врага. Любое промедление было опасно.

5

– ...Поэтому нас и отправили на поиски сбитого корабля, – подвел итог лейтенант Уотерхилл. – Иначе мы имели бы дело с целой колонией, и неизвестно, сколько гражданских людей погибло бы, промедли мы хотя бы сутки.

– Все это мы слышали сто раз, – недовольно сказал Цеце. – Мы не хуже вас, а может и лучше, знаем, что такое колония экстерров. Но почему нас послали на задание практически без оружия, без нормального инструктажа?

– Вы сами знаете, почему, – сказал лейтенант, пожав плечами. – Официально Форпост еще не готов выполнять свои задачи. Но возникла необходимость. Мы выполняли приказ.

Сержант Хэллер недовольно косился на Цеце. Ему-то все было ясно. Есть враг, и врага необходимо уничтожить. Есть приказ, и приказ надо выполнить.

– А что, все-таки, со Зверем, сэр? – со своего места поинтересовался Гнутый. – Неужели вам совсем ничего не известно?

Лейтенант помрачнел. Сказал сухо:

– Я не имею права что-либо говорить об этом... – он замолчал, оглядывая лица своих бойцов. Кто-то слушал с интересом, кто-то откровенно скучал. Сержант Хэллер усердно таращился на стену. Капрал Енчек, командир второго отделения, скреб ногтем пластиковое покрытие стола. Рядовой Голованов черкал что-то в своем блокноте. Как обычно. Действительно – Писатель. Правильное дали ему прозвище.

– Но я скажу, – проговорил лейтенант, и с удовлетворением заметил, как ожили глаза подчиненных. – Капрал Эмберто здесь, на территории Форпоста. Звания его не лишили. Люди из спецслужбы беседуют с ним. Никаких официальных обвинений капралу пока не предъявлено.

– Почему же его держат в изоляции?

– Этот вопрос не ко мне, – лейтенант развел руками.

– Гнилые они люди, – пробормотал Рыжий. В голосе его было столько злобы и ненависти, что Павел оторвался от своих записей и оглянулся.

– Гнилые! – громко повторил Рыжий и отвернулся в окно.

Стало тихо.

Билась в стекло муха. Где-то далеко надрывно гудел дизель.

– Что ж, – сказал лейтенант, – на сегодня, думаю, хватит.

Он читал личное дело Рыжего и догадывался, откуда в нем эта злость и недоверие к людям из спецслужб.

– Занятие закончено, – объявил лейтенант и вышел до того, как бойцы поднялись со своих мест.

6

После обеда Павел сразу же направился в канцелярию за увольнительной и обещанной премией. В дверях он нос к носу столкнулся с Некко. Здоровяк схватил его за плечо и только после этого увидел, кого он поймал. Хищно усмехнувшись, Некко сдавил плечо Павла, и зашипел, кривя губы:

– Готовься, чемпион. В следующий вторник. Вечером. Я сотру тебя в пыль. Я размажу тебя по рингу...

Возможно, Некко размазал бы Павла прямо сейчас, на широком крыльце канцелярии. Но здесь было слишком много свидетелей. Двустворчатые автоматические двери то и дело открывались перед снующими людьми. В курилке неподалеку расположилась группа молодых офицеров, они что-то живо обсуждали, смеялись громко. На колоннах, подпирающих крышу, медленно поворачивались из стороны в сторону все фиксирующие видеокамеры.

Павел, стараясь не показывать, что ему больно, ухватил большой палец Некко, вонзившийся в плечо. Вывернул его, и хватка здоровяка ослабла.

– Почему ты так меня ненавидишь? – негромко спросил Павел, снизу вверх заглядывая в исказившееся лицо Некко. – Что я такого сделал?

– Я – чемпион! – Некко словно не слышал вопроса. – Я – лучший! – Вторая его рука вцепилась Павлу в плечо, впила пальцем в ямочку над ключицей, и Павел присел, заскрежетал зубами от боли.

– Во вторник! – Некко щерился, с упоением ощущая, как мнется в ладони разом ослабшее плечо соперника. – Готовься!

Павел резко отшатнулся, одновременно ударил клином сомкнутых рук снизу по каменным запястьям противника, перехватил соскользнувшую ладонь, вывернул ее, скрутил, навалившись всем телом. И теперь уже Некко присел, скрипя зубами от боли и ярости.

– Эй, что тут у вас? – остановился около сцепившихся бойцов проходящий мимо незнакомый офицер.

– Ничего, сэр, – Павел попытался улыбнуться. – Просто показываю товарищу один прием.

Он толкнул противника, отпустил его руку и проскользнул в услужливо распахнувшуюся дверь.

Рядовой Некко, пытая, тер ладонь. Боевой запал как-то разом угас, но злоба стала еще сильнее, еще более жгучей. Ничего, во вторник все встанет на свои места. Надо лишь чуть-чуть подождать. Здесь многое нельзя, но на ринге можно все...

Офицер долго смотрел на раскрасневшегося бойца, что-то бормочущего себе под нос, потом спросил:

– Это тебя называют Титаном?

– Да, – Некко вскинул голову.

– Я видел, как ты дрался... Ты знаешь, что твой соперник умер?

– Да.

– Это ты его убил.

Некко ухмыльнулся горделиво. Запротестовал:

– Я не убивал его. Я просто его ударил. Умер он сам.

– Будь осторожней, рядовой, – помолчал, сказал офицер. – Будь осторожней.

Глава 9

23.06.2068

Сегодня суббота, и мы едем в город!

Деньги нам выплатили, все бумаги подписаны. Рыжий ходил к техникам, у него там знакомые, договорился – они после обеда собираются на дальние склады, туда пойдут порожняком, и согласны захватить нас. Обратно уж как-нибудь доберемся сами. В понедельник мы должны быть на утреннем построении. Так что все выходные – наши.

Смотрели в сети: город молодой, небольшой – сто тысяч населения. Называется Кимора. Звучит как-то по-японски, хотя основан китайцами, получившими российское гражданство. Население пестрое – русские, китайцы, буряты, монголы. Два крупных промышленных предприятия – горнорудный и целлюлозный комбинаты. Город достаточно богатый, так что, думаю, будет где погулять.

Едем всем отделением. Только две вещи несколько омрачают радость. Первая: Зверь не с нами. И вторая: с нами сержант Хэллер.

С самого утра все собираются: отглаживают форму, полируют зубы и ботинки. Гнутый достал коробочку с наградами, нацепил на китель – вся грудь в медалях. Где он столько насобирал? Ухо возится со своим ремнем, чистит офицерскую бляху – для него она лучшие всяких медалей. Надо бы расспросить поподробней, что за история связана с этим ремнем. Шайтан занимается садомазохизмом – выдергивает из носа волосы. Цеце ничего не делает. Валяется на койке и рассказывает, что первым делом он закажет в ресторане, если туда попадет.

Гнутый собирается взять с собой хота. Уже припас для него поводок и ошейник. Зверюга, видимо, чувствует общее настроение: сидит в клетке, ничего не жрет, разглядывает нас зелеными кошачьими глазами, будто ждет какого-то подвоха. Занятный зверь.

Культурная программа на эту поездку у нас одна: как следует выпить. Повод – обмывание моего нового прозвища и боевого крещения. Потому основные расходы ложатся на меня.

Вместе с нами в город едут еще три человека из нашей роты: немец Курт, белорус Пекарь и венгр Хорти. Они дрались вместе со Зверем, вместе отступали, прикрывая друг друга, потроша открывшееся яйцо разрывными пулями и сдерживая двух киберов. Но они выполняли приказ, уходя с поля боя, поэтому их лишь несколько раз вызывали на дознание. Что со Зверем, они тоже не знают.

Что со Зверем?

Эта мысль гложет нас всех...

1

Дизельные грузовики повышенной проходимости, сердито рыча, взбирались на склон сопки по дороге, выстеленной бетонными плитами. Позади осталась крепость Форпоста, охраняемый шлюз КПП, три линии ограждения. Впереди горбатился сопками горизонт, плыли по небу навалы чистых облаков, и жизнерадостно блестело солнце.

Впрочем, ничего этого бойцы, находящиеся в кузове-кунге, не видели. Они сидели на жестких откидывающихся скамьях среди глухих стен и хватались за все, что подворачивалось под руку, когда грузовик начинал трястись и прыгать на разошедшихся стыках бетонных плит.

Когда вездеходы выползли на вершину сопки, впереди в жарком пыльном мареве показался город. Он расположился в небольшой долине, где петляла широкая, но мелководная река, иссеченная мостами, испещренная крапинами голых островов. Казалось, город стек в эту низину по пологому склону горы, оставив на нем редкие россыпи строений – как ползущий и таящий ледник оставляет за собой груды валунов.

Грузовики рявкнули сигналами, давая понять слепым пассажирам, что конец путешествия близок.

Через минуту военная дорога закончилась, и под колесами ускорившихся вездеходов зашуршал раскаленный липкий асфальт.

2

Их высадили на окраине – грузовики в город не заходили. Десять помятых человек в отутюженной форме один за другим прыгнули на землю – словно десантировались из кузова. Потянулись, огляделись, шурясь.

Они стояли на перекрестке, буквально в трех шагах от остановки городского транспорта. Высокие столбы, увенчанные фонарями, держали на стальных растяжках ажурное плетение проводов. В листве подстриженных едва ли не наголо тополей чернели разваливающиеся корзины вороньих гнезд. На противоположной стороне улицы тянулся вдоль дороги кирпичный забор, разрисованный яркими граффити. За ним, словно жестяное поле, распростерлись плоские, блестящие металлом крыши. Торчали трубы, обвешанные антеннами, и оттого похожие на деревья. Высилось не вписывающееся в общий ландшафт здание из стали и зеленого стекла.

– Ну, что? – приоткрыв дверь, высунулся из кабины грузовика улыбающийся водитель. – Все сошли? Следующая остановка – армейские склады.

– Все, – откликнулся Гнутый, сутулящийся больше чем обычно. – Спасибо. Удачи вам.

– Отдохните как следует, ребята! – водитель скрылся в кабине. – Удачи!

Всхрапнул проснувшийся двигатель – из выхлопной трубы вырвался клуб сизого дыма. Грузовики тронулись с места, свернули на окружную дорогу, на несколько секунд остановились перед светофором. А потом исчезли из вида за вереницей длинных строений – только рев мощных дизелей был еще слышен.

– Ладно, ребята, – сказал Гнутый. – Времени зря терять не будем, оно наше, так что предлагаю без промедления отправится на поиски приключений.

Сержант Хэллер хотел напомнить, кто тут старший, но, поразмыслив, все же решил, что сейчас для этого не лучшее время.

3

Заблудиться в городе было непросто: прямые улицы вели либо в центр, либо от него. Всюду висели указатели на общепринятом английском. Остановки в транспорте объявляли на двух языках. В этот субботний день город был запружен людьми, и они с радостью могли подсказать дорогу: языкового барьера в цивилизованном мире больше не существовало.

– Вы не подскажете... – обратился Павел к проходящей мимо женщине восточного вида. Обратился по-русски, а она откликнулась на английском:

– Да?

– Здесь есть какое-нибудь место, где обычно собираются военные?

Женщина задумалась ненадолго, улыбнулась, извиняясь:

– Я точно не знаю, особенно не интересовалась. Но в клубе «Экипаж», кажется, много военных.

– Да-да, – поддакнул стоящий поблизости, прислушивающийся к разговору сухой старичок в старомодной шляпе, с тростью и в солнечных очках. – У меня сын работает на аэродроме, они с товарищами часто там отдыхают.

– Спасибо, – сказал Павел. – А как туда добраться?

– Лучше всего на такси, конечно, – улыбнулся старичок. – Но можно пешком: десять минут, и вы на месте. Идите прямо до третьего перекрестка, потом повернете. Пройдете до трамвайных рельсов, а уж там спросите.

– Спасибо, – еще раз поблагодарил Павел. Старичок улыбнулся ему:

– Сынка моего если увидите, привет ему передавайте, они с друзьями каждую субботу там. Пусть домой забежит. Володей его зовут, у него пятно родимое под глазом. Сразу узнаете, если увидите.

– Хорошо, – пообещал Павел. – Обязательно.

...Клуб «Экипаж» они нашли сразу же, как только перешли трамвайные рельсы, о которых говорил улыбчивый старик. Дорогу повторно спрашивать не пришлось – на фонарном столбе висела приметная вывеска с указателем. Надо было лишь завернуть за угол.

Двухэтажное здание из темно-красного кирпича было словно придавлено корпусом древнего самолета, приземлившегося на плоскую крышу. С распростертых крыльев свисали гирлянды лампочек, по спутавшимся проводам вился плющ. В тени крыльев стояли легкие пластмассовые столики. Три девушки в синих фартуках разносили мороженое, коктейли и пиво, устало улыбались посетителям. Свободных мест почти не было. Гомонили дети, дамы что-то громко требовали от своих кавалеров. Звенели бокалы, дребезжал смех, кто-то завывал под аккомпанемент караоке.

Поднявшись по металлическим ступеням лестницы, стилизованной под трап, товарищи вошли в клуб. Здесь было не так шумно. Негромко гудели кондиционеры, нагнетая волны прохлады. Под тихую музыку в центре просторного зала, где места хватило бы полку танцоров, вальсировали две парочки – то ли специально приглашенные артисты, то ли простые посетители. Было сумрачно – закрытые жалюзи на окнах не пропускали свет в помещение, и здесь всегда царил вечер. Вращался под потолком зеркальный шар, и белые хлопья света кружились вместе с танцующими. Мягко, словно гаснущие угли, светились фонари над жмующимися к стенам столиками. За длинной стойкой два бармена в летной форме лениво и изящно жонглировали бутылками, фужерами, шейкерами и прочей сверкающей утварью. Девушки-китаянки, одетые стюардессами, высматривали, не понадобится ли кому-нибудь что-либо. Откуда-то доносился приглушенный сухой треск – где-то играли в бильярд. Посетителей было немного. Верней, свободных мест было достаточно. Зал оказался настолько велик, что понять, сколько же здесь сейчас отдыхает людей, было непросто.

– Место – первый класс! – выдохнул Цеце.

– И куда мы? – Гнутый даже несколько растерялся, оказавшись в полутьме перед таким простором.

Практически не сговариваясь, они направились к ближайшему столику. Не самый лучший выбор – у входа – но им было бы неловко бродить сейчас по залу, рядом с танцующими, под взглядами отдыхающей гражданской публики, выискивая более удачное место, словно копытами цокая подкованными ботинками по каменным плиткам пола.

Девушка-китаянка уже ждала их. Она протянула меню сержанту Хэллеру, безошибочно угадав в нем старшего. Сержант оценил это, кивнул девушке, улыбнулся ей.

– Поосторожней, красавица, – хитро прищурился Шайтан. – Наш сержант смешки да улыбочки не любит.

Девушка улыбнулась и ему.

Они заказали пиво, им очень хотелось пить. Через несколько секунд десять стаканов с шапками пены стояли на столе.

– Итак, – сглотнул слюну Цеце, – первый тост... – И лица у всех стали серьезными, даже мрачными.

– За тех, кого с нами нет, – сказал Гнутый.

Они свели стаканы вместе, но не чокнулись – первый тост всегда за погибших, тихий тост, без звона.

Утолив жажду, утерев губы, товарищи отставили высокие стаканы. Склонили головы, сцепили руки. Затихли, задумались.

«Со стороны это выглядит как молитва», – подумал Павел. И тут же поправил себя: – «А это и есть молитва».

– Я знал многих, – негромко сказал сержант Хэллер. – С Каллаи, Шомовым и Кимом я служил в Польше. Со Стевенем и Бекешей я встречался в ЮАР. Газали спас мне жизнь под Таралгой в Австралии... Их больше нет... – голос его звучал необычно, проникновенно, и несколько удивленный Павел по-новому взглянул на сержанта. Вспомнил его слова: «Я не настолько туп, и не так груб, как выгляжу. Это роль. Погоны – это как маска. Я надеваю форму, и начинаю играть роль».

– С Ревенко я служил в Иране, – сказал Гнутый.

– Я хорошо знал Перса, – сказал Цеце.

– Шумаха был моим товарищем, – сказал Ухо.

– За них, – сказал Рыжий, поднимая стакан.

Они снова свели полупустые стаканы, пригубили пиво.

Павел посмотрел по сторонам. Все так же кружились под музыку танцующие пары, и пургой металась по полу осколочка света, и красиво ложились на веселые лица людей приглушенные багровые отблески светильников. Но все это как-то поблекло, потеряло живость, отодвинулось на задний план.

Настоящим сейчас было одно: их тесный круг, их столик, холодные стаканы в руках, горечь во рту.

– Мы бы все остались там, – сказал Хорти.

– Нас вывел капрал Эмберто, – добавил Пекарь.

– За него, – сказал сержант Хэллер.

Стаканы опустели. За спиной Рыжего возникла миловидная официантка, но теперь ее улыбка казалась неестественной и ненужной.

– Водки нам, – сказал Цеце. – И что-нибудь закусить пожирнее и посытнее.

– А мне виски, – придержав девушку за руку, добавил сержант Хэллер.

– Вы в России, сержант, – сказал Цеце. – Здесь надо пить водку... Водки нам всем!..

Они помолчали, ожидая, когда принесут заказ. Цеце кивнул Павлу:

– Ты разливаешь.

Все та же девушка принесла литровую бутылку водки, граненую, запотевшую, опечатанную сургучом, водрузила в центр стола. Расставила искрящиеся гранями рюмки. Сказала, мешая русские и английские слова:

– Из закусок есть холодец, заливная рыба, мясная нарезка, селедка, капуста с клюквой, икра. Что будете?

– А сало есть? – спросил Цеце.

– Есть бекон.

Цеце поморщился:

– Давай холодец.

– Я хочу бекон, – заявил сержант Хэллер.

– Нет, сержант, – возразил Цеце. – Бекон вы будете заказывать в Англии. А сегодня мы будем есть холодец, икру и селедку. И горячий борщ на обед. У вас есть борщ?

– Да. Подавать?

– Нет, не сейчас. Позже.

– Хорошо... Еще что-нибудь?

– Принесите это, а дальше поглядим. – Цеце, пальцами сломав сургучную печать, протянул Павлу бутылку, похожую на хрустальную гранату: – Разливай!

Их было десять человек. Бутылка была одна. Павел никого не обидел, выжал последние капли в рюмку сержанта, сказал привычное:

– Самая сила.

На столе появилась закуска: тарелка с серыми кубиками студня, крохотный деревянный бочонок с бусинками красной икры, продолговатое блюдо с селедкой, залитой маслом, прирушенной кольцами лука.

– наших погибших товарищей мы будем помнить всегда, – сказал Цеце. – Но хватит о грустном. Мы живы, а разве это не повод для веселья? Разве не для того собрались мы здесь, чтобы отпраздновать сей знаменательный факт?..

– Короче! – приказал сержант. Холодная рюмка жгла ему ладонь.

– Извините меня, сэр, – Цеце коснулся пальцами руки сержанта, – но вы ничего не смыслите в настоящем застолье. Поэтому, очень прошу меня не перебивать.

Сержант Хэллер пробормотал что-то сердитое, но, тем не менее, замолчал. Взял двузубую пластмассовую вилку, с некоторой опаской подцепил на нее кусок студня – блюда для него нового, незнакомого, выглядящего не очень-то аппетитно.

– Выпьем за живых, – Цеце поднял рюмку на уровень глаз, посмотрел сквозь нее на мерцающий светильник. – За всех нас!

Они дружно опрокинули рюмки. Курт поперхнулся, закашлялся. Павел похлопал его по спине. Шайтан пальцами подцепил колечко лука, положил в рот. Рыжий, поморщившись, потянулся к икре. Сержант Хэллер одними губами попробовал студень.

– А вы знаете, что это такое, сэр? – спросил Цеце, украдкой подмигнув Павлу.

– Что? – с подозрением спросил сержант.

– Это соленая лягушачья икра, – Цеце был серьезен. – Национальное русское блюдо.

Сержант с отвращением взглянул на кусок студня, отложил вилку, вытер губы. Сказал неуверенно, догадываясь, что его обманывают:

– Врешь?

– Нет, сержант. Русские любят икру. Лягушачью в том числе.

– Лягушек едят французы, – припомнил сержант.

– А лягушачью икру – русские. И вы, сэр...

Цеце командовал застольем. Павел посматривал на товарищей, и видел, что для них это привычно и нормально.

«У каждого – своя роль...»

Обстановка несколько разрядилась. Никто уже не вспоминал вслух о недавно погибших товарищах, о пропавшем Звере. Никто не говорил об экстеррах, о киберах и радиоактивных инопланетных кораблях.

Опустела четвертая бутылка. Захмелевший сержант, забывшись, закурил прямо за столиком. Посетители клуба, почуяв табачный дым, закрутили головами, недовольно зароптали. Появившаяся официантка попросила потушить сигарету, стала объяснять, где можно курить, где нельзя. Сержант тупо рассматривал ее, не совсем понимая, что хочет от него эта миниатюрная девушка с тихим, совсем не командным голоском.

Цеце выдернул сигарету из губ сержанта, потушил ее пальцами. Извинился перед девушкой, попросил принести еще водки, и в который уже раз поинтересовался, не найдется ли кусочек сала в этом прекрасном заведении.

Гнутый, достав хотя из сумки, посадил его на стол и кормил икрой. Хот икру есть не хотел, он норовил укусь за нос Шайтана, лезущего к нему целоваться.

Курт и Рыжий что-то горячо обсуждали. Пекарь, Цеце, Хорти и Ухо спорили, кто из славянских народов старше.

Время расплылось, словно растаявший студень.

Несколько раз прозвучал тост за Павла, получившего новое имя. Сержант Хэллер громогласно объявлял себя крестным и лез обниматься. Испуганный хот по-кошачьи шипел на сержанта, а Гнутый гладил свое ручное животное, пытаясь успокоить, и все тыкал в острую хориную мордочку пальцами, перемазанными икрой.

Они съели борщ, тут же забыв об этом. Сержант все же заказал себе бекон, но хот оказался проворней, и почти весь бекон достался ему. Официантка дважды подходила со счетом, должно быть опасалась, что разгулявшиеся бойцы не смогут расплатиться позже. Павел отсчитывал купюры, ободряюще улыбался девушке.

Людей в помещении прибывало. Танцующие пары давно куда-то исчезли. Музыка сменилась – теперь звучало что-то жесткое, ритмичное. Моргала светомузыка, призрачные лучи лазеров прошивали сгустившийся воздух. Яркие цветные прожектора высветили высокую сцену, на которой терлась о блестящий шест полураздетая девушка. В зале появились новые столы. Публика менялась – все больше мелькало людей в форме, больше становилось пестро одетой молодежи. За стойкой бара расселись девицы в вызывающе коротких юбках. Вышли из подсобных помещений широкоплечие охранники, замерли на своих постах, расставив ноги, развернув грудь. Девушек-официанток сменили молодые люди.

Уютный семейный ресторан постепенно превращался в шумный ночной клуб.

Ушедший покурить сержант вернулся с большеротой блондинкой, забился в угол, посадив ее на колени, угощая икрой, как недавно Гнутый угощал своей хота. Шайтан, пробившись сквозь толпу танцующей молодежи, ословело разглядывал извивающуюся на сцене девушку. Ухо то ли нашел кого-то из знакомых, то ли только что познакомился с кем-то – он сидел с компанией за соседним столиком и рассказывал анекдоты, вдвойне смешные из-за его гнусавого голоса.

– Везде одно и то же! – говорил Цеце, наклонившись к Павлу. – Где ни окажись, в любом краю, в любой части мира – везде найдешь такое место. Здесь одна и та же музыка, и неотличимые друг от друга девчонки, стриптиз, алкоголь, легкие наркотики. Это наша мировая культура, сплав культур и культурочек. – Цеце был пьян и потому зол. Хмурый Рыжий обнимал друга за плечи и кивал, кивал, соглашаясь с каждым произнесенным словом.

– ...Я служил на всех континентах, кроме Антарктиды. И везде, куда бы я ни пришел, было это: танцы и музыка, выпивка и девчонки. И нигде я не мог найти и кусочка сала! А ведь это мое детство! Это память! Это моя история! Меня лишили моей истории, моей культуры, не спросив меня. А взамен дали только это. И здесь я чувствую себя проституткой... – Он

кричал, потому что гремела музыка. – Вам русским повезло – у вас большая территория, ваша Сибирь – это болото! Помнишь тех стариков? Тех, которые подобрали яйцо? Это ваши корни! А где наши корни? Я скажу тебе, где! Они в книгах, которые читают лишь такие чудачки, как ты! Наши корни в прошлом! У нас есть только настоящее! И неизвестно еще, есть ли у нас будущее!..

Возле сцены завязалась потасовка – несколько пьяных молодых людей сцепились с охранниками. Толпа раздалась, освободив место для драки. Крики и мат заглушили музыку.

Сержант Хэллер, услышав шум, повернул голову, вытянул шею – глаза его запылали.

– ...Мы ничто! Пустое место! Мы все потеряли, у нас больше ничего нет! Мы сами отдали все! Променили на сытость и благополучие! – Цеце не обращал внимания на драку. – У нас есть гражданство и национальность, но нет отечества! Ты знаешь это слово, русский? Знаешь? Мы сами не заметили, как остались без Родины...

Разбуянившихся парней наконец-то уладили, вышвырнули на улицу через черный ход. Охранники, заправившись, отдышавшись, снова заняли свои посты. Погас интерес в глазах сержанта Хэллера. Снова он вспомнил о заскучавшей на коленях блондинке, заворчал ей что-то на ушко.

Павлу не нравилось все то, о чем говорил Цеце. Он хотел поспорить, хотел опротестовать злые обвинения в непонятно чей адрес, но пока не находил слов.

– Ты чего головой мотаешь? Не согласен? Скажи – ты не согласен?

– Мы – люди! Мы граждане Земли, сыновья нашей общей планеты! – Павел сейчас защищал себя и весь мир от непонятной пьяной злости Цеце. – Неважно, какой мы национальности, неважно, какой у нас цвет кожи, и где мы родились! Мы – человечество! Неделимое целое! Единое! Человечество!

– Ты говоришь чужими словами! – Цеце сплюнул, повернулся к Рыжему, оскалился: – Ты слышишь, что из него лезет? Чувствуешь, чем у него забиты мозги?

– Пропаганда! – Рыжий выругался.

– Но это правда! – Павел чувствовал себя оскорбленным.

– Правды больше нет! Кончилась правда!

– А что есть?

– Телевидение и сеть! Вот что есть!..

Они кричали друг на друга, они вышли из себя, они уже не отвечали за свои действия и были готовы сцепиться, но тут в разговор вмешался Гнутый. Он рявкнул так, что сержант Хэллер оторвался от своей блондинки, а перепугавшийся хот рванулся на поводке и свалился в селедку.

– Хватит!

Они подавились произнесенными словами, замерли, открыв рты, бешено сверкая глазами. Цеце первым опустил взгляд, поднял руки, словно сдавался. Сказал:

– Успокойтесь... Все, тихо...

Рыжий усмехнулся. Павел разжал кулаки.

Гнутый хмуро смотрел на них.

– Чего разбушевались, славяне? – спросил он. – Подрались хотите?

– Еще надеремся, – спокойно сказал Цеце, беря в руки полупустую бутылку и подвигая к себе рюмки. – Давайте лучше выпьем за дружбу. – Он разлил водку, не пролив и капли, хотя его нетвердая рука ходила ходуном. – Только настоящий друг может сказать тебе правду в глаза. Поэтому – за друзей!

Они выпили, чокнувшись – Рыжий, Цеце, Гнутый, Павел, сержант с блондинкой. Курт спал – даже во сне он выглядел нескладным. Остальные куда-то запропастились, должно быть веселились в толпе.

– А теперь я спокойно продолжу, – сказал Цеце. – И пусть все меня спокойно слушают... – Он посмотрел на Павла. Только на него одного. – Запомни, Писатель – единого человечества нет и никогда не было. Всегда всем заправляли сильные. И знаешь, кто сейчас заправляет?

– Лига наций, – сказал Павел.

– Точно! – ехидно усмехнулся Рыжий, и Цеце не остановил его. – А вот кто заправляет Лигой наций? Тебе намекнуть? Из чьих солдат формируются элитные отряды, практически никогда не участвующие в открытых столкновениях с экстеррами? Какое гражданство имеет восемьдесят процентов офицерского состава? Чей полосатый флаг развевается на флагштоках Форпостов? Лиги наций?

Павел нахмурился:

– Что вы имеете в виду?

– Ничего особенного, – сказал Цеце. – Просто не надо говорить мне о равенстве и единстве. Это слова брехуна. А правда такая – и пьяный сержант Хэллер не даст мне соврать: девятнадцать наших товарищей погибли, хотя все могли остаться в живых. На нас экономят. Мы – пушечное мясо. Мы – солдаты низших каст. Ты не думал, почему у гвардейцев есть самая новейшая техника, самое мощное оружие, а у нас почти ничего нет? Ты не рассуждал, а для чего нас бросили в ту дикую местность, когда яйца могли бы найти с воздуха? Я тебе скажу – топливо с каждым годом дорожает. Топливо в дефиците. А люди плодятся сами. И жизнь одного десантника почти ничего не стоит. Умрет один – призовем другого. Погибнет взвод – призовем еще один. Да, мы защищаем нашу планету от инопланетных тварей. Всю планету! Но равенством здесь и не пахнет!..

– Нами управляют гнилые люди! – глаза Рыжего потемнели.

Павел катал в ладонях ребристую рюмку. Ему очень не нравились слова товарищей. Да, слова эти были искренни, в них, несомненно, была какая-то часть правды, но правды однобокой, кривой.

Яйца могли найти с воздуха? Если бы могли – нашли бы! Значит были какие-то обстоятельства, о которых нам неизвестно, не положено знать. Может быть, все доступные силы были задействованы на других участках. Возможно, обломки инопланетного корабля и яйца экстерров невозможно отличить сверху от обычных валунов. А в тайге и вовсе ничего не видно под кронами деревьев.

Почему в частях специального назначения, в элитарной гвардии, где служат граждане США, есть все, начиная от роботизированных бронекостюмов высшей степени защиты и заканчивая портативными системами глобальной связи, а бойцы Форпостов вооружены обычными пороховыми винтовками? Но если средств на всех не хватает? Откуда взять деньги на полное перевооружение? Элитные части выполняют свои функции, они перестанут быть элитой, если у них не будет должного технического оснащения. А у Форпостов свои задачи, и они справляются с ними.

«Пушечное мясо...»

Штаты с самого начала взяли на себя нелегкую задачу. Они первые столкнулись с незнакомой страшной опасностью. Они все свои силы, военные и научные, бросили на изучение неведомого ранее врага. Они вложили огромные средства в разработку и формирование новейшей оборонной системы. Сколько своих денег они потратили на благо всего мира!

Да, у них сейчас свои задачи. Они – элита. Они – мозг.

А мы тогда кто?

«Пушечное мясо...»

Павел хмурился.

– Что, зацепило, Писатель? – с усмешкой спросил Цеце.

– Это все неправильно, – сказал Павел, осуждая слова товарищей.

– Вот именно, – сказал Рыжий, посчитав, что Павел согласился с ними.

Опять возле залитой светом прожекторов сцены затеялась драка. Сорвались с мест охранники, бросились в толпу. Сержант Хэллер, подвинув девицу, приподнялся, жадно вглядываясь в разрастающуюся сумятицу. Ноздри его раздулись, скулы закаменели, кулаки сжались. И вдруг он вздрогнул, пророкотал гневно, выпрямляясь, стряхивая с колен разомлевшую девицу:

– Наших бьют!

Он увидел, как из колышущейся толпы, размахивая руками и ногами, вылетел маленький человечек в разорванной ярко-синей форме с нашивкой «U.D.F.» на рукаве. Упал спиной на стол, расплескав посуду. Поднялся, зажимая ладонью крупный острый нос – кровь из ноздрей лилась на грудь. Покачался немного, приходя в себя, и снова бросился в самую свалку, попутно боднув головой спешащего туда же охранника.

– Наших бьют! – донеслось из толпы. И Павел узнал этот гнусавый голос.

Рыжий схватился за бутылку. Цеце схватился за Рыжего. Сержант перешагнул через вращающуюся на полу пьяную девицу, опрокинул два стула, двинулся по направлению к толпе, закатывая рукава, тяжело дыша и гневно взрыкивая. Гнутый непослушными пальцами привязывал огрызающегося хота к ножке стола. Курт спал.

– Черт возьми! – вопил Цеце, пытаясь вырвать бутылку из рук товарища. – Я чувствовал! Я знал!

Сержант Хэллер ворвался в толпу, словно разъяренный кабан-секач в стаю волков. Задвигал руками, будто поршнями. Запыхтел, захрипел, заухал. Он не дрался, как могло показаться со стороны. Он умирал толпу.

Музыка оборвалась. Стриптизерши подхватывали с пола только что сброшенную одежду, торопились убраться со сцены, семеня на своих жирафьих ногах, взвизгивая, хватаясь друг за друга.

– Везде одно и то же! – выкрикивал Цеце, пытаясь удержать рвущегося в драку Рыжего. – Куда ни приди! Везде все одинаково!

Гнутый, наконец-то привязав к столу свою животину, бросился на помощь сержанту. Впрочем, тому помощь не требовалась. Он расшвыривал всех, кто попадал ему под руку. Он грудью рассекал толпу, словно ледокол торосы. Здоровенный вышибала повис у сержанта на плечах, но тот просто повел плечами, и охранник отцепился, повалился на пол, под ноги дерущихся.

Павел слегка оторопел, наблюдая за разворачивающимся побоищем. Все больше людей ввязывалось в драку. Все чаще слышались выкрики: «Наших бьют!», и уже не разобрать было, кто кого бьет, где «наши», где «не наши». В ход пошли пластмассовые стулья. Кто-то скакал по опустевшей сцене, пытался выдрать, вывернуть из пола блестящие шесты, вокруг которых только что танцевали девушки.

Вдребезги разбилась о чью-то голову пущенная тарелка.

Сержант Хэллер выволок из сутолоки мотающихся Шайтана и Пекаря, прислонил их к стене, придавил своим мощным телом, рявкнул:

– Стоять здесь! – и снова бросился в толпу.

Гнутый уже дрался с крепкими парнями в форме американских летчиков. Он был один, их было пятеро. Они оттерли его от общей свалки, они теснили его, зажимали в темный угол, намереваясь сбить с ног, затоптать, раздавить.

Стереть в пыль, размазать...

И Павел сорвался с места, забыв обо всем. Он налетел на этих летчиков, сразу же сбил одного подсечкой, сам получил крепкий удар в грудь, задохнулся, но тут же пришел в себя, коротко ткнул кулаком в подвернувшееся румяное лицо.

– Наших бьют! – заорал он по-русски, уже понимая, что не выстоять им двоим против пятерых. И подмога пришла. Выскочил откуда-то незнакомый парень в летном комбинезоне, со

звездно-полосатой нашивкой на рукаве. Павел хотел было ударить его, решив, что еще одним противником стало больше, что еще один американский пилот присоединился к своим товарищам. Но парень, увернувшись, заругался матом на чистом русском, заорал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.